

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА
Исторический факультет

На правах рукописи

Гриценко Алина Игоревна

**Учебный процесс, быт и общественно-культурная жизнь студентов
Московского университета в 1835–1863 годах**

Специальность 5.6.1. Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
Доктор исторических наук, доцент
Д.А. Цыганков

Москва – 2025

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
1. Численность и социальный состав студенчества Московского университета во второй трети XIX века.....	48
1.1. Динамика численности студентов в 1835–1863 годах.	48
1.2. Сословный и конфессиональный состав студенчества.....	70
1.3. Возрастные характеристики студентов Московского университета.....	89
2. Учебная деятельность студентов.....	98
2.1. Процедуры поступления в университет	98
2.2. Учебный процесс в Московском университете второй трети XIX века	117
2.3. Итоговые экзамены и профессиональные перспективы студенчества	150
3. Повседневная жизнь студенчества Московского университета	164
3.1. Бытовые условия жизни казенных и своекоштных студентов	164
3.2. Студенчество и администрация: механизмы контроля и взаимодействия .	198
3.3. Студенты университета в городском пространстве Москвы.....	220
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	243
Список использованной литературы и источников.....	249
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	267

ВВЕДЕНИЕ

Научная значимость и актуальность темы исследования. Изучение университетского студенчества как одной из самых динамичных, социально активных групп молодежи представляется важным ввиду того значения, которое имело молодое поколение в европейских обществах Нового времени. Университетская молодежь не только выступала в качестве адресата педагогических усилий, но и являлась носителем национальной культуры, ее научных, образовательных, политических традиций.

Университетское студенчество к середине XIX в. впервые сложилось в России в особую социальную группу¹. К изучению быта учащихся, их учебной и внеучебной повседневности в последние десятилетия обращаются не только историки, но и специалисты по педагогике высшей школы, юристы и исследователи истории государства и права, филологи и культурологи.

В диссертации предпринято комплексное исследование студенчества Императорского Московского университета (ИМУ) 1830-х – начала 1860-х гг. как особой социальной группы внутри российского общества, а также части университетской корпорации – их быта, учебной деятельности в университете, а также существования в пространстве столичного города.

Степень изученности темы представляется значительной: университетское студенчество XIX столетия исследовалось в большом количестве работ дореволюционных, советских и современных российских авторов. Проблематика, связанная со студенчеством Московского университета рассматриваемой эпохи, затрагивается при этом в работах различной тематики – как обобщающих трудах по истории ИМУ и в целом системы российского образования, так и в работах более узкой направленности, посвященных исследованию эволюции университетской корпорации, социальному облику

---

¹ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Ч. 2. Студенчество. М., 2003. С. 6–7.

студенчества Российской империи, его правовому статусу, базовым ценностям, а также повседневной жизни университетских учащихся.

Традиция изучения истории Московского университета началась со времен его 100-летнего юбилея в 1855 году. Именно тогда профессором С.П. Шевыревым была составлена «История Императорского Московского университета»², а также биографический словарь университетских профессоров, также планировалось уже в эту эпоху создание биографического справочника по первым «питомцам университета».

В своей монографии Шевырев достаточно подробно обрисовал университетскую жизнь, администрацию учебного заведения, останавливался на знаменитых деятелях и выпускниках университета, но информации о студентах в этой книге содержится крайне мало, так как это не входило в задачу этого официального университетского историографа. Впрочем, это было характерно для историографии середины XIX века, рассматривавшей университет как в первую очередь административную структуру. В своем же очерке на столетие университета, опубликованном в Журнале министерства народного просвещения (ЖМНП)³, профессор сделал особый акцент на роли самодержавия в университетской истории, на «благодеяниях» императора по отношению к ИМУ.

Не меньший интерес с точки зрения изучения студенчества Московского университета представляет «Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета»⁴, многие из которых сами учились в том же университете. Примечательно, что биографические данные для словаря составители черпали не только из официальных источников, но также из воспоминаний или устных рассказов современников, в чем и состоит

---

² Шевырев С.П. История Императорского Московского Университета. М., 1855.

³ Шевырев С.П. Обозрение столетного существования Императорского Московского университета // Журнал Министерства народного просвещения. 1855. Ч. 85. С. 31–54.

⁴ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского Университета за истекающее столетие, со дня учреждения янв. 12-го 1755 г., по день столетнего юбилея янв. 12-го 1855 г., составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 г. Т. 1–2. М., 1855.

дополнительная ценность данного труда для исследователей истории студенчества.

Бурные общественные дискуссии, связанные с подготовкой Устава 1863 г. и проведением в жизнь его положений, нашли отклик преимущественно в российской публицистике, но не породили значимых научных работ, в которых затрагивалась бы история московского студенчества. Впрочем, в 1884 г. увидел свет первый том классической работы М.Ф. Владимирского-Буданова по истории университета св. Владимира в Киеве⁵, в котором, в частности, содержатся сведения о массовом переводе польских студентов в университеты центра страны, связанные с временным закрытием Киевского университета в 1839 году. Часть из них в итоге попала и в Московский университет, вызвав определенные изменения в статистическом портрете студенчества ИМУ того времени.

Новый всплеск интереса дореволюционных исследователей к студенческой теме произошел на рубеже XIX–XX вв., когда студенческое движение в России стало частью единого революционного процесса, связанного с событиями 1905–1907 гг. либеральных исследователей того времени, как правило, особенно интересовал сословный вопрос в университетах, который рассматривался на материалах, связанных с историей студенчества первой половины XIX века, как, например, в работах С.В. Рождественского⁶, трактовавшего университет как изменчивую институциональную структуру.

К началу XX века относятся очерки С.Г. Сватикова по истории российского студенчества, в рамках которых он обращается в том числе и к истории ИМУ. Сватиков делит историю российских университетов на большие периоды, вторым из которых стала вторая половина XIX столетия. Исследователь посчитал главной группой в составе студенчества ИМУ и других университетов разночинцев,

---

⁵ Владимирский-Буданов М.Ф. История Императорского Университета св. Владимира. Т. 1. Университет св. Владимира в царствование императора Николая Павловича. Киев, 1884.

⁶ См.: Рождественский С.В. Сословный вопрос в русских университетах в первой половине XIX века // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. Отд. 2. С. 83–108.

которые не были заинтересованы в консервации общественного строя и скрыто противостояли властям во время своей учебы уже в николаевское время⁷.

Кроме того, Сватиков справедливо отмечал, что студенчество николаевской эпохи ещё не создавало прокламаций и не участвовало в политике, а репрессии против него носили превентивный характер⁸, хотя строгость порядков в университете и смягчалась «добродушием исполнителей» начальственных указаний – например, любимца студентов инспектора П.С. Нахимова⁹.

Мнение Сватикова разделял в своих работах и С.П. Мельгунов, уделивший особое внимание студенческим обществам и неформальным кружкам. По мнению ученого, николаевская политика применительно к университетам отличалась реакционными установлениями, бюрократизацией, а также «милитаризмом¹⁰». В результате над жизнью и учебой студентов в 1830-х гг. в Москве и других университетских центрах был установлен «стеснительный надзор», чтобы они учились у благонравных профессоров наукам «в русском духе» и не отвлекались на другие занятия¹¹. Но предпринимавшиеся меры не приносили успеха – так, контроль за нравственностью студентов был формальным и сводился к соблюдению внешних атрибутов набожности вроде регулярного посещения университетской церкви¹². В конечном счете, студенческая жизнь в форме неформальных кружков, научных и литературных занятий подспудно развивалась в ИМУ «по собственному почину», помимо и вопреки начальственной воле¹³.

После революции 1917 г. изучение истории Московского университета в прежнем русле оказалось невозможным. В силу идеологических причин исследователи университетской истории сконцентрировались теперь на изучении

---

⁷ Сватиков С.Г. Русское студенчество прежде и теперь // Путь студенчества. М., 1916. С. 2-4.

⁸ Он же. Студенческая печать // Путь студенчества. М., 1916. С. 217.

⁹ Сватиков С.Г. Русское студенчество прежде и теперь. С. 8.

¹⁰ Мельгунов С.П. Из истории студенческих обществ в русских университетах. М., 1904. С. 30.

¹¹ Там же. С. 33.

¹² Там же. С. 34.

¹³ Там же. С. 36.

истории студенческого движения¹⁴, стремясь всячески показать его изначально прогрессивный, революционный характер.

В частности, «прогрессивными» провозглашались многочисленные студенческие кружки середины XIX века – не только политические, но и литературные. Так, известная работа советских филологов 1920-х гг. М. Аронсона и С. Рейсера на основе большого массива источников проливает свет на деятельность как общеизвестных, так и забытых студенческих кружков литературной, философской и политической направленности в Московском университете¹⁵.

Характерной чертой историографии университетской истории того времени был также ее «юбилейный характер» – значимые работы выходили, как правило, по случаю памятных и «круглых» дат в истории российских университетов. Так, непосредственно перед Великой Отечественной войной была подготовлена серия «Очерков по истории Московского университета», вышедшая в свет в 50-м выпуске «Ученых записок» МГУ¹⁶. Данные очерки стали первой значительной попыткой построения концепции университетской истории в советской историографии: университет в них закономерно рассматривался в качестве выражителя интересов дворянского сословия, которому противостояло революционное по своей сути студенческое движение.

В послевоенный период история студенчества Московского университета нашла свое отражение в трудах исследователей, посвященных биографиям ряда выдающихся выпускников. В начале 1950-х гг. краевед Б.С. Земенков и литературовед М.Я. Поляков издали в журнале «Литературное наследство» основательные статьи¹⁷, посвященные студенческим годам В.Г. Белинского. В них

---

¹⁴ Юркина Н.Н. Повседневная жизнь московского студенчества (1830 – 1890-е гг.). Автореферат дисс... канд. ист. наук. М., 2006. С. 2.

¹⁵ Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. Л., 1929.

¹⁶ Очерки по истории Московского университета // Ученые записки МГУ. История. Вып. 50. М., 1940.

¹⁷ Поляков М. Студенческие годы Белинского // Литературное наследство. 1950. Т. 56. С. 303–436; Земенков Б. Белинский в Москве // Там же. 1951. Т. 57. С. 375–394.

они исследовали в том числе бытовые условия жизни студента Белинского на казенном коште, деятельность его студенческого кружка, обстоятельства и причины конфликта будущего критика с администрацией университета. В целом, история студенческих кружков в ИМУ второй трети XIX столетия в советские годы была изучена основательно, но даже советские исследователи нередко приходили к мысли о том, что их появление обычно было исключительным событием в жизни студенчества, слабо влиявшим на жизнь основной массы учащихся.

Середина 1950-х гг. и масштабное празднование 200-летнего юбилея МГУ вызвали к жизни новый ряд работ по истории Московского университета. В 1955 г. была издана двухтомная «История Московского университета», тогда же увидела свет работа М.Т. Белявского «Ломоносов и основание Московского университета»¹⁸, а немного ранее – монография Н.А. Пенчко на сходную тему¹⁹. Идеологической задачей указанных историков было показать демократическое начало в университете, берущее истоки от М.В. Ломоносова и его учеников, противостоявших проискам дворянства екатерининских и позднейших времен.

М.Т. Белявский также стремился доказать тезис о «разночинском» характере университета и соответствующем составе студентов, их противостоянии культуре дворянства. Студенты-разночинцы, по мысли Белявского, и были тем новым, прогрессивным началом, которое вызревало внутри университета, чтобы впоследствии преобразовать всю старую Россию. В сходном идеологическом «фарватере» продвигались и историки других российских университетов XIX столетия – в частности, авторы юбилейных очерков по истории Ленинградского университета²⁰.

Несколько позднее Н.А. Пенчко обратилась также к ранней истории такого важного для студентов и преподавателей ИМУ учреждения как университетская

---

¹⁸ История Московского университета. Т. 1-2. М., 1955; Белявский М.Т. М.В. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955.

¹⁹ Пенчко Н.А. Основание Московского университета. М., 1953.

²⁰ История Ленинградского университета. 1819–1969. Очерки. Л., 1969.

библиотека²¹. Исследовательница показала, что для начального этапа истории университетской библиотеки, как и для последующих десятилетий, было характерно недостаточное финансирование. Утверждение всех покупок книг осуществлялось университетским начальством, а их подбор должен был согласовываться со светским характером образования в университете²². Кроме того, важными качествами библиотеки были ее публичность и бесплатность пользования, выражавшими демократические традиции Московского университета²³. Для студентов же той эпохи самостоятельная работа с учебными пособиями и научными изданиями, взятыми из университетской библиотеки, составляла важную часть их учебной повседневности.

Следующим шагом вперед в изучении студенчества ИМУ стала работа Л.И. Насонкиной о Московском университете во второй четверти XIX века²⁴, уже не привязанная к существовавшей ранее «юбилейной» традиции появления работ по университетской истории. Значительное место в книге уделено революционному движению и студенческим кружкам, но их влияние на университетские дела и в целом российскую политическую жизнь историком несколько преувеличивается. Насонкина обратила также серьезное внимание на конфликты студентов с администрацией, их повседневность и быт. Также именно в данной монографии (а также в более широкой по тематике работе Л.В. Камоско²⁵) впервые в отечественной историографии появились некоторые систематические данные о численности и социальном составе студентов университета.

Изучение темы революционного студенческого движения, влиянию радикальной общественной мысли на него было продолжено в работе

---

²¹ Пенчко Н.А. Библиотека Московского университета с основания до 1812 года. М., 1969.

²² Там же. С. 15-16.

²³ Там же. С. 114 и др.

²⁴ Насонкина Л.И. Московский университет после восстания декабристов. М., 1972.

²⁵ Камоско Л.В. Изменения сословного состава учащихся средней и высшей школы России (30-80-е годы XIX в.) // Вопросы истории. 1970. № 10. С. 203-207.

Н.Я. Олесич²⁶, посвященной рубежу XIX–XX веков. В вводной главе монографии, посвященной истории студенческого движения до 1880-х гг., исследовательница вполне в традициях советской науки постулирует само существование этого явления уже начиная с 1820-х–1830-х гг., а также демократический характер и революционную направленность студенческих масс, что представляется не вполне оправданным применительно к дореформенной эпохе.

Сохранился интерес к проблематике студенчества первой половины XIX века и у видных представителей филологической науки. Знаменитый литературовед, «отец» семиотики Ю.М. Лотман в своих лекциях 1980-х гг., посвященных дворянской культуре, высказал ряд любопытных идей о стереотипах поведения российских студентов в первой половине XIX века²⁷.

Продолжалось и исследование биографий отдельных выдающихся «питомцев» Императорского Московского университета. Так, Э.Л. Афанасьев, автор предисловия к позднесоветскому изданию избранных трудов видного словесника середины XIX века Ф.И. Буслаева²⁸, отмечал, что многие черты Буслаева как исследователя сложились в его бытность студентом университета, трепетное отношение к которому филолог сохранил на всю свою жизнь.

Наконец, своеобразным завершением советской историографической традиции истории московского студенчества является монография Р.Г. Эймонтовой²⁹, увидевшая свет уже после крушения СССР. Работа посвящена переходной эпохе в истории университета и всей страны – рубежу 1850-х–1860-х годов. Исследовательница показала, как с конца 1850-х гг. под воздействием перемен в общественно-политической жизни повышалась студенческая

---

²⁶ Олесич Н.Я. Ленин и революционное студенчество России. М., 1982.

²⁷ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 2008.

²⁸ Афанасьев Э. Федор Иванович Буслаев // Буслаев Ф. О литературе: Исследования; статьи. М., 1990.

²⁹ Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы. Шестидесятые годы XIX века. М., 1993.

активность, как российские студенты воспринимали происходившие политические события и какой видели свою роль в обновляющейся России.

Таким образом несмотря на то, что изучение московского студенчества никогда не являлось магистральной темой в отечественной историографической традиции до конца XX века, в сравнительно небольшом числе работ по данной проблематике было введено в научный оборот значительное количество источников, использован ряд подходов к изучению студенчества Московского университета как особой социальной группы (статистический, марксистский «социологический», биографический подходы). Наконец, был сделан ряд значимых выводов о социальном составе, происхождении, внутренних свойствах студенческой корпорации того времени, который позволил продолжить плодотворное изучение данной темы на рубеже ХХ–XXI веков, когда в отечественной и зарубежной исторической науке установился плюрализм подходов и методов научного поиска.

За последние десятилетия специалистами были переосмыслены многие прежние методы изучения университетской истории, восстановлены некоторые традиции дореволюционной историографии. Так, возродился интерес к университету как к объекту истории культуры. Ярким образцом применения культурологического подхода стал выпущенный в 1997 г. на Историческом факультете МГУ первый том коллективного исследования «Университет для России»³⁰, посвященный его изучению как части отечественного культурного пространства в XVIII веке. При этом авторы монографии подчеркивали, что студенчество как важнейшую часть университетской корпорации еще предстоит всесторонне исследовать³¹, поскольку его повседневность в стенах университета ранее не служила объектом исторических изысканий.

---

³⁰ Университет для России: взгляд на историю культуры XVIII столетия. М., 1997.

³¹ Там же. С. 19.

В то же время начинал свою научную деятельность А.Ю. Андреев. В своей хронологически первой монографии³² на основе источников различного характера он стремился показать, какую значительную роль Московский университет играл в общественно-политической и культурной жизни просвещенной России первых лет царствования Александра I. Среди прочего, исследователь уделил внимание изучению бытовых условий жизни студенчества и сделал вывод, что студенческая корпорация того времени отчетливо разделялась на две части – сообщества своеокоштных и казеннокоштных учащихся³³.

В начале XXI века расширяется проблемно-исследовательское поле отечественной исторической науки и смежных дисциплин, что закономерно приводит к появлению большого числа работ, в той или иной мере затрагивающих проблематику российского студенчества первой половины XIX века. В фундаментальной монографии петербургского историка Б.Н. Миронова³⁴, рассматривающей социальную историю Российской империи в междисциплинарном научном поле, исследуется динамика социальной структуры российского общества с конца XVII в. до начала XX в., явление социальной мобильности различных общественных групп. В этом исследовании разночинцы определяются Мироновым как «субсословие», а студенчество закономерно представлено как часть подвижной разночинской массы населения.

Особую исследовательскую нишу в то время в рамках отечественной историографической традиции заняли историки медицинского образования и, в частности, медицинского факультета Московского университета. Ученые данного направления весьма плодотворно изучали социальный состав, мотивацию к выбору профессии и повседневную жизнь казенных и своеокоштных

---

³² Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М., 2000.

³³ Там же. С. 223–224.

³⁴ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.). Т. 1-2. СПб., 2000.

студентов-медиков в первые десятилетия существования университета, как это сделали в своей монографии историки медицины А.М. Сточик и С.Н. Затравкин³⁵.

В начале XXI века к истории студенчества впервые обратился и В.А. Змеев, еще один исследователь университетской истории из МГУ. В своей обзорной статье, описывающей становление системы высшего образования в России на протяжении XVIII столетия, он затронул и ряд вопросов, связанных с бытовыми условиями жизни первых студентов Московского университета³⁶. В последующие годы Змеев в своем научном творчестве продолжил обращаться к некоторым частным вопросам истории Московского университета³⁷.

В 2002–2003 гг. вышло второе, расширенное и переработанное издание фундаментальной монографии Ф.А. Петрова «Формирование системы университетского образования в России»³⁸. История студенчества Московского университета затрагивается в первом, втором томах и особенно во второй части четвертого тома этого труда, а за период 1830-х–1840-х гг. для Московского университета автором на основе официальных университетских и министерских отчетов представлены подробные статистические данные о студентах той поры. Тем самым Ф.А. Петров продолжил и развил методические подходы, впервые примененные Л.И. Насонкиной.

Можно утверждать, что, несмотря на разницу подходов и исследовательских вопросов, отечественные историки нащупывали в то время «общую почву», вырабатывали синтетическую научную методологию для изучения такого сложного социального образования, как студенчество Московского, а равно и других российских университетов XIX столетия. В этой

---

³⁵ Сточик А.М., Затравкин С.Н. Медицинский факультет Московского университета в XVIII в. М., 2000.

³⁶ Змеев В.А. Высшая школа России: XVIII век // Высшее образование в России. № 3. 2002. С. 132–140.

³⁷ См., например: Змеев В.А. Педагогический институт Императорского Московского Университета // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2009. № 1. С. 138–144.

³⁸ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 1–4. М., 2002–2003.

связи хотелось бы отметить работу Е.А. Вишленковой по истории Казанского университета первой четверти XIX в.³⁹. В данном труде дальне развиваются те культурологические подходы, которые были предложены исследователями в рамках проекта «Университет для России».

В 2005 году была опубликована еще одна важная в концептуальном плане монография по истории университетов – «*Terra universitatis*» за авторством той же Е.А. Вишленковой, а также С.Ю. Малышевой и А.А. Сальниковой⁴⁰. Данная монография представляет собой попытку описания Казанского университета XIX столетия как культурного ландшафта и особой среды, в которой и существовали студенчество, профессура и университетское руководство.

Обращают на себя внимание и появившиеся в те же годы труды украинских историков во главе с С.И. Посоховым, а также их последователей⁴¹ по истории Харьковского университета⁴². Проводимые на высоком научном уровне, с привлечением большого корпуса источников и элементов компаративного подхода, работы Посохова открывают новые возможности исследования университетской истории и студенчества.

Важными событиями в историографии представляются и позднейшие работы С.И. Посохова, а также его продолжателей и последователей, посвященные общеуниверситетской истории – такие, как, например, работа И.С. Посохова о российском студенчестве XIX столетия как особой субкультуре, его же статья по мало изученной до сих пор тематике студенческих бунтов против преподавателей и обструкций⁴³, а также попытки обобщения советского опыта

---

³⁹ Вишленкова Е.А. Казанский университет Александровской эпохи. Казань, 2003.

⁴⁰ Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. *Terra Universitatis*. Казань, 2005.

⁴¹ См., например: Григорьева М.В. Первые студенты Харьковского университета // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 4. С. 58–62.

⁴² Посохов С.І. Харківський університет у другій половині XIX ст. // Харківський Національний університет ім. В.Н. Каразина за 200 років. Харків, 2004. С. 126–216.

⁴³ Посохов І.С. Студентство університетів Російської імперії XIX – початку XX ст.: становлення та еволюція субкультури. Харків, 2013; он же. Студенческие обструкции в университетах Российской империи // Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории. № 11. 2008. С. 101–107.

изучения университетской проблематики⁴⁴. Наконец, С.И. Порохов основательно исследовал многообразные практики взаимодействия университетских обитателей с окружавшим их городским пространством⁴⁵, ввел в научный оборот само понятие «университетский город⁴⁶» применительно к Российской империи.

Одновременно с выходом трудов харьковских ученых рядом белорусских исследователей были заложены основы изучения университетского студенчества западных губерний Российской империи, способов и мотивов выходцев из этой части страны к получению университетского образования в условиях закрытия университетов в Вильно и Варшаве⁴⁷.

Если же вернуться к исследованиям, связанным с собственно Московским университетом и его обитателями, то стоит отметить, что большое внимание быту студентов Московского университета рубежа XIX–XX вв. уделил современный историк А.Е. Иванов. Работы Иванова о студенческой корпорации рубежа XIX–XX вв. представляют собой значительные исследования⁴⁸, специально посвященные студенчеству Российской империи и особенно Москвы как определенной социально-демографической общности, по своим профессиональным свойствам являвшейся, по мнению исследователя, частью

---

⁴⁴ Порохов С.И. Университеты Российской империи в советской историографии: системообразующие метафоры и тематические сдвиги // Мавродинские чтения-2018. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина / Под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб, 2018. С. 590–593.

⁴⁵ Порохов С.И. Университет и город в Российской империи (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Харьков, 2014.

⁴⁶ Он же. Университетский город в Российской империи второй половины XVIII – первой половины XIX веков (К вопросу о роли, степени и каналах немецкого культурного влияния) // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 140–165.

⁴⁷ Кузнецова А.В. Создание Белорусского учебного округа // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 2. Минск, 2007. С. 135–139; Яновский О.А. Как шли белорусы к своему университету // Интеллигенция и мир. 2018. № 3.

⁴⁸ Иванов А.Е. Студенчество в России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999; он же. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004.

интеллигенции. На материале того же времени конфликты между студенчеством и профессурой также позднее исследовал томский историк М.В. Грибовский⁴⁹.

В 2010 г. А.Е. Иванов, опубликовал новую монографию о российском студенчестве предреволюционной эпохи⁵⁰. В данной работе раскрываются самые разные аспекты в полной мере функционировавшей на рубеже веков студенческой корпорации, но в ту эпоху, конечно, студенческая корпорация имела вполне законченный вид, а ряда важных явлений студенческой жизни середины XIX века (например, казенного кошта) уже давно не существовало, потому научные выводы А.Е. Иванова имеют к рассматриваемой проблематике несколько опосредованное отношение.

Примерно в то же время были предприняты попытки применения культурологического и междисциплинарного подходов к истории Московского университета и его обитателей. В этом отношении стоит выделить работы московского историка И.П. Кулаковой, стремящейся вписать изначальную университетскую историю XVIII в. (включая ее «студенческую» компоненту) в социокультурные контуры той эпохи русской истории, а также представить Московский университет как целостное общественное пространство⁵¹.

В начале 2000-х годов расширился интерес молодых исследователей к истории повседневности, и ряд диссертаций⁵², защищенных в то время, заимствуют ее инструментарий для изучения студенчества ИМУ. Так, историк П.В. Гришуин полагал, что изучение повседневной жизни студенчества важно потому, что студенты были «первой бессословной группой» в Российской

---

⁴⁹ Грибовский М.В. «Не дело студентов назначать себе преподавателей»: конфликты между профессорами и студентами российских университетов на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 71–76.

⁵⁰ Иванов А.Е. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. М., 2010.

⁵¹ Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели. М., 2006.

⁵² Гришуин П.В. Студенчество столичных университетов: структуры повседневной жизни. 1820-е–1880-е гг. Диссертация... канд. ист. наук. СПб, 2005; Макарова Н.В. Общественная жизнь студенчества России в первой половине XIX века. Диссертация... канд. ист. наук. М., 1999; Юркина Н.Н. Повседневная жизнь московского студенчества (1830-е–1890-е гг.). Диссертация ... канд. ист. наук. М., 2006.

империи, и его история показательна с точки зрения логики последовавших в 1860-х гг. социальных трансформаций⁵³.

Правда, не со всеми выводами диссертации Гришунина можно безоговорочно согласиться. В частности, представляется недостаточно обоснованным тезис о том, что «патриархальность» управления в ИМУ кончилась еще в 1820-х гг., сменившись полноценным «казарменный строем» при попечителе А.А. Писареве⁵⁴. Также вызывает сомнения правомерность обозначения всего периода 1820-х–1880-х гг. в отечественной истории как «авторитарного режима», а равно мнение о том, что историография 1990-х гг. практически не уделяла внимание данному периоду университетской истории⁵⁵.

Кроме того, с именем Гришунина связаны ранние попытки популяризации истории студенчества путем публикации научно-популярных статей⁵⁶. Более поздняя же работа исследователя была связана с исследованием форм финансовой помощи неимущим студентам рубежа 1850-х–1860-х гг. и последующих десятилетий. Историк справедливо отметил, что государственное содержание студентов николаевского времени в виде казенного кошта и стипендий с конца 1850-х гг. видоизменяется и дополняется все больше содержанием частных лиц и благотворителей⁵⁷. Однако ни одна из подобных форм помощи не скрашивала «полунищенского» существования бедного студента в столичном городе второй половины века, после ликвидации остатков системы патриархального надзора над учащимися, что и привело в итоге к радикализации общественных настроений студенчества.

---

⁵³ Гришунин П.В. Студенчество столичных университетов: структуры повседневной жизни. 1820-е–1880-е гг. Автореферат дисс... канд. ист. наук. СПб, 2005. С. 3.

⁵⁴ Там же. С. 5.

⁵⁵ Там же. С. 8–9.

⁵⁶ См., например: Гришунин П.В. В университет со шпагой // Родина. № 1. 2005. С. 84–89.

⁵⁷ Гришунин П.В. Виды «вспомоществования» студенчеству Петербургского университета в пореформенное время (до 1884 г.) // Университетские Петербургские чтения: [300 лет Северной столице: Сборник статей по итогам Всероссийской конференции, 19–20 марта 2003 г.]. СПб, 2003. С. 102–109.

В свою очередь, историк Н.В. Макарова в своей диссертации стремилась ревизовать советский подход к студенческому движению, показав, что тезис о его сугубой «революционности» и политизированности обедняет и упрощает содержание жизни и образа мыслей студенчества дореформенной эпохи⁵⁸. Кроме того, она обнаружила интересные архивные материалы о тайном наблюдении жандармов Третьего отделения за студентами ИМУ, продолжавшегося несколько лет в начале 1840-х гг.⁵⁹.

Наконец, диссертация Н.Н. Юркиной⁶⁰ (МПГУ) наиболее последовательно из всех вышеперечисленных работ молодых ученых реализовала новую исследовательскую программу изучения университетского студенчества XIX столетия. По ее мнению, формирование «духовных основ» жизни студенческой корпорации происходило в потоке повседневности учащихся, в череде зачастую непримечательных событий их жизни, и по этой причине изучение их быта и повседневных практик должны методологически сочетать классические подходы к историческому познанию (позитивизм, методы «школы Анналов») с методами, специфичными для истории повседневности⁶¹.

Соответственно новой методологии видоизменялось и предметное поле исследования. Н.Н. Юркина полагала главными сюжетами своей работы те, которые почти не освещались историками в предшествовавшие десятилетия: студенты и театр; студенты и литература; праздники и кутежи; кроме того, любовь и дружба, поскольку именно последние накладывали серьезный отпечаток на мировоззрение учащихся – не меньший, чем профессора и научные занятия в университете⁶².

---

⁵⁸ Макарова Н.В. Общественная жизнь студенчества России в первой половине XIX века. Автореферат дисс... канд. ист. наук. М., 1999. С. 11.

⁵⁹ Там же. С. 22.

⁶⁰ Юркина Н.Н. Повседневная жизнь московского студенчества (1830-е–1890-е гг.). Диссертация ... канд. ист. наук. М., 2006.

⁶¹ Юркина Н.Н. Автореферат дисс... канд.ист.наук. М., 2006. С. 1-2.

⁶² Там же. С. 9.

Однако часть выводов Юркиной оказывается лишь ограниченно применима к студенчеству второй трети XIX века. Так, классификация типов студентов, приводимые исследовательницей на основе мемуарной традиции, в значительной степени относится к ситуации в университетах пореформенного времени⁶³. Также нуждается в уточнении вывод о том, что «студенческие истории» появляются только на рубеже 1850-1860-х гг.⁶⁴, поскольку «маловская история», обструкции и протесты против преподавателей, «буйство» в городе и казенных «нумерах» случались и многое ранее, о чем свидетельствуют разнообразные источники николаевского времени.

В 2006 г. в ПСТГУ защитил свою кандидатскую диссертацию⁶⁵ историк А.М. Феофанов, специализировавшийся в те годы на комплексном изучении студенчества Московского университета первой четверти XIX века, отчасти и более раннего времени⁶⁶. Через несколько лет он переработал свою диссертацию в монографию⁶⁷, всесторонне осветившую социальный, конфессиональный состав студенчества, особенности быта и учебы студентов той эпохи и многие другие вопросы.

Также с именем Феофанова связано издание важного справочного издания, связанного с университетскими питомцами начала XIX века. Его биографический справочник по студентам ИМУ, обучавшимся в период 1755–1825 гг., стал «побочным продуктом» скрупулезной работы над его диссертацией и далее монографией. Кроме известных исследователям архивных фондов ЦГА Москвы и РГИА, исследователь использовал в своей работе материалы «Московских

---

⁶³ Юркина Н.Н. Автореферат. С. 11-13.

⁶⁴ Там же. С. 15.

⁶⁵ Феофанов А.М. Студенчество Московского университета второй половины XVIII – первой четверти XIX в. Диссертация ... канд. ист. наук. М., 2006.

⁶⁶ Он же. Социальный состав и численность студентов Московского университета во второй половине XVIII – первой четверти XIX вв. // Отечественная история. 2006. № 6. С. 120-125; он же. Учебный процесс в Московском университете второй половины XVIII – первой четверти XIX веков // История не учительница... Сборник статей преподавателей и выпускников Исторического факультета ПСТГУ. М., 2008.

⁶⁷ Феофанов А.М. Студенчество Московского университета XVIII – первой четверти XIX века. М., 2011.

ведомостей», ведомственной прессы, различных государственных учреждений и т.д.⁶⁸.

В конце 2000-х гг. опубликовала свои первые работы исследовательница из г. Петрозаводска К.С. Казакова⁶⁹ – на материалах преимущественно Санкт-Петербургского университета она исследовала различные аспекты жизни студенчества столицы Российской империи. В 2010 г. она также успешно защитила диссертацию по данной проблематике⁷⁰.

Для работ Казаковой характерен несколько меньший интерес к методологии исследования, при этом исследовательница задействует большой массив источников и четко формулирует научные выводы. Так, историк справедливо заметила, что во всех русских университетах в первой половине XIX столетия корпоративность и студенческий «стиль жизни» только формировались, а важным обрядом «инициации» в студенческой корпорации в то время были совместное проведение досуга, вылазки в город и выпивка в трактирах⁷¹.

В последние десятилетия наряду с А.М. Феофановым, А.Ю. Андреевым и другими учеными к вопросам истории Московского университета середины XIX в. обращался Д.А. Цыганков, труды которого посвящены, правда, преимущественно деятельности и наследию «людей сороковых годов» в Московском университете, то есть либеральной профессуре (Т.Н. Грановскому, В.И. Герье), взаимодействию «людей университета» с окружавшей их городской

---

⁶⁸ Феофанов А.М. Студенты Московского университета второй половины XVIII – первой четверти XIX века: биобиографический словарь. М., 2013.

⁶⁹ Казакова К.С. Некоторые особенности учебного процесса в русских университетах первой половины XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2009. № 5 (98). С. 30–37.

⁷⁰ Она же. Студенчество Санкт-Петербургского университета в первой половине XIX века. Диссертация ... канд.ист.наук. СПб, 2010.

⁷¹ Казакова К.С. Повседневная жизнь российского студенчества 1800–1850-х годов // Ante Annum. Вып. IV. Петрозаводск, 2008. С. 53.

средой⁷², позднее также коммеморативным практикам⁷³ в складывавшемся в то время сообществе московских историков и другим темам, смежным с историей студенчества Московского университета.

Кроме собственно публикации исторических исследований по указанной тематике, коллектив Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова также в 2009 г. подготовил «Летопись Московского университета», посвященную становлению и развитию исторического образования в университете⁷⁴. Важнейшие факты по университетской истории первой половины XIX века, впрочем, занимают в данной работе всего пару страниц. Значительно более информативным для исследования студенчества второй трети XIX века является энциклопедический словарь «Императорский Московский университет⁷⁵», в состав которого вошли статьи крупных современных ученых об отдельных чиновниках и выдающихся преподавателях, ключевых понятиях в его истории, отдельных категориях учащихся (например, казеннокоштных студентах) и др.

Еще один центр изучения студенчества Московского университета прошлых эпох постепенно сложился вокруг фигуры профессора В.А. Змеева на факультете глобальных процессов МГУ. Змеев в соавторстве с А.И. Андреевым и И.В. Ильиным⁷⁶ подготовили и издали в 2009 г. первый том «Истории

---

⁷² Цыганков Д.А. Московский университет в городском пространстве начала XX в. // Университет и город в России (начало XX века). М., 2009; он же. Традиции Т.Н. Грановского и формирование «московской школы историков»: складывание профессиональной научной среды в Московском университете как проблема трансфера культур // «Быть русским по духу и европейцем по образованию». Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII–XX в. М., 2009.

⁷³ Цыганков Д.А. Соловьев в коммеморативной практике сообщества московских историков // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2020. № 5. С. 24–47; он же. Т.Н. Грановский в коммеморативной практике сообщества московских историков // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История Русской православной Церкви. 2020. Вып. 93. С. 57–76; он же. Мировоззренческие основы профессорского служения С. М. Соловьева // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 99. С. 36–49.

⁷⁴ Летопись Московского университета. Исторический факультет. М., 2009.

⁷⁵ Императорский Московский университет. Энциклопедический словарь. М., 2010.

⁷⁶ Андреев А.И., Змеев В.А., Ильин И.В. История студенчества Московского университета Т. 1. 1785–1905. М., 2009.

студенчества Московского университета», охватывающий в том числе и весь XIX век. Данная работа носит достаточно обобщающий характер.

К личности и взглядам С.С. Уварова, одного из главных инициаторов принятия университетского Устава 1835 г., в своих работах обращался М.М. Шевченко. Исследователь справедливо отмечал, что известный призыв Уварова «быть русским по духу и европейцем по образованию» поддерживался значительной частью московского студенчества, в том числе и его разночинной частью⁷⁷. Также к заслугам Уварова в области реформирования учебного процесса в российских университетах историк отнес углубление языковой подготовки учащихся, в том числе по «новейшим» языкам⁷⁸. Кроме того, Шевченко исследовал различные проекты 1850-х гг., связанные с малоуспешными попытками привлечения университетских выпускников на государственную службу⁷⁹.

К проблематике студенческой повседневности в городском пространстве Москвы обращался в своих трудах А.П. Шевырев. Москва в его работах рассматривается как многоукладный центр общероссийской жизни – не только университетский, но также торговый, промышленный центр страны⁸⁰, в котором достаточно комфортно существовали студенты ИМУ. И только уже в пореформенную эпоху их участие в народных гуляниях, своевольство и периодические столкновения с городскими обывателями выливаются в политические манифестации⁸¹.

История московского студенчества, эволюция его социального положения и правового статуса также попала в сферу интересов историков отечественного

---

⁷⁷ Шевченко М.М. С.С. Уваров. Политический портрет // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 34, 38.

⁷⁸ Там же. С. 38.

⁷⁹ Шевченко М.М. Правительство, народное образование и государственная служба в России в первой половине XIX века // Российская история. 2010. № 6. С. 57–69.

⁸⁰ Шевырев А.П. Москва – первопрестольная столица Империи во второй половине XVIII – первой половине XIX века // Московская городская Дума. 1785–1862 гг. От Екатерины II до Александра II. Материалы научно-практической конференции. 2018. С. 43–53.

⁸¹ Он же. От сессий до агрессии: почему студенческие уличные гуляния в 1860–1890-х гг. превратились в политические протесты // Родина. 2019. № 3. С. 98–101.

государства и права. Так, основательное изучение правовых основ функционирования российских университетов в XIX веке провела в своей монографии уральская исследовательница Н.Н. Зипунникова⁸², а С.В. Деманова предприняла попытку поставить данный вопрос в контекст большой проблемы реализации права на высшее образование в России в различные исторические эпохи⁸³.

Предпринимались также попытки проведения исследований студенчества на стыке исторических наук и педагогики. Так, прикладной целью исследования Б.К. Тебиева и С.Н. Кулиной являлось обращение к истории «гражданского воспитания» студенческой молодежи и выработка на ее основе современной концепции воспитательной политики в российских университетах⁸⁴.

Исследователи отмечают, что ни в советской, ни в современной историографии не рассмотрена проблематика университетской политики в контексте гражданского воспитания молодежи⁸⁵. Однако это не совсем верно: Ф.А. Петров, А.Ю. Андреев, Е.А. Вишленкова в 2000-х гг. обращались к проблематике «патриархального университета», замены корпоративной опеки на бюрократическое управление образовательными учреждениями, что имеет прямое отношение к заявленной авторами теме духовно-нравственного воспитания молодежи.

Также небесспорна попытка авторов монографии представить Московский университет второй трети XIX века как пространство полной общественной свободы и вольнодумства, которое «почти незамеченным» оставило внедрение положений Устава 1835 г., придавшего университетскому начальству

---

⁸² Зипунникова Н.Н. «Университеты учреждаются для преподавания наук в высшей степени». Российское законодательство об университетах XVIII – начала XX века. Екатеринбург, 2009.

⁸³ Деманова С.В. Конституционное развитие права на получение бесплатного высшего образования в России // Известия Саратовского университета. Серия: Экономика. Управление. Право. 2009. Т. 9. № 2. С. 64–69.

⁸⁴ Тебиев Б.К., Кулина С.Н. Гражданином быть обязан: роль студенческих организаций в гражданском воспитании студенчества России второй половины XVIII – начала XX вв.: историко-педагогическое исследование. М., Великий Новгород, 2007.

⁸⁵ Там же. С. 5–6.

значительные полномочия по бюрократизации управления⁸⁶, притом что одного из главных создателей нового университетского Устава, министра Уварова, авторы без всяких оговорок отнесли к представителям либеральной бюрократии⁸⁷.

Если говорить об историографии истории университетского студенчества последних лет, то стоит отметить, что она сохранила и развила тенденции, укоренившиеся в научной традиции в предшествовавшее время. Во-первых, продолжали активную исследовательскую деятельность крупные ученые, заявившие о себе ранее. Во-вторых, в изучение студенчества XIX века оказались вовлечены новые исследователи различных научных специальностей (не только историки, но и юристы, филологи, специалисты в области педагогики и т.д.). В-третьих, и это закономерно вытекает из предыдущего пункта, далеко не все из вышедших работ отличались большой научной новизной и были свободны от неточностей.

В последнее десятилетие продолжались исследования отдельных вопросов, связанных с существованием учащихся в Московском университете, их взаимодействия с университетскими властями: Д.А. Цыганков основательно изучил историческую эволюцию института попечительства как важнейшего связующего звена между университетской администрацией и правительством⁸⁸, а К.С. Казакова и Т.Н. Жуковская обращались к истории взаимодействия петербургских студентов с фигурантой инспектора⁸⁹.

Еще одну наделенную известной властью группу внутри университета, имевшую прямой контакт со студенчеством – профессуру – подверг тщательному анализу на материалах в том числе и Московского университета XIX века

⁸⁶ Тебиев Б.К. Указ.соч. С. 44–45.

⁸⁷ Там же. С. 48.

⁸⁸ Цыганков Д.А. Университетский попечитель в России: между ценностями европейской науки и государственной службы (вторая половина XVIII — первая треть XIX века) // Полиэтничность России в контексте исторического дискурса и образовательных практик XIX–XXI вв. III Арсентьевские чтения. Чебоксары, 2010.

⁸⁹ Казакова К.С., Жуковская Т.Н. Студенты и инспекторы: от «семейного стиля» к нравственно-политическому надзору (на материалах Педагогического института и Петербургского университета 1800–1850-х гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 2. С. 68–79.

коллектив историков во главе с Е.А. Вишленковой. Они доказали, что не только студенчество, но и «профессорское сословие» в российских университетах того времени обладало определенными признаками автономии и функционировало как «саморегулирующийся организм»⁹⁰. В то же время казанские коллеги Вишленковой в рамках сборника «Образование и просвещение в губернской Казани» продолжили изучение реалий учебных заведений тогдашнего Казанского учебного округа⁹¹.

На материале Санкт-Петербургского университета XIX столетия университетскую корпорацию, ее состав и взаимоотношения студентов и преподавателей изучал Е.А. Ростовцев⁹². Кроме того, Ростовцев с коллегами на основе просопографического метода предприняли попытку создания коллективной биографии студенчества историко-филологического факультета столичного университета⁹³.

Продолжилась и реализация научного проекта коллектива авторов во главе с Ф.А. Петровым «Университет для России», ставшего в итоге многотомным изданием. Для нашей работы большое значение имеет 4-й том работы, посвященный университету в николаевскую эпоху⁹⁴. Главы о студентах Московского университета в нем принадлежат историку В.В. Пономаревой⁹⁵. В этой книге студенческая жизнь была отдельным объектом изучения. Для описания жизни студентов Пономарева опирается, в основном, на воспоминания студентов и литературные памятники 1830 – 1850-х гг. Автором раскрыты связи студентов

⁹⁰ Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М., 2012.

⁹¹ Образование и просвещение в губернской Казани. Сб. статей. Вып. 4. Казань, 2012.

⁹² Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский в петербургской университетской корпорации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 3. С. 29–43; *Он же*. Поляки в академической корпорации С.-Петербургского Императорского университета (XIX – начала XX в.) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2014. № 2 (16). С. 194–204.

⁹³ Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Историко-филологический факультет Петербургского университета: проблемы коллективной биографии (1819–1917) // Клио. 2013. № 10 (82). С. 36–41.

⁹⁴ Университет для России. Т. 4. Университет в николаевскую эпоху / Ф.А. Петров, В.В. Пономарева, Л.Б. Хорошилова. М., 2012.

⁹⁵ Пономарева В.В. Студенты // Университет для России. Т. 4. М., 2012.

с дворянским обществом, их участие в литературном процессе, в театральной жизни Москвы.

Важно отметить, что в рамках данного исследовательского проекта Московский университет предстал не противопоставленным жизни московского дворянского общества с точки зрения оппозиции демократизм-реакционность, а, напротив, включенным в социальные процессы образованием, важнейшей частью культурной жизни Москвы второй половины XVIII – первой половины XIX вв. Соответственно, и студенты университета представлялись авторам монографии уже не как революционеры, опасные одиночки или маргиналы, а как важная, органическая часть тогдашнего российского общества. Подобного же подхода придерживаются и авторы компаративистской коллективной монографии «Университет в Российской империи»⁹⁶, увидевшей свет в 2012 г. и показывающей определенную общность пути, пройденного российскими университетами в XIX веке.

Взаимоотношения студентов, преподавателей и властей внутри университета в XIX веке также оставались в фокусе внимания исследователей. Так, историк В.Л. Маркин в своей диссертации⁹⁷, а затем и монографии о профессуре и студенчестве начала XX века⁹⁸ во многом пошел по стопам А.Е. Иванова в плане методологии исследования и базовых подходов к проблематике. Предметом особого научного интереса исследователя стали оппозиционные устремления части студенчества и профессуры умеренно-либеральных убеждений рубежа веков⁹⁹, корень которых – реакционная университетская политика правительства¹⁰⁰, сохранявшая в себе немало черт более ранних эпох вплоть до николаевского времени.

---

⁹⁶ Университет в Российской Империи / под общ. ред. А.Ю. Андреева, С.И. Порохова. М., 2012.

⁹⁷ Маркин В.Л. Студенты и преподаватели Московского университета в общественно-политической жизни России начала XX века. Диссертация... канд. ист. наук. М., 2009.

⁹⁸ Он же. Идущие впереди. Студенты и преподаватели Московского университета в общественно-политической жизни России начала XX века. Йошкар-Ола, 2013.

⁹⁹ Он же. Студенты и преподаватели Московского университета в общественно-политической жизни России начала XX века. Автореферат диссертации... канд. ист. наук. С. 7.

¹⁰⁰ Маркин В.Л. Автореф. С. 12.

Значительным событием в историографии университетской истории XIX века стал выход в 2013 г. монографии А.Ю. Андреева¹⁰¹, посвященной рецепции концепта «классического университета» на российской почве. Историк показал, как ключевые аспекты университетской модели В. Гумбольдта видоизменялись в Московском университете и других российских высших учебных заведениях под напором стремительно менявшейся политической конъюнктуры. Место студентов в данной адаптации университетской модели также не могла быть идентичной положению в системе образования их немецких товариществ. Равным образом разительно отличалась повседневность российских студентов в отечественных и в немецких университетах, последняя также была основательно изучена исследователем¹⁰².

Кроме того, А.Ю. Андреев обращался к ряду частных вопросов университетской действительности XIX столетия в контексте русско-европейских и особенно русско-немецких университетских связей¹⁰³, в стабильности которых он видел подтверждение «единства российского и европейского научного пространства¹⁰⁴», когда даже министр С.С. Уваров в начале карьеры являлся поборником «геттингенского духа» в российских университетах¹⁰⁵. Кроме того, перву ученого принадлежит исследование вопросов происхождения и эволюции системы научных степеней в российских университетах¹⁰⁶.

Ряд важных работ по истории ИМУ был создан А.Ю. Андреевым и в соавторстве с Д.А. Цыганковым. Их совместными работами стали статьи в

---

¹⁰¹ Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2013.

¹⁰² Он же. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М., 2005.

¹⁰³ Андреев А.Ю. «Учености ради изгнанники»: опыт изучения русского студенчества в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века // Россия и Германия. Вып. 3. М., 2004. С. 72–95.

¹⁰⁴ Там же. С. 93.

¹⁰⁵ Там же. С. 91.

¹⁰⁶ Андреев А.Ю. Возникновение системы российских ученых степеней в начале XIX века // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2015. № 1 (62). С. 62–89.

«Вестнике ПСТГУ», посвященные дальнейшему изучению роли попечителя в управлении университетом¹⁰⁷, а также преподаванию церковно-богословских дисциплин в контексте подготовки студентов-историков в стенах Московского университета середины XIX столетия¹⁰⁸.

В последние годы по-прежнему расширялось предметное поле исследований российского студенчества, а в историографии появлялись новые имена¹⁰⁹. Так, Е.И. Гелла и Л.В. Качемцева изучили историю строительства комплекса зданий Харьковского университета, в которых в том числе жили и учились местные казеннокоштные студенты¹¹⁰. Э.В. Климкина вслед за Р.Г. Эймонтовой проследила эволюцию системы высшего образования в России в «мрачное семилетие»¹¹¹, а Л.О. Терновая, среди прочего, исследовала причины существенного снижения уровня жизни студентов после отмены казенного кошта и перехода на стипендиальную систему¹¹². Наконец, ярославские историки образования М.В. Новиков и Т.Б. Перфилова обратили особое внимание на

---

¹⁰⁷ Андреев А.Ю., Цыганков Д.А. Попечитель Императорского университета в системе народного просвещения Российской империи первой половины XIX в. // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История Русской православной Церкви. 2015. Вып. 4. С. 70–97.

¹⁰⁸ Андреев А.Ю., Цыганков Д.А. Преподавание церковно-богословских дисциплин и подготовка историков в Императорском Московском Университете // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 1. С. 45–64.

¹⁰⁹ Анненков А.М. Российское студенчество первой трети XIX века в воспоминаниях современников // Культура исторической памяти: Материалы науч. конф., 19–22 сент. 2001 г. / Ред.-сост. А.В. Антощенко. Петрозаводск, 2002. С. 106–115; Арстанова А.Г., Воронова А.А. Особенности студенческого досуга и быта в российских университетах в первой половине XIX в. // Астраханские Петровские чтения. Материалы VI Международной научной конференции «Петр Первый и имперские практики фронтального пространства». Астрахань, 2022. С. 56–60; Кудж С.А., Голованова Н.Б. О совершенствовании механизмов подготовки научно-педагогических кадров и перспективы целевого обучения в интересах вузов // Российский технологический журнал. № 4. 2020. С. 112–128 и др. работы.

¹¹⁰ Гелла Е.И., Качемцева Л.В. Формирование комплекса университетских зданий в Харькове в первой трети XIX века // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2015. № 3 (14). С. 122–131.

¹¹¹ Климкина Э.В. Реформирование в сфере высшего и среднего образования в последние годы правления Николая I // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 3 (39). С. 13–19.

¹¹² Терновая Л.О. Экономика студенческой стипендии // Вестник БИСТ. 2017. № 1 (34). С. 81–92.

эволюцию университетской политики самодержавия в последние годы правления Николая I¹¹³.

В свою очередь, большую источниковедческую работу проделал коллектив историков во главе с Е.А. Вишленковой: в 2017 г. увидела свет работа под названием «Биографии университетских архивов»¹¹⁴, которая, безусловно, окажется востребованной последующими поколениями исследователей истории российских университетов.

Продолжала свои научные изыскания и К.С. Казакова: в настоящее время предметом ее исследований становится система патернализма в университете¹¹⁵, в немалой степени выраженная, как показывает ее недавняя работа в соавторстве с Т.Н. Жуковской, в фигуре инспектора – лица, прямо ответственного за учебу, поведение и «нравственный облик» студентов¹¹⁶. Кроме того, взаимоотношения студентов той эпохи между собой с точки зрения современной педагогической науки попыталась описать Е.А. Калинина¹¹⁷.

Наконец, важнейшей для историографической традиции изучения студенчества Петербургского университета работой стала совместная монография Казаковой и Жуковской «Anima Universitatis¹¹⁸», в рамках которой сочетались известные в современной отечественной традиции методологические

---

¹¹³ Новиков М.В., Перфилова Т.Б. «Мрачное семилетие» в истории российских университетов // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4. Т. 1. С. 7–15.

¹¹⁴ Биографии университетских архивов / Под ред. Е.А. Вишленковой, К.А. Ильиной, В.С. Парсамова. М., 2017.

¹¹⁵ Казакова К.С. Механизм социальной опеки дареформенного университета над студентами и выпускниками (на примере Санкт-Петербургского университета первой половины XIX в.) // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы международной научной конференции. СПб., 2018. С. 121–126.

¹¹⁶ Казакова К.С., Жуковская Т.Н. Студенты и инспекторы: от «семейного стиля» к нравственно-политическому надзору (на материалах Педагогического института и Петербургского университета 1800–1850-х гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 2. С. 68–79.

¹¹⁷ Калинина Е.А. Особенности ученических коллективов российских учебных заведений первой половины XIX века // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы международной научной конференции. СПб., 2018. С. 130–136.

¹¹⁸ Жуковская Т.Н., Казакова К.С. Anima universitatis: Студенчество Петербургского университета в первой половине XIX века. М, 2018.

подходы – социальной истории, истории науки, институциональной истории, истории повседневности. Авторы работы предложили комплексную концепцию развития студенческой корпорации столичного университета на протяжении первой половины XIX столетия, что стало шагом вперед в концептуальном осмыслении данной проблематики.

Зарубежная историография истории университетского студенчества в Российской империи до настоящего момента не сложилась в выраженную научную традицию и представляет собой небольшую совокупность работ, так или иначе связанных с указанной проблематикой.

Так, на рубеже 1980-х–1990-х гг. студенческое движение попало в поле зрения американского историка Сэмюэля Кессоу (*Samuel Kassow*). В своей монографии, вышедшей в 1989 г.¹¹⁹, Кессоу вслед за советскими коллегами рассматривал студенческое движение начала XX в. как часть общероссийского революционного потока, а его корни он усматривал в вольнодумстве части студентов, в их периодических протестах против строгостей Устава 1835 г. и всей университетской жизни николаевской России.

На самый конец XX века пришлось издание ряда монографий западных авторов, посвященных социальной истории Российской империи XIX – начала XX вв. Так, в книге американской исследовательницы Элис Виртшафтер (*Elise K. Wirtschafter*)¹²⁰ освещаются результаты историко-социологического анализа феномена разночинцев в императорской России XVIII–XIX веков, значительная часть которых составляла университетское студенчество. В книге были рассмотрены различные подходы к понятию «разночинцы», проанализирована правовая трактовка этой социальной категории и государственная политика по отношению к ней.

---

¹¹⁹ Kassow S.D. Students, Professors, and the State in Tsarist Russia. Berkeley, 1989.

¹²⁰ Wirtschafter E.K. Structures of Society: Imperial Russia's “People of Various Ranks”. De Kalb, 1994. Русский перевод книги – Виртшафтер Э.К. Социальные структуры: Разночинцы в Российской империи. М., 2002.

В 2008 г. увидела свет монография Лори Манчестер (*Laurie Manchester*) о «поповичах» – разночинцах из духовного звания¹²¹. Хотя они, как доказывает Л. Манчестер на материалах рубежа XIX-XX вв., и порывали со своим сословием, но неизменно воспринимали себя как особую общественную группу, отдельную от остальной интеллигенции. Данный полемический вывод с известной осторожностью может быть применен и к людям университета – как профессуре, так и студентам, выходцам из духовенства.

Наконец, в 2023 г. был издан русский перевод работы американского историка Ребекки Фридман (*Rebecca Friedman*)¹²², в котором она рассматривает повседневную жизнь и идейный мир российского студенчества первой половины XIX века через призму различного понимания маскулинности (или мужественности). Фридман доказывает, что министерство и руководство университетов считали идеалом маскулинности образ лояльного учащегося, будущего успешного профессионала или ученого, сына Отечества. Студенты же, напротив, искали свой идеал мужественности в драках и дуэлях между собой, хулиганских выходках и противостоянии университетским правилам, а также в пьяных загулах в городских трактирах¹²³.

Таким образом, 150-летняя традиция научного изучения истории российских университетов и, в частности, ИМУ XIX века в значительной своей части затрагивает проблематику развития студенческой корпорации середины века, предлагает большое количество методов и подходов к исследованию данной социальной группы, ее быта, учебной повседневности, взаимодействия с профессурой и городским пространством. Сложившаяся традиция изучения

---

¹²¹ Manchester L. Holy fathers, secular sons: clergy, intelligentsia, and the modern self in revolutionary Russia., De Kalb, Illinois: Northern Illinois University press, 2008. Русское издание: Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М., 2015.

¹²² Friedman R. Masculinity, Autocracy, and the Russian University, 1804–1863. London, 2005. Русское издание: Фридман Р. Маскулинность, самодержавие и российский университет, 1804–1863. СПб., 2023.

¹²³ Фридман Р. Указ.соч. С. 78, 83.

студенчества позволила поставить данную работу на твердое теоретическое основание.

Цель и задачи исследования. Целью работы является выявление базовых характеристик учебы, быта и повседневной жизни студенчества ИМУ в контексте трансформации университетской системы в России. Для достижения данной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

- определить статистические показатели студенчества Московского университета второй трети XIX столетия;
- выявить характерные черты организации учебной деятельности студентов в университете;
- реконструировать механизмы контроля за поведением и учебой студентов со стороны университетских властей и должностных лиц;
- установить условия, в которых происходила повседневная жизнь студенчества в стенах университета и в городском пространстве;
- охарактеризовать взаимосвязь между активностью учащихся в пространствах города и университета и формированием студенческой корпорации.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является Московский университет как особое культурное пространство, внутри которого формировались и функционировали малые и большие социальные группы, части университетской корпорации. Предмет исследования – основы образовательного процесса, бытовые условия жизни и особенности существования студенчества в стенах Московского университета и в городском пространстве.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1835 по 1863 г. Нижняя граница связана с принятием нового Устава университетов в 1835 г., знаменовавшего собой новую эпоху в университетской истории, связанную с деятельностью на министерском посту С.С. Уварова, а внутри университетского пространства таких знаковых фигур, как попечитель С.Г. Строганов, его помощник Д.П. Голохвастов, а также инспектор П.С. Нахимов. Верхняя же

граница связана с принятием университетского Устава 1863 г., с которого начинается история пореформенного Московского университета.

Территориальные рамки исследования связаны с объектом и предметом исследования и охватывают пространство Московского университета, включавшее в себя учебные и жилые помещения студентов, а также городское пространство Москвы и ее ближайшей округи, связанное с повседневной жизнью учащихся университета.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые комплексно рассматривается ряд проблем, ранее не получивших самостоятельного освещения в историографии. Во-первых, оценивается динамика численности студенчества университета, представленности в нем выходцев из различных сословных и конфессиональных групп, вычисляется средний и медианный возраст учащихся. Во-вторых, характеризуется учебный процесс в Московском университете той эпохи, делается вывод о его постепенной эволюции, связанной с углублением специализации учащихся. В-третьих, оценивается степень успешности внедрения административных мер, направленных на регламентацию дальнейшего трудоустройства выпускников университета, а также отношение студенчества к усилиению контроля над их учебой и профессиональным самоопределением. В-четвертых, описываются бытовые условия жизни студенчества в стенах университета и на вольных квартирах, их многообразные взаимодействия с городскими жителями. В-пятых, выявляются характерные черты формировавшейся в те годы студенческой корпорации с присущими ей ценностями, которые связаны с полученным студенчеством опытом взаимодействия между учащимися, с университетским руководством и жителями столичного города.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его материалы могут быть использованы для дальнейшего изучения истории российского студенчества, отличительных особенностей становления и развития студенческой корпорации в Московском университете, истории российских

университетов, отечественной науки и образовательной системы середины XIX в.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные научные результаты могут быть использованы в преподавании курса российской истории XIX в., а также при разработке специальных курсов по университетской истории, истории Московского университета, истории российского высшего образования.

Методологическую основу исследования составляет система общенациональных (анализ, синтез, абстрагирование, конкретизация) и специально-исторических методов исследования. Концептуальной основой исследования стал принцип историзма, предполагающий изучение временной изменчивости общественных процессов и явлений, выявление внутренних причин их трансформаций, а также внешних влияний¹²⁴.

В рамках конкретно-проблемного подхода выделены основные аспекты социокультурного облика студенчества 1830-х – начала 1860-х гг. – такие, как их базовые социальные характеристики, важнейшие аспекты учебной повседневности, а также быта и пребывания в городском пространстве.

С помощью историко-генетического метода прослежена история появления основных групп внутри студенческой массы (своекоштных, казеннокоштных студентов, слушателей), а также юридического закрепления их статуса внутри университетской корпорации.

Системный подход позволил каталогизировать многообразные исторические факты, связанные с важнейшими характеристиками студенчества ИМУ того времени.

Историко-типологический метод, предполагающий, согласно И.Д. Ковальченко, существенный анализ логически выделенных однородных совокупностей исторических объектов¹²⁵, позволил выявить характерные черты сословных, конфессиональных, возрастных групп внутри студенчества ИМУ

---

¹²⁴ Теория и методология истории / Под ред. А.И. Филюшкина. М., 2022. С. 58–59.

¹²⁵ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003. С. 156.

1830–1850-х гг.

Использование хронологического и сравнительного методов дало возможность проследить изменение их соотношения друг с другом на протяжении десятилетий, оценить влияние свойств каждой из подгрупп на социокультурный облик всего студенчества.

Источниковая база исследования. В массиве источников, привлеченных в рамках работы над данным исследованием, можно выделить четыре больших группы – официальные акты, делопроизводственная документация университета и Министерства народного просвещения, материалы прессы, а также источники личного характера. Из официальных источников, имеющих прямое отношение к истории Московского университета 1830-х–1850-х гг., следует выделить Университетский Устав 1835 года. Его принятие открыло новую эпоху в истории учебного заведения своей достаточно подробной регламентацией обязанностей должностных лиц университета, механизмов учебного процесса и проверки знаний студентов, контроля за ними. По сути, именно с принятием этого устава установилась серьезная регламентация жизни университетских учащихся: курсовая система обучения, ограничение сроков пребывания студентов в университете, повышение мер их ответственности за нарушение дисциплины и неуспеваемость¹²⁶.

В целом, Устав 1835 г. содержал в себе значительные нововведения по сравнению с прежним Уставом 1804 г.¹²⁷, который давал университету полновесную автономию, вводил, по сути, систему патриархального покровительства профессуры по отношению к своим подопечным, а учащимся предоставлял значительную свободу действий¹²⁸. Не менее продуктивным

---

¹²⁶ Высочайше утвержденный Общий Устав Императорских Российских Университетов [1835] // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Второе собрание (1825–1881). Т. X. Отд. I. СПб., 1835. № 8337. С. 841–855.

¹²⁷ Высочайше утвержденный Устав Императорского Московского Университета (5 ноября 1804 г.) // ПСЗРИ. Т. XXVIII. 1804–1805. № 21498. С. 570–589.

¹²⁸ Об этом см. подробнее: Казакова К.С., Жуковская Т.Н. Студенты и инспекторы: от «семейного стиля» к нравственно-политическому надзору (на материалах Педагогического института и Петербургского университета 1800–1850-х гг.) // Вестник Волгоградского государственного

представляется и сравнение бюрократического управления николаевского времени с либеральным Уставом 1863 года¹²⁹, который вернул в российские университеты широкую автономию в новых исторических условиях пореформенной России.

Роль, место и значение высшей администрации в управлении университетом и регулировании жизни студенчества раскрывают документы Министерства народного просвещения – циркуляры, распоряжения, предложения. Опубликованные в рамках многотомного издания второй половины XIX в. первые три тома министерских распоряжений по рассматриваемой эпохе¹³⁰ дают представление о наиболее общих, рамочных условиях существования социальной группы университетских учащихся. В частности, опубликованные акты отражают периодические попытки регулирования состава студенчества, контроля за численностью своекоштных и казенных студентов, их национального и конфессионального состава со стороны министерства С.С. Уварова и его преемников.

Массив делопроизводственной документации включает в себя документы из двух российских архивохранилищ, находящихся в Москве. В первую очередь, изучение социокультурного облика студенчества рассматриваемой эпохи не может обойтись без обращения к документам Московского университета, значительная часть которых отложилась в фонде 418 ЦГА г. Москвы. Среди данных документов стоит особо выделить акты созданной в 1834 г. особой Канцелярии по студенческим делам – докладные записки инспекторов студентов в Совет университета и попечителю, прошения студентов, решения Совета, оформленные

университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 2. С. 68–79.

¹²⁹ Общий устав императорских российских университетов (18 июня 1863 г.) // ПСЗРИ. Второе собрание. Т. XXXVIII. № 39752. С. 622-638. См. также подборку нормативных документов собственно Московского университета – Уставы Московского университета, 1755–2005 / [авт.-сост. Е.И. Гена]. М., 2005.

¹³⁰ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1–3. СПб., 1866–1867.

в виде выписок из журнала его заседаний, распоряжения администрации и разъяснения к ним, ряд других видов делопроизводственных документов.

Изученная документация дает представление о повседневной работе администрации и особенно инспектора студентов по организации не только учебной деятельности (описи 3, 7, 8), но и пребывания студентов в стенах университета. Среди решавшихся вопросов выделяются дела о быте, питании, физическом и нравственном здоровье «казенных питомцев» и своекоштных учащихся ИМУ, сведения о конфликтах студентов с администрацией и между собой и т.д. (описи 120, 252–270).

Более значимые дела, связанные с управлением студенческой массой университета – чаще учебного, чем бытового плана – попадали в канцелярию университетского Совета (оп. 1–72, 75, 81–95), а самые значительные и резонансные – в канцелярию проректора (оп. 495) и даже к ректору (оп. 491–494), но последнее случалось достаточно редко.

Значительно чаще, чем ректор, судьбы казеннокоштных студентов решал попечитель Московского учебного округа – прямой начальник инспектора студентов согласно Уставу 1835 г. По этой причине при работе над данной темой были привлечены некоторые документы из фонда канцелярии попечителя Московского учебного округа (ф. 459). Среди них выделяются попадавшие к нему на утверждение студенческие прошения по различным поводам, докладные записки инспекторов и другие документы от представителей университетской администрации (оп. 2, том 1).

Примечательно, что в ведении попечителя находились не только спорные случаи при зачислении студентов в университет, назначении им стипендий и обеспечении их учебными пособиями, но и самые мелкие бытовые вопросы, связанные со стремлением к экономному расходованию выделенных на

содержание студентов сумм – такие, как, например, вопрос о замене сбитня на чай в питании казенных учащихся¹³¹.

Кроме фондов ЦГА г. Москвы, в рамках данного исследования было проведено изучение личного фонда Д.П. Голохвастова, многолетнего помощника попечителя Московского учебного округа (1831–1847) и собственно попечителя (1847-1849), который хранится в коллекции Отдела письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ, ф. 404). В современной историографии благодаря работам Ф.А. Петрова известен так называемый «проект Д.П. Голохвастова¹³²», который этот выдающийся деятель университетской истории представил в своих замечаниях к создававшемуся в начале 1830-х гг. новому университетскому Уставу и отстаивал в ряде писем к министру Уварову и попечителю Строганову. Хотя большинство предложений Голохвастова в итоге не вошло в Устав 1835 г., они дают серьезное представление о том, каким администрация университета видела положение и социальный облик студенчества в начале изучаемого периода.

При изучении же статистических параметров социальной группы студентов ИМУ особое значение имеют годичные (с 1834 г.) отчеты Московского университета¹³³, публиковавшиеся сначала ежегодно, а затем – в конце каждого учебного года. Включаемая в каждый годичный отчет «именная ведомость» студентов университета не только дает возможность выяснить поименный состав казенных студентов в тот или иной учебный год, но и открывает широкие возможности сбора статистической информации с целью ее последующего научного обобщения и анализа.

К сожалению, достоверность сведений в официальных источниках этого типа зачастую вызывает сомнения. Наряду с давно подмеченными

---

¹³¹ О перемене сбитня для казённых студентов на чай с сахаром // ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 93. Л. 1–2.

¹³² Записка Д.П. Голохвастова о состоянии Московского университета и об изменении устава университета // ОПИ ГИМ. Ф. 404. Оп. 1. Ед. хр. № 22. 80 л.

¹³³ Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета. [М., 1835–1863].

исследователями разночтениями в фамилиях и именах студентов (например, Гастев/Гостев)¹³⁴, в отчетах также присутствуют ошибки в нумерации, когда при начале новой страницы «Именной ведомости студентов» нумерация не продолжается, а счет начинается заново, давая отклонения в числе учащихся на десятки человек. Ввиду ошибочной нумерации неизбежны и ошибки в расчетах общего количества той или иной группы студентов, которыми заканчивалась каждая «именная ведомость», и другие следы небрежности инспектора и других чиновников университета, составлявших эти отчеты.

Тем не менее, «ручные» методы анализа информации, приведенной в именных ведомостях студентов ИМУ, позволяют исправить или, по крайней мере, нивелировать ошибки и опечатки в нумерации, возрасте, написании имен и фамилий студентов, да и их общее количество является не настолько значительным, чтобы исказить полученные в ходе работы статистические данные по характерным чертам социального облика студенчества 1830-х–1850-х годов.

Важным источником по изучаемой теме является пресса тех лет – в частности, газета «Московские ведомости», где печатались различные объявления о нуждах университета, о вступительных испытаниях, списки поступивших в университет. Также события университетской истории и программные документы находили свое отражение на страницах созданного в 1834 г. Журнала Министерства Народного Просвещения (ЖМНП), официального органа министерства С.С. Уварова.

Каждый выпуск ЖМНП рассматриваемой эпохи повествовал о жизни российских учебных заведений и подразделялся на официальную и неофициальную части. В официальной публиковались в хронологическом порядке официальные акты, имевшие отношение к управлению университетами и исходившие как из высших эшелонов власти (императора, Сената), так и из министерства и от его представителей: правила поступления в университеты и

---

¹³⁴ См., например, подобные разночтения в именах учащихся в именном указателе в монографии Л. Насонкиной – *Насонкина Л.И. Указ.соч. С. 321–342.*

зачисления учащихся, инструкции должностным лицам университета, особенности назначения стипендий и перевода учащихся между факультетами, отделениями и курсами. Кроме того, в эту часть периодически попадали министерские отчеты о состоянии Московского университета¹³⁵ и подконтрольных ему учебных заведений.

В неофициальной части выпусков ЖМНП основной массив материалов представляет собой обзоры научных новостей России и мира, значимых научных публикаций, новых учебных пособий. Лишь изредка в этой части журнала приводятся описания торжественных Актов ИМУ¹³⁶, сведения о выдающихся питомцах университета, а также некрологи преподавателей и незаурядных учащихся¹³⁷.

Однако официальные документы и материалы ведомственного журнала не дают возможности в полной мере погрузиться в повседневность и мироощущение студентов Московского университета, посмотреть на многие жизненные ситуации и обстоятельства изнутри, глазами их непосредственных участников. По этой причине значительный интерес представляют документы личного характера – в первую очередь, массив воспоминаний студентов университета 1830-х – начала 1860-х гг. Нужно отметить, что ряд использованных студенческих воспоминаний увидел свет еще в XIX столетии отдельными изданиями¹³⁸, но значительная их часть была опубликована на страницах периодических изданий пореформенной эпохи («Отечественные записки», «Нива»). Особую роль в публикации данных текстов сыграли появлявшиеся в 1860-х–1890-х годах исторические и историко-литературные журналы, специализировавшиеся на издании подобных материалов («Русская старина», «Русский архив», «Исторический вестник»). Кроме того, ряд

---

¹³⁵ Состояние Московского университета и Московского учебного округа // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1835. Ч. 6. С. 42–58.

¹³⁶ Торжественные университетские собрания. Московский университет // ЖМНП. 1834. Ч. 3. С. 100–101.

¹³⁷ Студент Московского университета А.С. Писарев // ЖМНП. 1861. Ч. 109. С. 113.

¹³⁸ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. М., 1897; Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869; Свирин И.А. Воспоминания студента 60-х гг., за 1862–1865 гг. Тамбов, 1890.

воспоминаний и отрывков из них был собран в юбилейные тематические сборники советского времени¹³⁹.

При исследовании массива данных документов обращает на себя внимание наличие в них независимо от авторства определенных «общих мест», связанных с уважением и благодарностью к университету, его преподавателям и чиновникам, теплотой воспоминаний о годах юности, проведенной в стенах ИМУ.

Также важным обстоятельством является тот факт, что авторами воспоминаний нередко становились незаурядные лица, оставившие свой след в последующей российской истории как выдающиеся писатели, ученые, общественные деятели. При этом «средние» студенты, выходцы из мелкодворянской и разночинной среды, ставшие после окончания ИМУ рядовыми чиновниками, врачами, специалистами, не только не оставили воспоминаний, но и достаточно редко фигурируют в имеющихся в наличии текстах. Они образуют в известном смысле «молчащее большинство» студенческой массы, отразившееся лишь в зеркале административных документов и статистических таблиц.

Кроме того, опубликованные мемуары не являются в полной мере однородными – как минимум с точки зрения оптики рассмотрения их можно разделить на воспоминания бывших казеннокоштных студентов (Ф.И. Буслаев¹⁴⁰, И.А. Худяков¹⁴¹, Н.А. Аргилландер¹⁴² и др.), постоянно живших в университетских «нумерах» и в полной мере ощущавших на себе административный контроль, а

---

¹³⁹ Московский университет в воспоминаниях современников / Сост. Р.А. Ковнатор; под ред. П.А. Зайончковского, А. Н. Соколова. М., 1956; Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917) / Сост. Ю.Н. Емельянов. М., 1989.

¹⁴⁰ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М., 1989. С. 200–222.

¹⁴¹ Худяков И.А. Записки каракозовца // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М., 1989. С. 436–446.

¹⁴² Аргилландер Н.А. Виссарион Григорьевич Белинский (из моей студенческой с ним жизни) // Там же. С. 97–101.

также их своекоштных товарищей (Б.Н. Чичерин¹⁴³, И.А. Гончаров¹⁴⁴, К.С. Аксаков¹⁴⁵...). Последние жили на городских квартирах или в собственных домах и в значительно меньшей степени подлежали контролю и надзору инспектора и других представителей университетского начальства.

Примечательно при этом, что обе группы авторов воспоминаний нередко обращались к описанию именно жизни казенных студентов в университете как ядру формировался корпорации: их быту, отношению к учебе, досугу, мировоззрению. Более того: будучи описанными сторонними наблюдателями, многие черты жизненного уклада и нравов казенных студентов 1830-х–1850-х гг. более рельефно проступают в воспоминаниях своекоштных учащихся, чем собственно в мемуарах тех, кто в молодости побывал на казенном содержании.

Различаются подробности описания студенческой жизни в ИМУ и в зависимости от эпохи, в которую учился их автор. Большая часть воспоминаний относится к 1830-х–1840-х гг., времени уваровского министерства и «строгановского» университета. Однако необходимо заметить, что в работе над темой были использованы также студенческих воспоминания более раннего периода – начала николаевского царствования (Н.Н. Мурзакевич¹⁴⁶) и даже ранее (Д.Н. Свербеев¹⁴⁷, Ф.Л. Ляликов¹⁴⁸) – с целью показать последовательное изменение условий жизни студентов, их положения в университете и корпоративных ценностей на фоне поэтапного усиления бюрократического управления. На другом хронологическом полюсе находятся воспоминания

---

¹⁴³ Чичерин Б.Н. Воспоминания. Том 1. Москва сороковых годов. Путешествие за границу. М., 2010.

¹⁴⁴ Гончаров И.А. Воспоминания // Гончаров И.А. Полное собрание сочинений. Т. 9. СПб., 1889; Он же. Воспоминания. В университете // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 144–172.

¹⁴⁵ Аксаков К.С. Воспоминания студенства // Там же. С. 182–199.

¹⁴⁶ Мурзакевич Н.Н. В Московском университете, 1825 // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 89–96.

¹⁴⁷ Свербеев Д.Н. Из воспоминаний // Там же. С. 64–79.

¹⁴⁸ Ляликов Ф.Л. Студенческие воспоминания, 1818–1822 // Русский архив. 1875. Кн. 3. Вып. 11. С. 376–387.

И.А. Свильнина¹⁴⁹, посвященные трансформации быта и учебы университетских питомцев в последние годы перед принятием Устава 1863 г., отмеченные упразднением казенного кошта и студенческой формы, общественной активностью студенчества, первыми опытами их самоорганизации и борьбы за свои права.

Среди корпуса воспоминаний бывших студентов о Московском университете по насыщенности и содержательности описания быта студентов необходимо выделить записи Ф.И. Буслаева¹⁵⁰ – профессора университета, в годы учебы пребывавшего на казенном коште. Поскольку молодой Буслаев был беден, но прилежно учился и стремился к построению научной карьеры, нахождение на казенном содержании его полностью устраивало, и условия жизни «казенных питомцев» университета он нередко описывал в восторженных тонах.

Более звешенная оценка условий жизни и учебы студентов в стенах университета в 1840-х гг. принадлежит еще одному будущему профессору – историку С.М. Соловьеву¹⁵¹, который успел побывать и в роли студента, и в роли преподавателя, а также одно время исполнял должность декана историко-филологического факультета.

Кроме того, достаточно критически к условиям жизни студентов, административному управлению Московским университетом и царившим в нем порядкам относились будущие деятели радикального крыла общественного движения (А.И. Герцен¹⁵²), авторы, большая часть учения которых оказалась связана с другими университетами (П.Ф. Вистенгоф¹⁵³), а также, например,

---

¹⁴⁹ Свильни И.А. Воспоминания студента 60-х гг., за 1862–1865 гг. Тамбов, 1890.

¹⁵⁰ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989.

¹⁵¹ Соловьев С.М. Записки Сергея Михайловича Соловьева: Мои записки для детей моих, в если можно, и для других. Пг., 1915.

¹⁵² Герцен А.И. Былое и думы. Части 1–3. М., 1958.

¹⁵³ Вистенгоф П.Ф. Из моих воспоминаний // Исторический вестник. 1884. Т. 16. № 5. С. 329–353.

мемуаристы П.Д. Шестаков¹⁵⁴ и А.Н. Афанасьев¹⁵⁵. Последнего за критическое отношение к отцу осуждал в своих воспоминаниях Д.Д. Голохвастов¹⁵⁶, сын попечителя ИМУ, который стремился доказать преданность покойного родителя университету и его интересам.

Немало внимания в своих воспоминаниях мемуаристы уделяли существованию студенчества за пределами стен университета – на городских квартирах, в театре, трактире, в других общественных пространствах. Взаимоотношения казенных и своеокоштных студентов с окружавшим их городским пространством, городскими развлечениями и населением подробно описал в своих воспоминаниях известный юрист, общественный деятель и мыслитель-западник Б.Н. Чичерин¹⁵⁷, также много внимания этому аспекту жизни казеннокоштных учащихся уделили П.Ф. Вистенгоф¹⁵⁸ и писатель И.А. Гончаров¹⁵⁹.

Что же касается собственно нравов, господствовавших в студенческой среде, морального облика учащихся и их корпоративных ценностей, то такого рода сложные для изучения материи присутствуют в массиве источников личного характера в неявном виде и раскрываются исследователю только при вдумчивом изучении всего массива воспоминаний и мемуаров бывших студентов¹⁶⁰, в том

---

¹⁵⁴ Шестаков П.Д. Московский университет в 1840-х гг. // Русская старина. 1887. Т. 55 № 9. С. 641–662.

¹⁵⁵ Афанасьев А.Н. Московский университет в воспоминаниях, 1843–1849 гг. / Сообщ. Е.Н. Аммон // Русская Старина. 1886. № 8. С. 358–394.

¹⁵⁶ Голохвастов Д. К истории Московского университета // Русский архив. 1887. Кн. 2. С. 245–251.

¹⁵⁷ Чичерин Б.Н. Указ.соч.

¹⁵⁸ Вистенгоф П.Ф. Очерки московской жизни // Москва в очерках 40-х годов XIX века. М., 2004; Он же. Лермонтов в Московском университете (Из моих воспоминаний) // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 173–181.

¹⁵⁹ Гончаров И.А. Из университетских воспоминаний. Как нас учили 50 лет назад // Вестник Европы. 1887. Кн. 4. С. 489–517.

¹⁶⁰ Воспоминания, мысли и признания человека, дожившего свой век смоленского дворянина // Русская старина. Т. 84. 1895. № 12. С. 89–119; Георгиевский А.И. Мои воспоминания и размышления // Русская старина. 1915. Т. 162. № 6. С. 453–471; Дмитриев Н.М. Студенческие воспоминания о Московском университете // Отечественные записки. 1858. № 8. С. 81–95; Полонский Я.П. Мои студенческие воспоминания // Московский университет в воспоминаниях

числе и не очень содержательных относительно других аспектов изучаемой темы. Так, воспоминания С.А. Венгерова¹⁶¹ посвящены в большей степени восприятию образа Москвы учащейся молодежью тех времен, что важно для понимания их стремления к учебе именно в Московском университете.

Наконец, ряд воспоминаний бывших студентов посвящен отдельным значимым для истории университета событиям, таким как, например, визит императора Николая I в ИМУ в 1837 году¹⁶². Взгляд бывшего студента в данном случае дополняет сведения об этом знаковом событии, содержащиеся в официальных реляциях и архивных документах¹⁶³.

Таким образом, источниковая база исследования представляет из себя значительный массив материалов различного происхождения и характера, который в своей совокупности позволяет выполнить всестороннее исследование повседневности студентов Московского университета второй трети XIX века на должном научном уровне.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. На протяжении исследуемого периода постепенно менялся социальный состав студенчества университета на фоне плавного увеличения числа учащихся. Дворянство утрачивало свои ведущие позиции ввиду увеличения численности разночинцев и выходцев из низших сословий. Размывалось и былое конфессиональное единство: православные студенты перестали быть подавляющим большинством в ИМУ на фоне притока других этнических групп. Возрастной состав студентов при этом все больше сдвигался к стандартному диапазону 17–23 лет для большинства учащихся.

2. Организация учебного процесса в ИМУ на протяжении 1830-х – начала 1860-х гг. не претерпела принципиальных изменений по сравнению с более

современников. М., 1989. С. 242–248; Прозоров П. Белинский и Московский университет в его время (Из студенческих воспоминаний). М., 1956 // Там же. С. 102–115.

¹⁶¹ Венгеров С.А. Роль Москвы в истории русской мысли // Новь. 1888. № 13. С. 33–34.

¹⁶² Попов Н.А. Император Николай I в Московском университете в 1837 г. // Русская старина. 1883. Т. 39. С. 589–590.

¹⁶³ О Высочайшем посещении Московского университета // ЦГА г. Москвы. Ф. 459 Оп. 2. Д. 185.

ранним периодом. Основной формой аудиторных занятий оставались лекции. В данный период происходят углубление специализации на отделениях и факультетах университета и соответствующая трансформация учебных планов. Для рассматриваемого периода характерны также ужесточение контроля над учебой студентов, регламентация сроков обучения и процедуры экзаменов.

3. Повседневная жизнь студентов протекала под постоянным контролем администрации университета. Особенно контролировалась жизнь казенных воспитанников в силу их постоянного нахождения в стенах университета. При этом попытки ограничения вольностей студентов в рамках учебного процесса, регламентации их трудоустройства, а также контроля за нравственностью и поведением вне аудиторий встречали сопротивление со стороны учащихся. Снисходительное отношение профессоров и инспекторов к своим подопечным также не способствовало установлению всеобъемлющего контроля над студенчеством.

4. Студенчество ИМУ не было изолированной социальной группой и гармонично вписывалось в городское пространство Москвы. Город создавал для студентов различные возможности социализации. Студенты не только развлекались в публичных пространствах, но и учились взаимодействовать с городскими жителями, получали возможности подработки. Полученный опыт существования в пространстве города особенно пригодился небогатым учащимся после отмены казенного кошта и перевода на городские квартиры.

5. На фоне сопротивления различным ограничениям, а также под влиянием полученного опыта существования в городе начинали формироваться специфические для университетских учащихся ценности, этика, общественные взгляды. На их основе складывалась студенческая корпорация, которая постепенно приобретала демократический, разночинный характер. Однако в рассматриваемую эпоху студенты пока что объединялись не по политическим интересам, а с целью взаимопомощи и совместного проведения досуга.

Достоверность исследования обеспечена значительной источниковой базой, включающей в себя массив опубликованных документов и архивных источников из двух российских архивохранилищ, а также соблюдением в работе принципов научной объективности, историзма и опорой на достижения предшествовавшей историографической традиции.

Апробация результатов исследования. Представленная диссертация прошла обсуждение на кафедре истории России XIX века – начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова и была рекомендована к защите.

Основные идеи и результаты исследования были представлены на научных конференциях и изложены в 4 научных работах автора общим объемом 3,1 п.л. в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В.Ломоносова по группе специальностей 5.6. Исторические науки.

Структура диссертации организована в соответствии с проблемно-хронологическим принципом. Работа состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы и приложений.

1. Численность и социальный состав студенчества Московского университета во второй трети XIX века

1.1. Динамика численности студентов в 1835–1863 годах.

Комплексное изучение такой социальной группы российского общества, какой является университетское студенчество, имеет смысл начать с выяснения вопроса о численности учащихся в разные годы и десятилетия. Применительно к Императорскому Московскому университету можно утверждать, что ключевые статистические данные о количестве и социальных характеристиках питомцев университета содержатся, в первую очередь, в именных ведомостях учащихся, включенных в ежегодные Отчеты ИМУ¹⁶⁴, Несмотря на ряд недостатков указанных документов – нестабильность формуляра, фактические и типографские ошибки, дефекты нумерации и т.п. – данный массив данных является ключевым для работы по данной тематике.

Стоит отметить, что количество учащихся в российских университетах в целом было существенно меньше, чем студенческое сообщество в крупнейших европейских вузах вроде французской Сорбонны – порядка 1800 университетских студентов во всей России середины 1830-х гг. против более чем 9000 человек в старейшем французском вузе. Впрочем, к началу 1840-х гг., когда произошел первый скачок численности студентов в столичных вузах, Московский университет, в котором на тот момент училось чуть меньше тысячи человек, сравнялся по данному показателю, например, с Лейпцигским университетом¹⁶⁵.

Что же касается сравнительной численности студенчества в российских университетах того времени, то, по расчетам Ф.А. Петрова, в 1830-х–1840-х гг. в Московском и Санкт-Петербургском университетах стабильно получала образование примерно половина всех университетских учащихся Российской империи¹⁶⁶. Динамика численности учащихся в двух столицах при этом была

---

¹⁶⁴ Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета. [М., 1835–1863].

¹⁶⁵ Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. М., 2003. С. 28.

¹⁶⁶ Там же.

положительной: если и Московский, и Петербургский университеты за десятилетия, прошедшие после принятия университетского Устава 1835 г., пережили несколько эпизодов взрывного роста числа учащихся, то ситуация в провинциальных учебных заведениях зачастую была иной.

Особенно показателен в этом отношении пример Дерптского университета, в котором в 1835 г. училось почти 30% всех отечественных университетских учащихся (567 человек, в ИМУ тогда же – 419)¹⁶⁷. В силу ряда причин общее количество учащихся в Дерпте вплоть до окончания николаевской эпохи практически не менялось, ввиду чего этот университет утратил свои ведущие позиции – по крайней мере, в смысле удельного веса российских студентов, получавших в нем образование.

В отличие от Дерптского университета, ИМУ пережил в 1830-1860-х гг., по сути, взрывной рост числа студентов и учащихся – с 456 человек в 1834-1835 учебном году до 1734 студентов к 1863 году. (см.: Табл. 1). Общее количество студентов и иных категорий учащихся (существовавших вплоть до 1848 г.) было рассчитано по отчетам ИМУ и отражено на графике (Рис.1):

Рисунок 1.

¹⁶⁷ Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 26–27.

Как следует из приведенного графика, рост числа университетских питомцев вовсе не был линейным, и динамика численности учащихся в ИМУ серьезнейшим образом зависела от множества факторов – политики правительства, деятельности Министерства народного просвещения, попечителя Московского учебного округа и собственно университетских властей.

К сожалению, точное количество учащихся в Московском университете в каждом учебном году едва ли может быть достоверно установлено в силу ряда обстоятельств. Во-первых, расходятся количественные данные, представленные в отчетах ИМУ, в министерских отчетах, а также периодически публикуемые сведения на страницах ведомственного журнала Министерства народного просвещения. Во-вторых, вскоре после принятия Устава 1835 г. произошел переход от расчета числа студентов на момент начала текущего академического года к статистике по состоянию на 1 января следующего гражданского года. Учитывая же, что указанная дата приходилась на самый разгар студенческих каникул, приходившихся, согласно Уставу, на период с 20 декабря по 12 января¹⁶⁸, неудивительно, что разница в итоговом количестве студентов по подсчетам разных исследователей могла доходить до нескольких десятков человек.

Так, общее количество студентов в Московском университете, по данным советского историка Л.И. Насонкиной, в 1834/1835 году составляло 452 человека¹⁶⁹. Современный историк Петров, работавший с данными из ЖМНП и уточнявший их по отчетам университетов, приводит цифру в 456 учащихся¹⁷⁰. Эта цифра совпадает с нашими данными, полученными способом ручного подсчета учащихся, указанных в именной ведомости отчета ИМУ за данный год. К сожалению, данный метод извлечения данных из отчетов является практически единственным возможным, поскольку суммарные значения по числу студентов, приведенные в тех же ведомостях, нередко содержат в себе ошибки и расхождения с данными по отделениям и факультетам.

---

¹⁶⁸ Университетский Устав [1835].

¹⁶⁹ Насонкина Л.И. Указ.соч. С. 30.

¹⁷⁰ Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 373.

Достойно упоминания и еще одно обстоятельство, связанное с несовершенством привлекаемого исследователями источника по университетской истории. К сожалению, и составители именных ведомостей учащихся ИМУ того времени (как правило, инспектор студентов и его помощники), и историки, изучавшие данную проблематику, нередко смешивают два понятия – «студенты» и «учащиеся» в университете. В том же 1834/1835 академическом году, как следует из университетского отчета, студентов было 343 человека, а 456 человек получается только вместе с иными категориями лиц, имевших право на посещение университетских лекций, к которым в разные годы относились, например, слушатели, приватные слушатели, имевшие право на посещение занятий чиновники и служащие, гезели¹⁷¹ (аптекарские помощники), а также ряд иных категорий учащихся¹⁷².

Приравнивание всех вышеперечисленных категорий лиц, имевших право посещения университетских лекций в ИМУ, к собственно студентам не вполне правомерно – по крайней мере, применительно к середине 1830-х – концу 1840-х гг. Порядок в наименовании учащихся был наведен министерством только в 1845 году, когда распоряжением министра С.С. Уварова было запрещено присваивать учащимся звания, отличные от наименований «студент» и «приватный слушатель». В частности, упразднялась введённая ещё в 1814 г. категория слушателей – теперь учащиеся из податных сословий должны были называться студентами, поскольку фактически не отличались от выходцев из других сословий. Лица же, в отличие от студентов не сдававшие вступительные

---

¹⁷¹ Гезели в XVIII – первой половине XIX века были помощниками аптекарей, принадлежали, как правило, к XIV классу и имели право слушать лекции в российских университетах, чтобы в будущем сдавать экзамены на высшие врачебные звания. Подробнее см., например: Шарыкин А.В., Шарыкина Э.А. Образовательная и кадровая политика в области подготовки фармацевтов в Российской империи, первая половина XIX века // Управление образованием: теория и практика. № 3. 2023. С. 149–159.

¹⁷² Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 377.

испытания и итоговые экзамены, должны были именоваться только приватными слушателями¹⁷³.

Усилия Уварова по унификации наименований и статусов учащихся в университете дали свои плоды в последующие годы: в 1846/1847 учебном году, когда количество учащихся в университете было наивысшим за все николаевское время (1198 человек), все они уже назывались студентами, а иные категории учащихся были упразднены. Кроме них на лекциях профессоров могли присутствовать лишь те, кто был допущен в университет «на правах сторонних слушателей» (их число составляло более 80 человек в 1846–1848 гг.¹⁷⁴), но последние уже не включались в отчетах в число собственно учащихся.

Данная тенденция сохранялась до конца рассматриваемой эпохи – начиная с 1847 гражданского года, когда вслед за институтом слушателей было ликвидировано и наименование приватных слушателей¹⁷⁵, и вплоть до принятия нового Устава 1863 г. все обучавшиеся в ИМУ имели статус и наименование студентов.

Впрочем, после 1855 г., когда Александр II снял все ограничения на прием студентов в университеты, в университет вернулись и слушатели¹⁷⁶ (также именовавшиеся вольнослушателями), однако в университетских отчетах их по-прежнему не включали в общую статистику по факультетам и по всему университету, поэтому общее число учащихся на рубеже 1850-х–1860-х гг. совпадало с числом студентов.

Выше отмечалось, что повышение количества студентов и в целом учащихся в Московском университете во второй трети XIX века не было линейным процессом. Как следует из данных отчетов ИМУ, общее количество

---

¹⁷³ Циркулярное предложение о том, чтобы лицам, посещающим университетские лекции, не было присваиваемо иных наименований, кроме студентов и приватных слушателей // ЖМНП. 1845. Ч. 48. С. 42–43.

¹⁷⁴ Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 378.

¹⁷⁵ Там же. С. 37.

¹⁷⁶ Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы. Шестидесятые годы XIX века. М., 1993. С. 27.

студентов и учащихся за период 1834–1838 гг. выросло более чем в полтора раза – с 343 и 456 человек до 568 и 677 лиц соответственно. Главная причина этого резкого увеличения контингента учащихся – изменение срока обучения в университетах Империи: в 1835 г. срок прохождения полного курса на философском и юридическом факультетах был увеличен до четырех лет вместо трех ранее, а на медицинском – до пяти лет¹⁷⁷.

Несмотря на то, что студентам, поступившим в ИМУ раньше введения новых правил, разрешили закончить курс в предусмотренные предыдущим Уставом сроки, все же такое увеличение сроков подготовки студентов не могло не повлиять на их общее количество, показывавшее устойчивый рост в последующие несколько лет. Так, по данным, обнаруженным Петровым в отсутствие университетского отчета за 1838/1839 учебный год, в указанное время в ИМУ суммарно обучалось уже 798 человек¹⁷⁸.

В начале 1840-х гг. произошел еще один скачок в численности студентов и других учащихся, и на сей раз он был связан с рядом мер, предпринятых Министерством народного просвещения. Так, в результате приостановки Высочайшим повелением от 9 января 1839 года на один год приема студентов в Киевский университет св. Владимира ввиду «беспорядков в Западных губерниях», явившимися отдаленным следствием подавления восстания в Царстве Польском в 1830–1831 гг., студенты из него (кроме попавших под следствие) получили право без экзаменов переводиться в другие университеты, либо вступать в гражданскую службу до окончания курса¹⁷⁹. Казеннокоштных киевских «питомцев» при этом распределили «по удобности» между другими университетами¹⁸⁰.

---

¹⁷⁷ Университетский Устав [1835]. § 100.

¹⁷⁸ Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 373.

¹⁷⁹ Подробнее об этом см.: Владимирский-Буданов М.Ф. История Императорского Университета св. Владимира. Т. 1. Университет св. Владимира в царствование императора Николая Павловича. Киев, 1884. С. 197–199.

¹⁸⁰ ЖМНП. 1839. I Отд. С. 48–49.

В конечном счете, казенными и своекоштными студентами из Киева пополнились ряды студентов и в ИМУ, при этом поляков с казенного кошта, изъявивших желание учиться в Москве, было всего двое, еще полтора десятка человек из Царства Польского стали в Москве своекоштными учащимися, вместе же с русскими учащимися в Московский университет было переведено более 30 человек¹⁸¹.

Кроме бывших киевских студентов, контингент учащихся в ИМУ был расширен за счет бывших воспитанников Московской медико-хирургической академии (ММХА), поэтапно ликвидированной в первой половине 1840-х гг. решением уваровского министерства¹⁸². К 1845 г. остававшиеся в стенах ММХА учащиеся (порядка 40 студентов) и преподаватели были переведены на медицинский факультет Московского университета¹⁸³, который еще с начала века считался ключевым центром медицинской науки во всей Российской империи¹⁸⁴.

Примечательно, что, несмотря на закрытие учебного заведения, правительственная политика всемерно поддерживала медицинское образование в стране, остро нуждавшейся в большом количестве врачей. По этой причине в Высочайшем рескрипте Николая I от 22 июля 1840 г. на имя Уварова предписывалось при слиянии ММХА с ИМУ соблюсти баланс между уменьшением количества «казеннокоштных воспитанников» Академии (видимо, с целью банальной экономии) и «ежегодной потребностью» в военных и гражданских медиках¹⁸⁵.

Постепенный рост числа учащихся и студентов в Московском университете на рубеже 1830-х–1840-х гг. (с 749 студентов и 932 учащихся в 1839/1840 академическом году до 1038 и 1099 соответственно к концу 1846 г.) привел и к преобладанию питомцев ИМУ в общей студенческой массе по стране, выросшей

---

¹⁸¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ.соч. С. 202 и далее.

¹⁸² Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 141.

¹⁸³ Там же. С. 28–29.

¹⁸⁴ Подробнее см., например: Сточик А.М., Затравкин С.Н. Медицинский факультет Московского университета в XVIII в. М., 2000. С. 422.

¹⁸⁵ ЖМНП. 1840. I Отд. С. 46.

в те годы с порядка 2,5 до 3,7 тысяч человек, согласно проанализированным Ф.А. Петровым министерским отчетам, опубликовавшимся в ЖМНП¹⁸⁶. Это означало, что в указанное время примерно каждый третий студент в России был питомцем Московского университета.

С другой стороны, рост количества учащихся замедляла периодически повышавшаяся плата за обучение, сдерживавшая поток разночинцев, стремившихся в университеты. Действительно, доступность университетского образования в указанное время снижалась: плата за посещение лекций, составлявшая для своекоштных студентов в конце 1820-х гг. менее 30 рублей, затем в середине 1840-х гг. была постепенно повышена¹⁸⁷ до 40 рублей, но и это был не предел. 31 декабря 1848 г. Высочайшим повелением платы за слушание лекций в ИМУ и Петербургском университете была提高到 50 р. с человека в год. Данная мера была мотивирована тем, что Уваров вносил данное предложение на рассмотрение императора ещё в 1845 г., и тогда его исполнение отсрочили на три года¹⁸⁸.

Единственной группой учащихся, которую закономерно не затронула данная мера, были казённые студенты. Казенномкоштные учащиеся, количество которых прямо определял Устав 1835 г., были на протяжении десятилетий самой количественно стабильной группой университетских учащихся из выделявшихся в отчетах ИМУ по формам содержания студентов. Количество казенных учащихся начало закономерно снижаться только в конце 1850-х гг. из-за поэтапной замены казенного кошта стипендиями. Основу же студенческой массы во все рассматриваемое время составляли своекоштные учащиеся, что наглядно отражено на графике (Рис. 2):

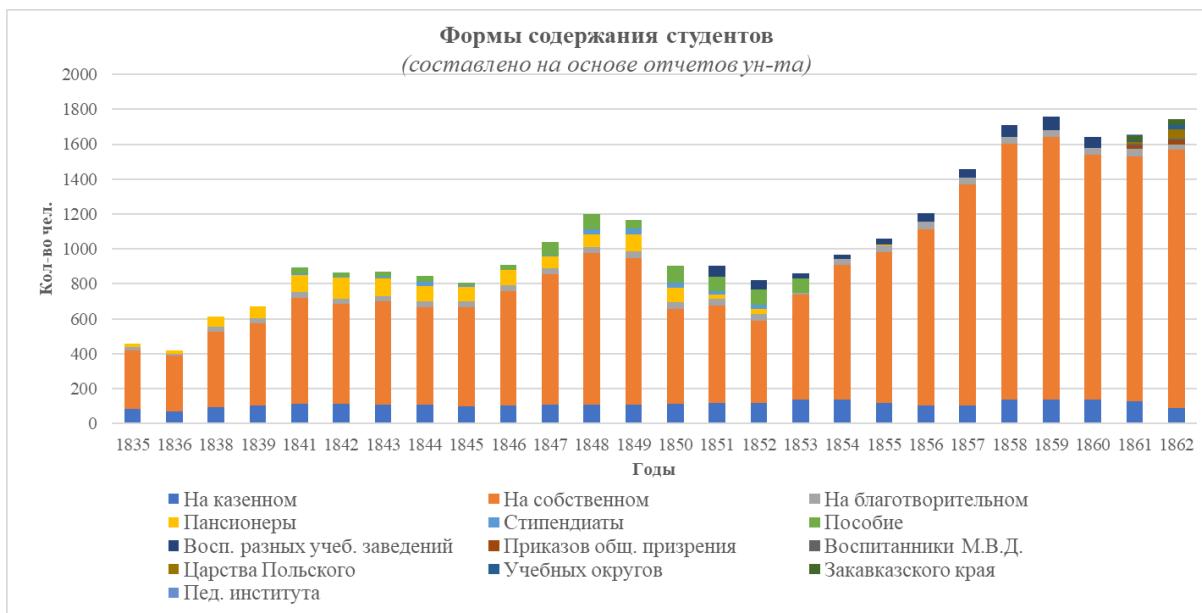
---

¹⁸⁶ Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 373.

¹⁸⁷ Там же. С. 39.

¹⁸⁸ О возвышении платы за учение в высших и средних учебных заведениях // ЖМНП. 1849. Ч. 61. Отд. I. С. 97–98.

Рисунок 2.

Из-за ограничительных мер, проводимых в рамках продворянской и «антиразночинной» университетской политики николаевского времени, повышение общего числа студентов в ИМУ не было постоянным, и в этом процессе случались определенные «откаты», как, например, в 1842–1844 гг., когда, согласно отчетам ИМУ, общее количество учащихся упало с более чем 900 до 835–836 человек (собственно студентов при этом стало меньше на 10%, их число сократилось с 747 до 684 человек – см. Табл. 1).

Практически не были характерны для 1830-х–1840-х гг. в истории Московского университета и переходы в него учащихся из других университетов страны¹⁸⁹. Исключением из этого правила, помимо слияния ИМУ с ММХА, был вышеописанный перевод студентов из университета св. Владимира в 1839 г. в другие учебные заведения Империи. Логическим продолжением этой меры стал перевод в ИМУ в 1839–1840 гг. трех десятков студентов- поляков из Киева после дела Ш. Конарского, связанного с активностью польских националистов в Киевском университете¹⁹⁰.

¹⁸⁹ Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 323.

¹⁹⁰ Еще в 1837 г. в Киевском университете были найдены четыре человека из кружка студента Гордона, связанные с распространением прокламаций Польского комитета в Париже и князя

В те же годы было принято решение о привлечении ежегодно по 5 человек на казенный кошт из Белорусского учебного округа¹⁹¹ с тем расчетом, чтобы в конечном итоге выходцев из Белоруссии на казенном содержании в ИМУ стало 20. Однако университетские отчеты за последующие годы не дают возможности утверждать, что искомое количество желающих учиться в Москве было найдено, тем более что выпускники учебных заведений значительной части тогдашней территории округа (Виленской, Гродненской губерний, Белостокской области) традиционно находились в орбите польского влияния и не стремились в университеты центра страны¹⁹².

В целом, образование молодежи из западных губерний Российской империи в университетах центральной России, воспитание из них квалифицированных и лояльных монархии специалистов было одной из важнейших идей университетской политики Уварова в 1830-х–1840-х гг. В 1845 г. были установлены полные стипендии и «путевые» пособия для студентов-юристов и педагогов из Царства Польского, обучавшихся в университетах Империи. Размер полной стипендии составлял 250–300 рублей в год, включая компенсации за покупку учебных пособий, сверх этого компенсировались и дорожные расходы учащихся¹⁹³.

А. Чарторыйского. Позднее в ходе следствия выяснилось, что 18 человек из числа студентов-поляков имели связи с «Союзом польского народа» Шимона Конарского (1808–1839), нелегально пребывавшего в России и планировавшего создать в Университете св. Владимира одну из «филиаций» своей организации. В итоге Конарский был арестован и вскоре казнен, а университетские учащиеся попали под подозрение начальства в полном составе, хотя самые радикально настроенные из них и не предпринимали активных действий в пользу польского движения. В итоге в январе 1839 г. университет был закрыт, и половина из его учащихся попала на службу или была переведена в другие университеты. Подробнее об этом см.: Владимирский-Буданов М.Ф. Указ.соч. С. 161–172; Луговцова С.Л. «Заговор Конарского» и его организатор на страницах следственного дела 1838–1839 гг. (По материалам Литовского государственного исторического архива в г. Вильнюсе) // Российские и славянские исследования. Сб. научных статей. Вып. 5. Минск, 2010. С. 106–112.

¹⁹¹ Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 320–321.

¹⁹² Подробнее см., например: Кузнецова А.В. Создание Белорусского учебного округа // Працы гістарычнага факультэта БДУ: наука. зб. Вып. 2. Минск, 2007. С. 135–136; Яновский О.А. Как шли белорусы к своему университету // Интеллигенция и мир. 2018. № 3. С. 48–49.

¹⁹³ ЖМНП. 1845. Отд. I. С. 4–6.

Декларировавшейся целью данной меры было образование будущих чиновников и учителей в Царстве Польском, а общие затраты казны на эти нововведения составили более 30 тысяч рублей ежегодно¹⁹⁴. Данный факт опровергает бытующее в современной литературе и публицистике утверждение, что после принятия Устава 1835 г. и вплоть до середины 1860-х гг. стипендией в Московском университете практически не существовало¹⁹⁵.

Можно утверждать, что рост количества учащихся в университете, усиленный введением данных материальных мер поддержки, к концу 1840-х гг. сохранился и даже ускорился. Более того, разнообразные правительственные меры по поддержанию достаточного количества студентов в ИМУ перевешивали по своему значению меры сдерживания роста числа учащихся, по причине чего количество студентов в Московском университете на 1 января 1848 года и достигло своего максимума за все николаевское время, вплотную приблизившись к отметке в 1200 человек (см. Табл. 1). Однако в том же году началась европейская «весна народов», которая резко изменила направление и содержание университетской политики в России.

С ряда официальных актов 1849 г.¹⁹⁶, запретивших в соответствии с Высочайшим повелением прием студентов на все факультеты и отделения¹⁹⁷, кроме медицинского, а также вводивших новые, невиданные строгости, начался «кардинальный поворот¹⁹⁸» в университетской политике николаевского правительства, характерный для «мрачного семилетия». В научной литературе можно встретить мнение, что университеты были переведены фактически на

---

¹⁹⁴ ЖМНП. 1845. Отд. I. С. С. 10.

¹⁹⁵ Терновая Л.О. Указ.соч. С. 83; Кузнецова С. «Прекращено употребление самоваров». Как студентов пытались отвлечь от антиправительственных мыслей // Коммерсант-власть. 2016. № 37. С. 28–29.

¹⁹⁶ Циркулярное предложение о том, чтобы студенты университетов помещаемы были на казенное содержание не прежде, как со второго курса учения // ЖМНП. 1849. Ч. 62. С. 195–197; Циркулярное предложение о недозволении всем вообще студентам университетов оставаться в одном курсе два года // Там же. 1849. Ч. 64. С. 60.

¹⁹⁷ Голохвастов Д. К истории Московского университета // Русский Архив. 1887. Кн. 2. С. 248.

¹⁹⁸ Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 134.

полувоенное положение, над ними в начале 1850-х гг. даже одно время висела угроза закрытия или преобразования в военные учреждения¹⁹⁹.

Неудивительно поэтому, что за первые годы министерства П.А. Ширинского-Шихматова количество студентов в ИМУ сократилось на добрую треть – с 1165 человек в 1847/1848 учебном году до всего лишь 821 учащегося по состоянию на конец 1851 года. Снижение общего числа учащихся было бы еще более значительным, но ему препятствовало сохранение набора на медицинский факультет, которое было вызвано по-прежнему острой потребностью в подготовке большого количества врачей, особенно в условиях начавшейся вскоре Крымской войны. Ситуация с медицинскими «ваканциями» в гражданской сфере в 1850-х гг. была столь острой, что на работу принимались даже не окончившие курса медицины студенты университетов, а также вводились дополнительные меры финансовой поддержки по линии Министерства народного просвещения в виде компенсаций, причитающихся им за проведенное число лет на своем коште в университетах²⁰⁰.

Более того – количество студентов-медиков для подготовки достаточного для нужд российской армии и всего общества числа врачей нужно было не просто сохранять, но и увеличивать. С этой целью 31 января 1853 г. было решено перенаправить 140 стипендий, выплачивавшихся губернскими Приказами общественного призрения, с подготовки канцелярских чиновников (поскольку «в них недостатка нет») на подготовку будущих городовых и уездных врачей²⁰¹. При этом данные стипендии должны были способствовать подготовке будущих медиков сначала в гимназиях, а потом и в университетах Российской империи (или же в Санкт-Петербургской Медико-Хирургической академии)²⁰².

---

¹⁹⁹ Эймонтова Р.Г. Указ.соч. С. 25.

²⁰⁰ О медицинских стипендиатах для службы в гражданском ведомстве // ЖМНП. 1853. Ч. 80. Отд. I. С. 3–4.

²⁰¹ Там же. С. 17.

²⁰² О медицинских стипендиатах для службы в гражданском ведомстве. С. 18.

Еще одной группой студентов ИМУ, сохранившей и даже несколько расширившей свой состав в годы «мрачного семилетия», стали казеннокоштные учащиеся, положение которых в структуре студенчества ИМУ требует особого рассмотрения ввиду, во-первых, их статистически значимого количества и, во-вторых, укоренившегося еще в среде современников представления о важности этой группы как ядра студенческой корпорации, настоящих «хранителей университетских традиций»²⁰³.

Казенный кошт как особый институт в структуре российского высшего образования является, как минимум, ровесником Московского университета: согласно проекту И.И. Шувалова от июля 1754 г., в создаваемом Московском университете должно было быть 20 казенных студентов. Сенат расширил их штат до 30 человек, и эти места быстро заполнились путем перевода учащихся из духовных учебных заведений²⁰⁴. При этом первые своеобразные студенты появились в университете только в 1759 году²⁰⁵.

В рассматриваемую нами эпоху 1830-х–1860-х гг. казенный кошт был одной из устоявшихся форм содержания студентов за счет государства, наряду с собственным содержанием, стипендиями и пособиями от благотворителей и государственных ведомств. Устав 1835 года четко определил количество казенных воспитанников в университетах страны. Согласно ему, в ИМУ полагалось иметь 20 казенных питомцев в каждом из факультетов и отделений и еще 100 – в медицинском, однако фактически такого количества желающих жить и учиться «под колпаком» администрации долгое время не находилось. Даже в 1847/1848 учебном году обучалось на этом содержании в ИМУ только 110 человек²⁰⁶, то есть лишь порядка 10% от общего количества учащихся (см.: Табл. 2).

---

²⁰³ Георгиевский А.И. Мои воспоминания и размышления // Русская старина. 1915. Т. 162. № 6. С. 466.

²⁰⁴ Пенчко Н.А. Основание Московского университета. М., 1953. С. 225.

²⁰⁵ Феофанов А.М. Студенты казеннокоштные // Императорский московский университет. Энциклопедический словарь. М., 2010. С. 699.

²⁰⁶ Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 34.

Количество казенных студентов в Московском университете было на протяжении десятилетий удивительно стабильным, колеблясь в районе ста человек: если в 1834/1835 учебном году таковых было 84 человека, то уже через три года казенных питомцев насчитывалось 104, и все последующее десятилетие их число не падало ниже ста и не превышало 110 студентов (Табл. 2).

В целом, количество казеннокоштных учащихся, включая казенных студентов-медиков, вплоть до начала «мрачного семилетия» оставалось стабильным, в рамках предписаний Устава 1835 г., при этом «недокомплект» казенного кошта в Московском университете доходил до нескольких десятков человек. Зато росло число своекоштных студентов, чем и объясняется описанный выше рост общего количества учащихся.

В итоге соотношение своекоштных и казеннокоштных студентов в ИМУ, составлявшее примерно 4:1 в 1834 г., сменилось к 1848 г. на соотношение 8:1. Отчасти это объясняется тем, что в рассматриваемые годы постепенно росло число пансионеров, чье пребывание в университете оплачивалось государством, министерством и отдельными учреждениями вроде воспитательных домов. Преимущество пансионеров перед казенными студентами заключалось в том, что они находились на содержании правительства, жили в университетских стенах, но, в отличие от казеннокоштных товарищей, обязанных шесть лет отработать по линии Министерства народного просвещения, не подлежали распределению²⁰⁷. Неудивительно поэтому, что за первые десятилетия после принятия Устава 1835 г. их число в ИМУ выросло в 6 раз – с 17 человек в 1834/1835 академическом году до 102 учащихся к 1 января 1843 г., наивысшему их количеству за весь рассматриваемый период.

Однако в годы «мрачного семилетия» более свободные по сравнению с казеннокоштными категория учащихся в наибольшей степени пострадали в количественном отношении: число своекоштных студентов сократилось почти вдвое за 1847–1851 гг., а государственные пансионеры постепенно исчезли вовсе

---

²⁰⁷ Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 141, 324.

– если в 1847/1848 г. их насчитывалось еще 95 человек, в 1850/1851 г. 29, а в 1853/1854 академическом году – только 7. В последующие годы в отчетах ИМУ более не отмечено такой формы содержания студентов.

При этом количество казенных студентов не только не сокращалось, но и с рубежа 1840-1850-х гг. постепенно росло, достигнув отметки в 140 человек в 1852/1853 академическом году, превысившей все показатели предшествовавших лет. В конечном счете, соотношение казенномкоштных учащихся к своекоштным вновь составило примерно 1:4 к 1850/1851 г. учебному году.

Надо сказать, что университетские власти и министерство народного просвещения всемерно стремились заполнить пустующие на казенном коште места в университетах, в том числе путем привлечения на него достаточно необычных категорий учащихся. Так, в начале 1840-х гг. по решению самого императора на казенное содержание был зачислен болгарин Найден Улиов²⁰⁸, а в 1844 г. циркуляром Уварова было даже разрешено появление студентов-евреев на казенном коште – правда, только на медицинских факультетах российских университетов. Во многом благодаря этому разрешению количество лиц иудейской веры в ИМУ к 1848 г. возросло с нуля до 14 человек, не считая евреев, перешедших в другие конфессии (подробнее см.: Табл. 3)²⁰⁹.

Существовали и другие формы содержания студентов в ИМУ – так, несколько десятков учащихся в 1830-х–1840-х гг. находились на содержании благотворителей. Правда, в общей массе учащихся эта группа студентов не сильно выделялась: в 1847/1848 г. таковых было 39 человек, что составляло всего лишь 3% от общего числа студентов²¹⁰. В абсолютных цифрах наибольшим количеством студентов на данном содержании было уже в пореформенное время (43 человека в 1859/1860 году), однако процентное соотношение благодаря наплыву своекоштных студентов в те годы изменилось при этом не в их пользу.

---

²⁰⁸ Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 320.

²⁰⁹ Там же. С. 140.

²¹⁰ Там же. С. 141.

В позднейшие, предреформенные годы существование небогатых студентов в ИМУ поддерживали не только официальные благотворители, но и сборы на нужды учащихся от частных лиц, не раз объявлявшиеся либеральными газетами и журналами рубежа 1850-х–1860-х гг. по подписке. Конечно, собранные суммы были невелики, но, по мнению Р.Г. Эймонтовой, как символический жест они противостояли правительльному ретроградству в университетском вопросе²¹¹, препятствовавшему поступление малоимущих студентов в университет. Впрочем, к началу Великих реформ количество учащихся во всех университетах Империи стремительно возросло, и времена, когда, как на рубеже 1830-х–1840-х гг., до половины мест стипендиатов и пансионеров в ИМУ пустовали²¹², остались в далеком прошлом.

Пересмотр излишних строгостей университетской политики «мрачного семилетия» и наметился еще в середине 1850-х гг. Очередная смена министра народного просвещения в 1853 г. и инициированная новым министром А.С. Норовым своеобразная «оттепель» в системе образования выразилась применительно к нашей тематике сначала в постепенном, но вскоре ставшем лавинообразным увеличении числа учащихся в университете. Начав с отметки в 975 обучающихся в 1853 г., их число увеличилось до 1456 человек в 1856 г. в начале нового царствования и до немыслимой в былье времена отметки в 1760 человек на 1 января 1859 г.

Указанный рост числа студентов базировался на увеличении приема студентов на собственное содержание: если в 1851/1852 году своекоштных учащихся было 602 человека, то через два года уже 862²¹³, то есть количество своекоштных студентов в ИМУ увеличивалось ежегодно на 50 мест²¹⁴ и более.

---

²¹¹ Эймонтова Р.Г. Указ.соч. С. 45.

²¹² Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 34.

²¹³ В отчете ИМУ за 1852/1853 академический год присутствует очевидная ошибка: количество своекоштных студентов всего лишь 77 человек. Представляется, что реальное их количество было в том году около 770 учащихся.

²¹⁴ Эймонтова Р.Г. Указ.соч. С. 26.

При этом, как отмечалось выше, число казенных студентов оставалось в первые годы правления Александра II на примерно том же уровне, что и ранее, просто с привычного для прежних лет «недокомплекта» (104 человека в 1855/1856 году) оно выросло до максимально возможного согласно Уставу 1835 г. количества в 140 человек в последующие три года. Дальнейший рост количества учащихся, содержащихся за счет казны, был невозможен по финансовым обстоятельствам, как и многие другие реформы, задуманные министерством Норова в то время²¹⁵. После же фактической отмены казенного кошта в университете и перехода на другие формы содержания студентов количественный состав этой группы студентов начал стремительно уменьшаться: к концу 1862 г. казенных питомцев в Московском университете насчитывалось только 88 человек.

Решительный перелом в правительской политике по отношению к университетам произошел в 1855 году, когда после ряда административных решений начался колоссальный рост числа студентов в Москве и по всей стране. 23 ноября 1855 г. по Высочайшему повелению прием во все факультеты университета стал неограниченным по количеству учащихся²¹⁶. С 24 декабря того же года был разрешен переход медиков в другие факультеты по ходатайству университетского начальства и попечителя по уважительным причинам²¹⁷.

Снятию количественных ограничений на прием студентов сопутствовали и другие меры: в университеты вернулись вольнослушатели, а у студентов вновь появились реальные возможности освобождаться от платы за обучение – например, войти в число стипендиатов, получить пособия, перейти на содержание учебного округа и т.д. В конечном счете, возврат назад, в эпоху «мрачного семилетия», стал невозможен²¹⁸.

---

²¹⁵ Эймонтова Р.Г. Указ.соч. С. 4.

²¹⁶ О приеме неограниченного числа студентов во все факультеты университетов // ЖМНП. 1856. Ч. 89. Отд. I. С. 12–13.

²¹⁷ Там же. С. 14–15.

²¹⁸ Эймонтова Р.Г. Указ.соч. С. 27.

При этом министерство народного просвещения пыталось сохранить ситуацию в университетах под своим контролем, параллельно вводя новые ограничения. Так, Высочайшее разрешение неограниченного приема студентов министр Норов сопроводил своим циркулярным письмом, в котором потребовал от университетских властей усилить контроль за вступительными и особенно выпускными испытаниями²¹⁹. Данная мера должна была несколько ограничить количество студентов, особенно выходцев из разночинных слоев, но «отложенный спрос» на университетское образование в предреформенной России был так велик, что эти ограничения не помогли уменьшить поток желающих слушать университетские лекции.

При этом чем более многочисленным и разнородным по составу становилось студенчество, тем менее оно было управляемым, что привело к новым осложнениям. На протяжении 1858 г. в ИМУ происходили нелегальные сходки и даже студенческие беспорядки, которые привели к отставке Норова и определенному «похолоданию» в университетской политике. Новый министр народного просвещения, бывший московский попечитель Е.П. Ковалевский, с одобрения царя ужесточил как переводные, так и вступительные экзамены, чтобы сбить «наплыв молодежи» в университеты. В итоге, по мнению Эймонтовой, осенью 1859 г. принятых в университеты, в том числе в ИМУ, было намного меньше, чем желавших поступить²²⁰ – университеты попросту неправлялись с потоком желающих.

В результате проведения в жизнь указанных ограничительных мер властям удалось несколько снизить численность студентов: в 1858–1860 гг. в ИМУ число учащихся колебалось в пределах 1640–1650 человек, что было на сто с лишним менее, чем в последний год существования министерства Норова. Однако вскоре количество учащихся вновь восстановилось, достигнув к концу 1862 г. 1744 человек.

---

²¹⁹ Циркулярное предложение по поводу Высочайшего повеления о приеме неограниченного числа студентов во все факультеты университетов // ЖМНП. 1856. Ч. 89. Отд I. С. 32–33.

²²⁰ Эймонтова Р.Г. Указ.соч. С. 36–37.

Стоит отметить, что радикально настроенная часть либеральной общественности рубежа 1850-х–1860-х гг. относилась без всякого сочувствия к попыткам правительства и министерства Ковалевского стабилизировать ситуацию в университетах. Вопреки мнению властей, демократическая пресса защищала отмену всяких вступительных испытаний в университетах, поскольку Россия после Крымской войны остро нуждалась в образованных людях, и не имело смысла чинить им препятствия во вступлении в университеты. На этих позициях стояли такие разные издания как «Колокол» и «Русское слово²²¹».

Действия правительства и лично министра Ковалевского при этом говорили о том, что власти хотят непременно вернуть университеты под свой контроль, в том числе путем сокращения контингента учащихся, особенно его нелояльной, разочарованной части. На это были направлены такие различные меры, как введение двойного надзора за студентами, со стороны университетских властей и полиции, внедренное временными Правилами от 14 января 1860 г.; запрещение открытого порицания или одобрения профессорских лекций студентами; наконец, исключение из университетов студентов, не выдержавших хотя бы один из переводных экзаменов, а также двукратно нарушивших дисциплину²²².

Власти попытались также вернуться к использованию финансового рычага, ранее бывшего эффективным инструментом противодействия проникновению в университеты нежелательных групп населения. Циркуляр от 21 июля 1861 г. нового министра народного просвещения Е.В. Путятина ограничил количество освобождаемых от платы студентов двумя от каждого учебного округа. Эта мера должна была сократить студенческую массу, особенно число небогатых студентов. До этой меры, по признанию Ковалевского, от платы так или иначе освобождалось до половины всех студентов²²³.

---

²²¹ Эймонтова Р.Г. Указ.соч. С. 35.

²²² Там же. С. 36–37, 44.

²²³ Там же. С. 43.

Однако к тому моменту, когда власти решили применить финансовые ограничения вступления в университеты, у бедных студентов было уже достаточно много возможностей для пребывания на том или ином содержании. Так, еще с конца 1840-х гг. оплачивать слушание лекций в университете могли за своих воспитанников различные учебные заведения (несколько десятков человек ежегодно пребывали на их содержании с 1850 г. и далее), Московский воспитательный дом (9 человек в начале 1860-х гг.), учебные округа и Педагогический институт. Кроме того, студенты могли находиться на содержании приказов общественного призрения (20 человек и более с 1859/1860 г.), Царства Польского и Закавказского края (54 и 36 человек соответственно в 1862/1863 учебном году).

Попытки управлять университетами по-старому, очевидно, были настолько неудачными, что весной 1861 г. в верхах возникла идея закрытия ряда университетов и ограничения доступа в остальные выходцам из низших сословий. Убежденный либерал, Ковалевский отстоял перед Государем необходимость сохранения всех университетов²²⁴, сделав при этом справедливую оговорку о невозможности полного контроля над студенческой массой ввиду ее возросшей численности²²⁵. Поскольку пути назад в этом вопросе уже не было, сложившуюся к началу 1860-х гг. ситуацию можно считать прологом к скорому принятию самого либерального в XIX столетии университетского Устава 1863 года.

Однако за пару лет до введения нового Устава министерство народного просвещения и сам император Александр II еще пытались овладеть ситуацией в университетах и, в частности, вновь ограничить количество учащихся в них. Так, количество вольнослушателей, согласно Высочайшему повелению, с весны 1861 г., сокращалось и «сообразовывалось» с вместимостью аудиторий²²⁶.

А 31 мая 1861 г. император подписал ряд правил, вошедших в особое постановление «О некоторых преобразованиях по университетам», согласно

---

²²⁴ Эймонтова Р.Г. Указ.соч. С. 38.

²²⁵ Там же. С. 39.

²²⁶ Там же. С. 44.

которым, в частности, посещение лекций становилось обязательным, а вступительные испытания теперь, по сути, совмещались с выпускными экзаменами в гимназиях²²⁷. Эта строгая мера давала преимущества дворянам, составлявшим почти на 90% общее количество выпускников гимназий в то время²²⁸. Неудивительно, что данное решение в скором времени вызвало недовольство и новые студенческие беспорядки, в результате которых властям пришлось вплотную заняться разработкой проекта нового университетского Устава.

Таким образом, динамика общей численности студентов Императорского Московского университета 1830-х – начала 1860-х гг. позволяет утверждать, что наметившееся в конце изучаемого периода повышение общего числа студентов в ИМУ не было постоянным и системным процессом. По сути, число учащихся в ИМУ зависело от многих факторов: преобладающего направления университетской политики, принимавшихся административных решений, от части и от господствовавшего в различных слоях общества отношения к университетскому образованию.

Немаловажным фактором, влиявшим на численность учащихся, был вопрос финансирования обучения студентов в ИМУ. Несмотря на наличия ряда категорий студентов, обучение которых обеспечивалось за счет государственных средств (казеннокоштные студенты, пансионеры и др.), многократное увеличение количества студентов и учащихся в Московском университете произошло, в коемном счете, за счет расширения приема своекоштных студентов, а казенный кошт и другие формы государственного вспомоществования никогда не имели определяющего значения в финансовом обеспечении студенчества – как, впрочем, и стипендии, и средства благотворителей.

Пожалуй, главным фактором, способствовавшим увеличению числа студентов на протяжении исследованного периода, было постепенное изменение

---

²²⁷ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. 1876. Т. 3. Стб. 733.

²²⁸ Подробнее см.: Камоско Л.В. Изменения сословного состава учащихся средней и высшей школы России (30-е–80-е годы XIX в.) // Вопросы истории. 1970. № 10. С. 203–207.

отношения к университетскому образованию не только в дворянской, но преимущественно в разночинной среде. От неприятия и недоверия к университетам представители городских слоев населения перешли к активному желанию отдавать учиться в российские университеты своих сыновей, даже если это стремление шло вразрез с университетской политикой министерства и было связана с немалыми затратами и бытовыми трудностями для учащихся из разночинной среды.

Закономерно при этом, что процесс количественного увеличения студенческой массы сопровождался все большей представленностью различных сословий и групп населения среди университетской молодежи. По этой причине необходимо подробнее остановиться на изменениях в сословном и конфессиональном составе студенчества ИМУ.

1.2. Сословный и конфессиональный состав студенчества

Итак, помимо рассмотрения изменения общей численности студентов важным аспектом в исследовании является установления сословного происхождения учащихся. Данный «параметр» влиял не только на изначальный статус учащихся, но и на их финансовое положение. Кроме того, сословная политика самодержавного правительства очевидно благоволила к получению университетского образования одними сословиями и, напротив, всячески препятствовала проникновению в университет выходцев из других общественных групп. Но университетская политика была не единственным фактором, влиявшим на сословный состав студенчества университета в указанные десятилетия. На ситуацию влияли и традиции самого Московского университета, те принципы, которые были сформулированы и заложены еще его основателями в середине XVIII столетия.

В первую очередь, речь идет о традициях всесословного обучения в ИМУ, допускавших прием в университет разночинцев еще со времен М.В. Ломоносова. Традиция восприятия Московского университета как разночинного учебного заведения сохранялась и позднее, и о противостоянии разночинной студенческой массы продворянской университетской политике министерства Уварова упоминали А.И. Герцен и другие мемуаристы²²⁹.

Действительно, самые первые студенты в истории Московского университета были, по сути, разночинцами – поповичами, присланными указом Сената из различного рода духовных учебных заведений, где они обучались ранее. Перевод учащихся в 1755 г. был совершен из Славяно-греко-латинской Академии, Харьковского коллегиума и семинарий разных городов²³⁰. Дворяне же не стремились устроить своих отпрысков в университет, поскольку в нем никогда не подчеркивалось сословное происхождение учащихся, даже из титулованных

---

²²⁹ Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 38.

²³⁰ Феофанов А.М. Студенчество Московского университета XVIII – первой четверти XIX века. М., 2011. С. 72.

фамилий, да и само слово «студент» долгое время казалось им званием, не достойным человека благородного происхождения²³¹.

В следующем столетии, после принятия Устава 1804 г., ситуация изменилась, и часть дворянских сыновей потянулась в университеты Империи, однако их количество варьировалось от университета к университету. Так, представители высшей знати в основном предпочитали Санкт-Петербургский университет, в ИМУ же их появление на лекциях с гувернерами, их развязные манеры или, напротив, стремление отгородиться от остальных студентов (проявлявшееся, в частности, у М.Ю. Лермонтова) уже в 1820-х гг. выглядели странно, а порой вызывали осуждение или насмешки товарищей по учебе²³².

После же вступления в силу Устава 1835 г., поставившего университеты под контроль властей, на протяжении десятилетий существовали две разнонаправленные тенденции в трансформациях сословного состава студенчества Московского университета. С одной стороны, проводилась правительственная политика по привлечению в университет приоритетно дворянской молодежи, с другой – ее уравновешивала вышеупомянутая «разночинная» традиция, усиленная стремлением самих студентов из низших слоев к получению университетского образования, не смотря на связанные с этим тяготы и лишения²³³.

При этом увеличение числа выходцев из различных сословий в университете заставил власти наводить порядок в учете этих лиц еще в начале 1830-х гг. 28 июля 1831 г. в Министерстве народного просвещения специально рассматривался вопрос о том, кого следует понимать под наименованием разночинцев. В итоге было установлено, что разночинцы – это «нижние придворные, статские и отставные воинские служители и прочие, кои не

---

²³¹ Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 18. Также подробнее см.: Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели. М., 2006.

²³² Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 38.

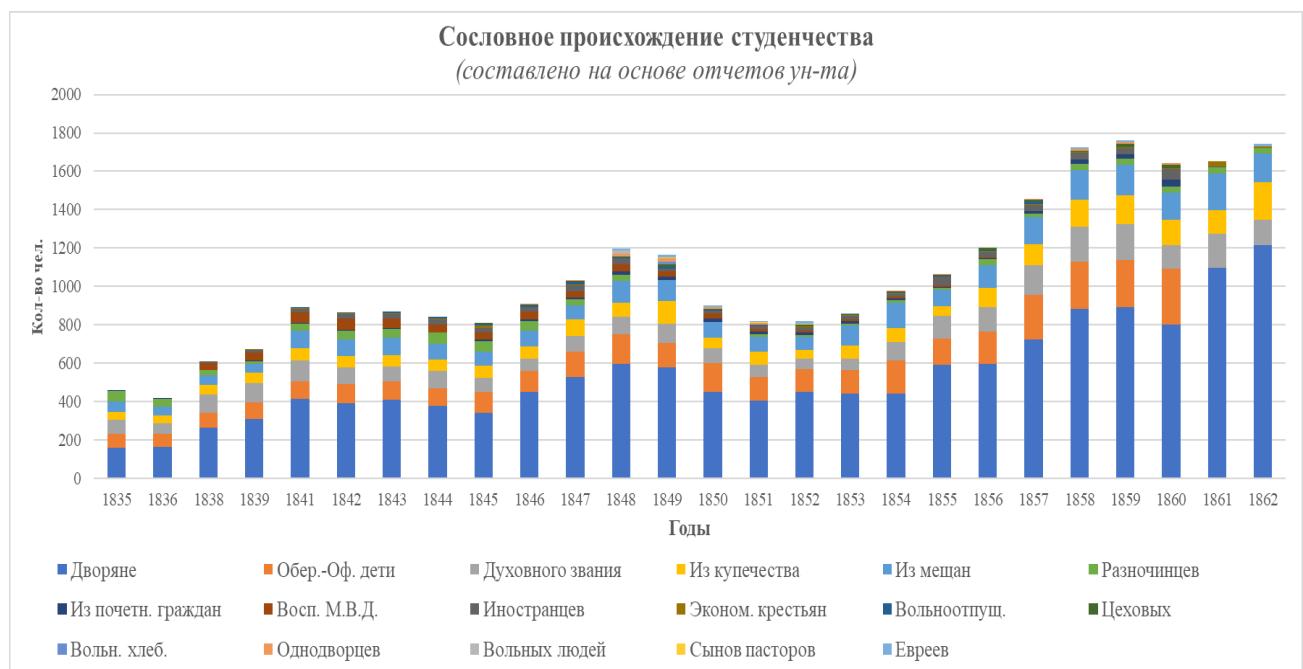
²³³ Там же. С. 35, 142.

причисляются к купеческому торговому сословию», а также «дети копиистов, канцеляристов и чиновников не из дворян, до коллежского асессора²³⁴».

Соответственно, в именных ведомостях учащихся ИМУ к студентам в широком смысле разночинного происхождения можно отнести, помимо собственно «разночинцев» по обозначению, выходцев из городских слоев (мещан, цеховых) и воспитанников Московского воспитательного дома. Все они, наряду с сыновьями купцов, поповичами, а также появлявшимися в отчетах начиная с 1838 г. выходцами из крестьянской среды составляли значительную часть студенчества, сравнимую с количеством учащихся дворянского происхождения.

В целом, количественное противостояние студентов-дворян и выходцев из разночинной среды продолжалось всю рассматриваемую эпоху, что наглядно показывает представленная ниже диаграмма (Рис. 3):

Рисунок 3.

Если брать за точку отчета последний учебный год перед принятием Устава 1835 г., то бросается в глаза, что дворяне составляли добрую треть от общего

²³⁴ По вопросу о том, кого следует разуметь под именем разночинцев // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб, 1866. Стб. 802.

количества учащихся – таковых было 158 человек из 456. Вместе же с обер-офицерскими детьми (75 человек) представленность потомственных и личных дворян составляла в том году более половины от всех учащихся, а остальное количество приходилось на выходцев из духовенства (около 15%), из мещан и разночинцев (примерно по 10%), а также купечества (40 человек, то есть менее 10%). Последний факт достаточно удивителен, учитывая отмечавшееся мемуаристами недоверие купечества по отношению к университетам в те годы²³⁵.

Зримым свидетельством подозрительного отношения купеческого сословия к университетскому образованию является достаточно низкий удельный вес студентов-выходцев из данного сословия по отношению к их общей численности в стране: в 1830-40-х гг. на тысячу лиц мужского пола купеческого сословия приходилось менее одного студента. Зато начавшийся в Российской империи в 1830-е гг. промышленный переворот привел в университеты городские слои, в том числе представителей «мелкобуржуазных» кругов²³⁶, которых мы будем наблюдать все последующие годы в университетских отчетах.

Примыкали к купцам по своему статусу и учащиеся из сословия почетных граждан. Изначально представители этой общественной группы были вольнослушателями, однако в марте 1835 г. специальным предписанием Уварова им было разрешено включать в число студентов, поскольку данное сословие было освобождено от «подушного оклада»²³⁷. При этом ни в 1830-х гг., ни позднее почетные граждане не составляли сколько-нибудь значимой части в общей массе студентов. Их удельный вес был сравнительно большим в 1846/1847 учебном году (21 человек, около 2%), а самое большое количество представителей отмечено в 1859 году (35 человек). Столь незначительная представленность почетных

---

²³⁵ Буслاءев Ф.И. Мои воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 210.

²³⁶ Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 134.

²³⁷ Там же. С. 319.

граждан в ИМУ объясняется и тем, что новое сословие появилось только в 1832 году²³⁸ и никогда не было многочисленным в масштабах всей страны.

Интересно проследить и предпочтения по факультетам обучения, которые отличались у студентов из разных сословных групп. Так, ввиду склонности разночинной молодежи к получению прикладных специальностей к концу 1840-х гг., несмотря на «гуманитарные интересы» министра Уварова, который благоволил изучавшим историю, филологию, древние языки, студентов-словесников в ИМУ в то время было намного меньше, чем юристов, физиков и математиков, а традиционно самым большим и разночинным по своему составу был медицинский факультет²³⁹.

Особенно примечателен в этом отношении быстрый рост юридического факультета Московского университета, на который стремились попасть и представители дворянства, и сыновья состоятельных горожан. По словам современного исследователя А.Е. Иванова, и в середине XIX столетия, и позднее этот факультет был самым «дворянизированным» и «буржуазным», где собирались сплошь карьеристы из преуспевающих семей, а сама учеба не была чрезмерно сложной²⁴⁰, по сравнению, например, с медицинским факультетом.

Стоит отметить, что доля студентов-юристов возрастила во всех университетах – к концу 1830-х гг. их стало более 40% от всех учащихся в стране, а их миссией стала дальнейшая разработка и применение реформированного в начале 1830-х гг. законодательства Российской империи. Более того: именно воспитанники юридических факультетов 1830-х–1840-х гг. в скором времени будут разрабатывать и проекты «Великих реформ²⁴¹».

Если вернуться к вопросу сословного представительства различных групп населения в ИМУ в целом, то интересным представляется появление с конца

---

²³⁸ Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 36.

²³⁹ Там же. С. 28.

²⁴⁰ Иванов А.Е. Студенчество в России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999. С. 33–35.

²⁴¹ Там же С. 30.

1830-х гг. студентов из самого большого сословия страны – крестьянства. Несмотря на отсутствие правительственные мер поддержки получения ими университетского образования, постепенно росло число свободных крестьян в университете – экономических, вольноотпущенников, вольных хлебопашцев. При этом ни одного крепостного в университетах николаевского времени не училось²⁴² – это было юридически невозможным.

В абсолютных цифрах, впрочем, совокупное представительство учащихся из крестьян в университете никогда не было очень большим – за рассматриваемый период оно увеличилось с 6 человек в 1837/1838 академическом году до 27 студентов в 1859/1860 г. Количество близких к ним по статусу однодворцев было наибольшим в 1848 г. (18 человек). Таким образом, удельный вес выходцев из крестьянского сословия и близких групп в Московском университете никогда не превышал 3%, однако примечательно, что и сельские обыватели постепенно начали тянуться к университетскому образованию. Ф.А. Петров полагает, что немалую роль в этом сыграл пример известного профессора истории М.П. Погодина²⁴³, потомка крепостных крестьян.

Был и еще один фактор, серьезно ограничивавший поступление выходцев из низших сословий в ИМУ и другие российские университеты. На протяжении всей рассматриваемой эпохи для обучения в университете необходимо было «увольнение» из податного состояния, что и в середине 1830-х гг., и позднее было сложной бюрократической процедурой. Словом, бедных и незнатных молодых людей принимали в ИМУ весьма неохотно²⁴⁴.

Наконец, на количестве студентов недворянского происхождения негативным образом сказывалось неоднократное поднятие платы за слушание лекций. Именно на студентов-разночинцев воздействовал финансовый рычаг: откровенно «антиразночинными» мерами были повышение платы за обучение (1845, 1848), а также отмена института вольнослушателей (1845), которые в итоге

---

²⁴² Петров Ф.А. Указ. соч. Т. 4. Ч. 2. С. 39.

²⁴³ Там же. С. 135–136.

²⁴⁴ Там же. С. 134–135.

привели к тому, что в университете в конце 1840-х гг. на некоторое время стали преобладать дворяне. Дети дворян и обер-офицерские дети составили к началу «мрачного семилетия» порядка 60% всех учащихся, а разночинцы вместе с поповичами и мещанами только 23%²⁴⁵ от всей студенческой массы.

Негативным образом повышение платы за обучение сказалось и на других группах недворянской учащейся молодежи. К 1847 г. снижается доля мещан и «цеховых» (до 10% и ниже)²⁴⁶, да и в целом на некоторое время во всех российских университетах становится меньше разночинцев, в том числе обер-офицерских детей, воспитанников Московского воспитательного дома и др. категорий учащихся.

Определенным спасением для учащейся молодежи из низших сословий мог стать казенный кошт, однако и среди казенных студентов разночинцы далеко не всегда преобладали. Первоначально самая значительная доля казеннокоштных студентов состояла из представителей духовенства. В 1835 году наибольшее количество казеннокоштных студентов происходили из духовного состояния – их насчитывалось 36 студентов из общего количества казенных питомцев в 99 человек, то есть более трети. В 1837 г. их была уже почти половина – 56 из 118 казенных питомцев²⁴⁷.

В последующие годы на казенном содержании стало появляться больше лиц дворянского звания, что вполне укладывается в политику министерства Уварова и попечителя С.Г. Строганова по всемерному поддержанию числа студентов-дворян в университетах Империи²⁴⁸. Если в середине 1830-х гг. дворян на казенном коште было не более 15%, то уже в 1841 г. 53 казенных питомца-дворянина составляли 25% от общего числа собственно казенных студентов вместе с пансионерами и

---

²⁴⁵ Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 39.

²⁴⁶ Там же. С. 135.

²⁴⁷ Здесь и далее см.: Гриценко А.И. Казеннокоштные студенты Московского университета второй четверти XIX века как социальная группа // Человеческий капитал. № 8. 2022. С. 34–36.

²⁴⁸ Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 22–23.

стипендиатами. Правда, сравнимое количество казенных студентов в том году было и разночинного происхождения.

В 1840-х гг. количество дворян, обучавшихся на содержании казны, оставалось стабильным (чуть более 50 человек), и периодическое снижение общего количества казеннокоштных учащихся и пансионеров периодически увеличивали их удельный вес в этой категории учащихся до 30%. Далее, в годы «мрачного семилетия» и первых лет правления Александра II, казенный кошт также был дворянским примерно на треть-половину, однако остальные места на нем принадлежали либо обер-офицерским детям, либо выходцам из духовенства (вновь 20% казенных питомцев в 1858/1859 году) и низших сословий. При этом казенный кошт далеко не закрывал материальные потребности всех небогатых студентов того времени.

Примечательно, что с 1844 г. на казенном коште разрешено было пребывать и евреям – правда, они могли обучаться только на медицинском факультете. Так правительство ориентировало их на начало именно медицинской карьеры²⁴⁹. Суммарно за полтора десятилетия до начала «мрачного семилетия» еврейских студентов в ИМУ было 66 человек, и в подавляющем большинстве они действительно учились на медиков. При этом наибольшее количество учащихся этой национальности отмечено в 1850/1851 учебном году (17 человек), а в конце изучаемой эпохи, в 1862 г., их вновь насчитывалось, после некоторого перерыва, 13 студентов.

Существовали и другие меры поддержки образования лиц еврейской веры, проводившиеся в жизнь министерством народного просвещения. Так, если им удавалось окончить гимназию, то они имели право поступать в университеты по всей Империи. Окончание же университета с 1835 г. освобождало их от всех ограничений, включая черту оседлости. Соответственно, и для учебы в гимназии и далее в университете от них не требовалось перехода в православную веру из

---

²⁴⁹ Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 140.

иудаизма²⁵⁰. Очевидно, во всех этих мерах проявилось желание и Николая I, и Уварова привлечь на российскую сторону двухмиллионное еврейское население, жившее в пограничных с Царством Польским губерниях²⁵¹.

Что же касается продворянской составляющей университетской политики Уварова и Строганова, то она не была в полной мере последовательной, и во второй половине 1840-х гг. это отразилось на представленности различных сословных групп в университете. Так, в 1846/1847 учебном году дворяне составляли около половины от общего числа студентов²⁵² (596 из 1198 человек), и данное соотношение сохранилось в следующем учебном году.

Однако появившееся в результате этого дворянское большинство в ИМУ не было долговременным и устойчивым. Ограничительные по отношению к общей студенческой массе меры времен «мрачного семилетия» снизили в том числе и количество дворян-студентов, доля которых в 1849/1850 учебном году была менее 50% (407 человек из 821 учащегося). Параллельно с этим выросла доля разночинных групп населения, представленных как на собственном, на и на казенном содержании.

Дело здесь в том, что попечитель Строганов активно стремился привлекать юношество в университет и не чинить лишних препятствий к поступлению в Москву молодежи из самых разных сословий. Так что даже в годы, когда количество дворян-студентов составляло половину от общего числа студенчества, ИМУ оставался весьма «разночинным» университетом²⁵³.

Пестрота сословного состава студенчества Московского университета особенно заметна в сравнении со вторым столичным университетом. В 1840-е гг. самым «дворянским» университетом Империи был Санкт-Петербургский, в Московском же, как было указано выше, еще в первые годы после принятия Устава 1835 г. дворян было менее половины от списочного состава студентов. К началу

---

²⁵⁰ Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 137, 139.

²⁵¹ Там же. С. 138.

²⁵² Там же. С. 134.

²⁵³ Там же. С. 134–135.

«мрачного семилетия» университет оставался все таким же разночинным, поскольку давал сыновьям разночинцев шанс «далеко выходить из круга, в котором они находились по своему положению», как писал попечитель Харьковского учебного округа граф Ю.А. Головкин Уварову²⁵⁴.

В годы «мрачного семилетия» правительство и министерство Ширинского-Шихматова также продолжало попытки усилить дворянскую составляющую студенческой массы в университетах Империи. Так, в 1850 г. на Дерптский университет по Высочайшему повелению было распространено уже существовавшее общее правило, что приоритет для поступления на все факультеты, кроме медицинского, отдавался тем из своекоштных учащихся, кто имеет право «на вступление в гражданскую службу». По сути, это означало расширения приема в университеты лиц, обладавших личным или потомственным дворянством. Тем самым власти вновь пытались сделать университеты дворянскими, искусственно сокращая число разночинцев среди студентов²⁵⁵.

Кроме того, на присутствие в университете городских слоев, как и других учащихся не из дворян, негативно повлияла ликвидация в 1847 г. института приватных слушателей²⁵⁶: за период 1847–1849 гг. купеческих сыновей в ИМУ стало меньше на 50% (было 122, осталось 54 человека), а мещан – на треть (108 и 81 учащийся соответственно).

Также с 1830-х гг. постепенно снижалась и доля детей священников среди студентов – в 1847 г. таковых было уже меньше 10%. (91 человек). Однако в 1860-е гг. они снова станут значительной сословной группой в стенах ИМУ, их доля вновь составит 10% в 1859/1860 учебном году (177 человек из 1653 учащихся), в 1870-х гг. одно время будет даже 20%. Во второй половине XIX века из духовной среды выйдет много известных деятелей во главе со знаменитым профессором истории В.О. Ключевским²⁵⁷.

²⁵⁴ Цит. по: Петров Ф.А. Указ.соч. Т.4. Ч. 2. С. 37.

²⁵⁵ ЖМНП. 1850. Ч. 65. Отд I. С. 151.

²⁵⁶ Петров Ф.А. Указ.соч. Т.4. Ч. 2. С. 37.

²⁵⁷ Там же. С. 135, 320.

Наконец, на сословный состав студенчества в 1830-х–1860-х гг. влияла и политика властей по привлечению в университеты лиц с определенным образовательным «бэкграундом». Так, одной из целей министерской политики Уварова было увеличение числа студентов с гимназической подготовкой, что опять же должно было повысить количество дворян и состоятельных горожан в стенах университетов в ущерб низшим сословиям. Эта политика, в целом, имела успех: если в 1828 г. бывших гимназистов в ИМУ было 23% от общего числа студентов²⁵⁸, то в 1835 г. их 36%, а в 1847 г. уже 54%, то есть больше половины учащихся²⁵⁹.

За годы существования министерства Уварова в Московском университете также закономерно упало число выпускников семинарий (с 13 до 7%), что и стало одной из причин падения числа поповичей среди студентов. Кроме того, число окончивших уездные училища и частные пансионы к 1848 г. составляло всего 1,5%, зато с 5 до 11% выросла доля окончивших дворянские институты и благородные пансионы при гимназиях, что также присутствие студентов-дворян в университете.

Далеко не все правительственные меры в данном вопросе имели успех. Так, вопреки правительственной линии, очень медленно снижалось число студентов с домашним образованием: более трети в конце 20-х гг., 30% в 1835 г. и 21% в 1847/1848 учебном году²⁶⁰. Однако с точки зрения сословного состава студентов эта тенденция также «играла на руку» представительству дворянства, поскольку домашнее образование детей было характерной чертой именно дворянского быта той эпохи.

После окончания правления Николая I, когда ввиду разрешения неограниченного приема студентов в университеты в 1855 г. стремительно выросло количество студентов и дворянского, и разночинного происхождения, попытки новых властей вернуться к прежним мерам уже не приносили успеха. Так, фактическое совмещение вступительных испытаний в университеты с

---

²⁵⁸ Насонкина Л.И. Указ.соч. С. 88.

²⁵⁹ Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 140.

²⁶⁰ Там же. С. 140–141.

экзаменами в гимназиях, ограничение освобождения от платы за обучение всего лишь двумя учащимися от каждой губернии, один из которых обязан был быть воспитанником гимназии, а также другие ограничения, предусмотренные «временными правилами» от мая 1861 г.²⁶¹, вызвали бурю недовольства в университетах. В конечном счете, протесты университетских студентов привели к либерализации всей образовательной политики указанного десятилетия. Демократическая часть общественного мнения также поддерживала протесты студентов и словом, и делом: пребывание части небогатых учащихся в университетах материально поддерживалось регулярными сборами средств на их нужды²⁶².

Таким образом, декларировавшаяся на протяжении десятилетий правительственные установка на сохранение дворянского облика студенчества в ИМУ и других университетах страны если и не «провалилась с треском», то, по крайней мере, не вполне удалась²⁶³ – дворяне-студенты составляли, в лучшем случае, половину всех учащихся Московского университета. Вторую же половину студенчества составляли разночинцы в широком смысле слова – городские слои и воспитанники Московского воспитательного дома, поповичи и евреи, купцы и мещане... Более того: именно выходцы из этих разнообразных слоев российского общества в скором времени станут определять лицо студенчества эпохи «Великих реформ» и последующих десятилетий.

***

Важным исследовательским вопросом также является установление конфессиональной принадлежности студентов Московского университета второй трети XIX века, преобладавших в то время в студенческой массе конфессиональных групп, а также постепенного изменения их количественного соотношения.

---

²⁶¹ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. 1876. Т. 3. Стб. 733.

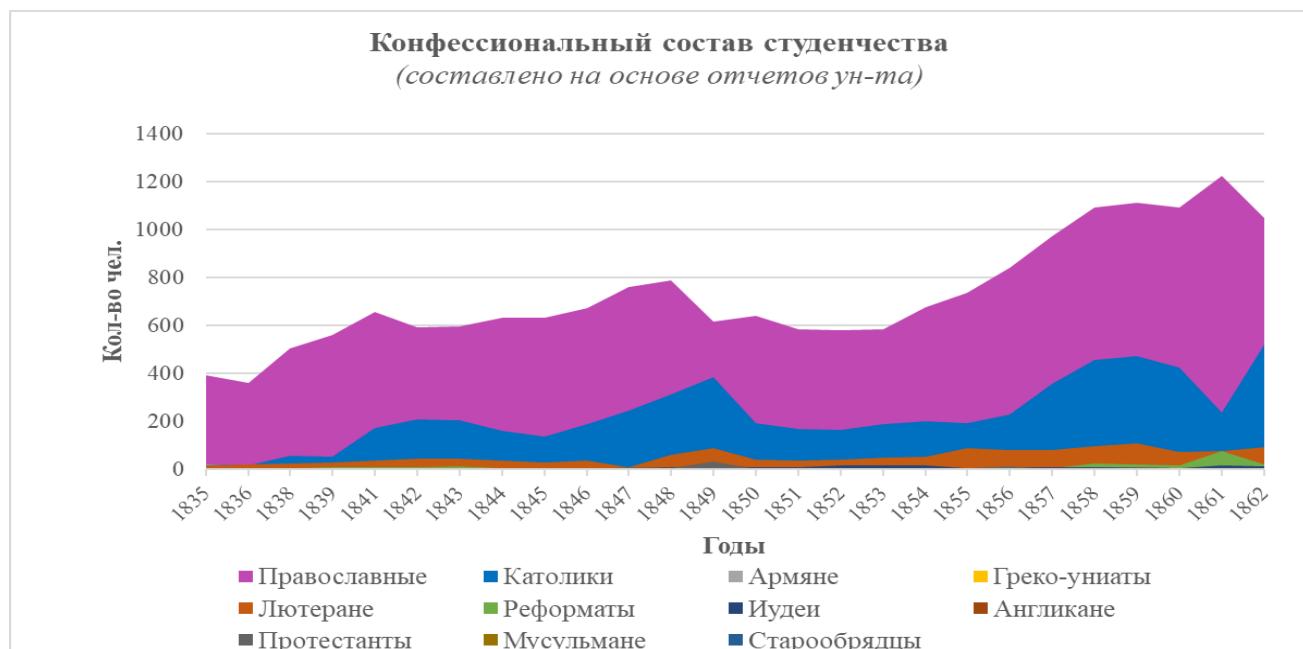
²⁶² Эймонтова Р.Г. Указ.соч. С. 45.

²⁶³ Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 37.

Статистические данные по данной проблематике, содержащиеся в отчетах ИМУ и других документах, важны не только потому, что представители разных конфессий занимали различный статус в российском обществе и зачастую имели различные карьерные перспективы и жизненные пути. Дело еще и в том, что в тесной связи с конфессиональной принадлежностью находится национальный составом студентов. Последний, впрочем, точно установить по религиозной принадлежности не всегда представляется возможным.

Логичным является предположение, что среди студентов Московского университета указанного времени должны были преобладать люди, исповедовавшие православие, потому что именно представители этой конфессии имели наибольшие перспективы в образовательной и иных общественных сферах. Данные на 1 января 1835 г., накануне принятия нового Устава университетов, подтверждают это предположение – православные студенты в то время составляли абсолютное большинство, почти 80% от всех учащихся. При этом количество студентов-католиков (23) и лютеран (19) в то время было сильно ниже, составляя примерно лишь по 5% от числа обучавшихся (см.: Табл. 4). Да и в дальнейшем основу студенчества составляли представители титульной конфессии, что демонстрирует диаграмма (Рис. 4):

Рисунок 4.

Как следует из диаграммы, подавляющее большинство студентов и иных категорий учащихся в Московском университете во второй половине 1830-х гг. составляли православные. При этом закономерное предположение, что они являлись русскими, украинцами или белорусами не может быть принято без серьезных оговорок. Во-первых, не все студенты родом с территории Украины и Белоруссии автоматически являлись православными – они могли быть и католиками²⁶⁴, и униатами (последних было от 2 до 7 человек в ИМУ в 1834–1838 гг.).

Во-вторых, среди православного студенчества, как установил Ф.А. Петров, периодически появлялись выходцы из болгарских земель. К ним относился казеннокоштный студент-болгарин Найден Улиов (Геров), вскоре перешедший, правда, для дальнейшего обучения в Ришельевский Лицей в Одессе. На собственном же содержании в Москве в середине 1840-х гг. учился его земляк Георгий Бусилин, воспитанник Афинской гимназии. Наконец, в православие неоднократно переходили остзейские немцы²⁶⁵, преимущественно из карьерных соображений.

Несмотря на то, что православие объединяло выходцев из разных народов Империи, доля студентов православной конфессии к началу «мрачного семилетия» серьезно снизилась: с изначальных 80% она упала в 1847/1848 г. до 53%, что означало сохранение данной религиозной группой большинства, но значительное сокращение ее доли на фоне увеличения представительства ряда других конфессиональных групп.

Самой значительной из этих групп были католики, которые к 1848 г. составили ровно треть от всех учащихся (385 человек из 1165 студентов). В подавляющем большинстве католиками были этнические поляки, выходцы из Царства Польского и западных губерний. Причиной резкого повышения количества лиц католического и римско-католического вероисповедания в ИМУ

---

²⁶⁴ Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 136.

²⁶⁵ Там же. С. 320.

стал ряд правительственные распоряжений 1840–1842 гг., согласно которым в Московский университет были привлечены в значительном количестве студенты польского происхождения, чтобы, с одной стороны, подготовить квалифицированные кадры учителей и чиновников для службы в Царстве Польском, а с другой – держать молодых поляков под контролем властей²⁶⁶.

Для появления большого количества поляков-католиков в Московском и других университетах центральной России в начале 1840-х гг. были вполне конкретные причины. Государство перевело их в российские университеты после восстания 1830–1831 гг. и последовавшего закрытия университетов в Варшаве и Вильне, а с 1839 г., как упоминалось выше, часть польских учащихся была переведена из Киева ввиду брожения на национальной почве в университете св. Владимира.

Из других мер следует указать предписания от 1840 и 1842 гг. о принятии по 15 студентов-поляков на юридический и философский факультеты. Данные предписания даровали важную привилегию польским учащимся: в случае возвращения на родину после окончания университетского курса выпускники, поступившие на службу в Царстве Польском, получали классный чин на ранг выше, чем их товарищи в центральной России²⁶⁷.

Вышеописанные меры поддержки учебы студентов-католиков из Царства Польского в университетах Империи вполне укладывались в политическую линию министерства Уварова на постепенную интеграцию поляков в российскую систему образования. Усилия министра вскоре дали свои плоды: накануне начала «мрачного семилетия» количество студентов-католиков по сравнению с 1834 г. выросло в 3,5 раза (с 21 до 385 человек).

При этом московский попечитель Строганов осуждал начинание Уварова по переводу поляков в российские вузы, опасаясь занесения в них «политической заразы». Его многолетний помощник и попечитель Московского учебного округа

---

²⁶⁶ Насонкина Л.И. Указ.соч. С. 114.

²⁶⁷ Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 320.

в 1847–1849 гг. Д.П. Голохвастов полякам, напротив, благоволил, и даже их участие в тайных кружках и обществах порой не мешало их учебе и карьере, в том числе и в непростой для университетов ситуации рубежа 1840-х–1850-х гг.²⁶⁸.

Более того, в годы «мрачного семилетия» министерство народного просвещения продолжало политику 1840-х гг. по финансовому стимулированию подготовки будущих специалистов для Царства Польского во всех российских университетах. Так, в 1850 г. было зарезервировано 12 стипендий «для приготовления учителей» для Царства Польского в университетах Москвы и Петербурга, правда, эта мера касалась не только поляков, но и «коренных русских», проживавших на территории польских земель²⁶⁹.

В годы, последовавшую за разрешением неограниченного вступления в университеты, количество студентов католического вероисповедания увеличилось следом за представителями других конфессиональных групп, при этом их пропорция сохранилась примерно на уровне конца 1840-х гг. В 1861/1862 учебном году, накануне принятия нового университетского Устава и очередного восстания в Царстве Польском, католиков в ИМУ был 521 человек из 1744 учащихся, то есть снова примерно треть. Большинство учащихся в том учебном году принадлежали к православию – таковых было порядка 60% (1048 человек из 1734 студентов).

Постепенно увеличивалось представительство и других конфессиональных групп. Так, плавно росло число студентов-лютеран и «реформатов», в основном немецкого происхождения – за десятилетие с момента принятия Устава 1835 г. их удельный вес вырос с 5 до 10% от общего числа студентов. Наибольший же рост числа студентов-протестантов отмечен в годы либерализации, предшествовавшей «Великим реформам». В 1859/1860 академическом году лютеран и «реформатов» было суммарно больше всего за рассматриваемую эпоху (155 человек), что опять же составило почти 10% от общего числа учащихся в Московском университете.

---

²⁶⁸ Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 321–322.

²⁶⁹ ЖМНП. 1850. Ч. 65. I Отд. С. 174.

Появлялись на студенческой скамье в ИМУ и представители других протестантских конфессий – в 1847/1848 г. там насчитывалось 13 англикан, однако и до, и после этого учебного года появление в Московском университете студентов данной конфессии было отмечено единичными случаями. Однако часть студентов-англикан оставила свой след в университетской и литературной истории. В этой связи достойны упоминания участник ряда студенческих кружков 1830-х гг. Егор Мин²⁷⁰ или «забытый» литератор Михаил Меркли, обучавшийся в ИМУ в 1832–1834 гг., а позднее издававший свои стихи под псевдонимом «Иероним Южный²⁷¹».

Из других конфессиональных групп следует также выделить студентов, принадлежавших к армянской церкви, то есть собственно этнических армян. Уже в начале изучаемой эпохи, в середине 1830-х гг. количество студентов-армян составляло более 20 человек, иногда снижаясь до 15–18 учащихся. Именно в те годы в ИМУ получал образование будущий министр народного просвещения «эпохи контрреформ» И.Д. Делянов.

В первой половине 1840-х гг., армян в Московском университете стало существенно меньше – вероятно, из-за повышения властями в те годы статуса Лазаревского института до высшего учебного заведения и общественных представлений о престижности обучения в нем²⁷².

Кроме того, в разные годы в составе студенчества Московского университета появлялись мусульмане (6 человек в 1847/1848 году, в остальные годы единичные представители), старообрядцы (1 представитель в 1835 г.), а также лица иудейского вероисповедания. Как уже упоминалось, усилиями властей по привлечению европейской молодежи в университеты количество иудеев в ИМУ возросло до 14 человек в 1847/1848 гг. и 17 учащихся в 1850–1852 гг.

---

²⁷⁰ Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 137.

²⁷¹ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 4. М., 1960. С. 311.

²⁷² Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 137.

При этом лица еврейской веры, в отличие от мусульман, были непрерывно представлены в университетских отчетах с 1837 года и вплоть до начала 1860-х гг. Вероятно, получение университетского образования, связанное с выходом из черты оседлости, карьерными перспективами и отменой для выпускников ряда ограничений были достаточно выгодны, чтобы сподвигнуть молодых евреев к обучению в российских университетах.

Что касается представленности учащихся различных конфессий на казенном коште, то здесь следует отметить зеркальное отражение общих тенденций и статистических закономерностей, которые в рассматриваемую эпоху описывают изменения конфессионального состава студенчества всего университета. Преимущество православных среди казенных питомцев было в середине 1830-х гг. еще более подавляющим, чем по университету в целом (90% против 80% в 1835 г.), однако и здесь представители главной религии страны через десятилетие утратили часть своего преимущества – в 1844 г. удельный вес православных казеннокоштных студентов был уже только 70%.

Как и в статистике по студенчеству в целом, потеснили на казенном содержании православных учащихся католики (поляки и др.) – их количество уже к началу 1840-х гг. выросло до 40 человек и более, что составляло почти 30% от числа всех казенных студентов и пансионеров. К концу же рассматриваемого периода количество католиков на казенном содержании, несколько сократившееся в годы «мрачного семилетия», восстановилось и составило 20% от общего количества казенных студентов к 1859 году²⁷³.

Из других этноконфессиональных групп значимое количество на казенном коште в Московском университете составляли только армяне – в 1856 г. 16 из 19 учащихся-армян были казенными студентами, что составило порядка 8% от общего числа казенных питомцев университета. Что касается иудеев, лютеран, «реформатов» и других групп, то либо они в данной статистике отсутствовали,

---

²⁷³ Подробнее об этом см.: Гриценко А.И. Казеннокоштные студенты Московского университета. С. 34–35.

либо их появление на казенном содержании в ИМУ указанного времени представляло из себя единичные случаи.

Таким образом, конфессиональный и связанный с ним этнический состав студенчества Московского университета второй трети XIX века был куда более монолитным, чем описанный выше сословный состав. Подавляющее большинство студентов (от 50 до 80% и более) в разные годы принадлежали в господствующей православной религии, второй по значимости религиозной группой были католики, в основном выходцы из Царства Польского (до трети всех учащихся в отдельные годы). Кроме того, статистически значимым было представительство протестантов (немцев-лютеран, «реформатов» и англикан), армян, а также евреев. На казенном коште, в «ядре» студенческой корпорации ситуация была в целом сходная.

Если же говорить в целом о социальных характеристиках студенчества периода правления Николая I и первых лет царствования Александра II, то очевидным становится провал правительской политики по сохранению привычного состава учащихся. Дворянство в ИМУ постепенно утрачивает свои позиции на фоне наплыва разночинцев и выходцев из низших сословий. Представители «титульной» православной конфессии в то же время начинают уступать место полякам-католикам, протестантам, армянам и евреям.

Эти процессы, еще не слишком очевидные в рассматриваемую эпоху, будут многократно усилены и ускорены с принятием Устава 1863 г. и развертыванием политической программы реформ 1860-х–1870-х гг.

1.3. Возрастные характеристики студентов Московского университета

Еще одной немаловажной характеристикой студенчества ИМУ второй трети XIX века, которая, в свою очередь, обуславливала многие характерные черты и особенности формировавшихся в ту эпоху студенческой идентичности и корпоративной культуры, является возрастной состав учащихся. Изучение данной проблематики важно еще и тем, что в рамках современной историографической традиции практически нет работ, отдельно рассматривавших данный вопрос применительно к универсантам середины XIX столетия. В последние годы небольшое место в своей монографии данной проблематике (правда, применительно к Санкт-Петербургскому университету) отвели историки Т.Н. Жуковская и К.С. Казакова²⁷⁴.

В первую очередь, определенную возрастную рамку для лиц, вступающих в университеты, задавало министерство народного просвещения. Однако в начале XIX века ее еще не существовало: даже университетский Устав 1804 г.²⁷⁵ никак не оговаривает минимальный возраст для поступления. По этой причине в течение следующих двух десятилетий наступило время периодического появления в университетах 12–14-летних «детей-студентов», которые едва ли были способны освоить полный курс наук, но ценили сам по себе статус студента (особенно студенты-дворяне)²⁷⁶. Причем данное явление было достаточно массовым: по данным А.М. Феофанова, студенты моложе 17 лет составляли 56% учащихся в ИМУ в 1804–1812 гг.²⁷⁷.

В скором времени, впрочем, значительная часть совсем юных учащихся переместилась в Благородные пансионы, дававшие более высокий чин при их окончании. Однако с закрытием пансионов в начале 1830-х гг. происходит новая

---

²⁷⁴ Жуковская Т.Н., Казакова К.С. *Anima universitatis: студенчество Петербургского университета в первой половине XIX века*. М., 2018.

²⁷⁵ Университетский Устав (1804).

²⁷⁶ Жуковская Т.Н. *Anima universitatis*. С. 201.

²⁷⁷ Феофанов А.М. Студенчество Московского университета. С. 90–91.

волна «омоложения» Московского и других университетов Российской империи²⁷⁸, и этот вопрос в итоге стал предметом забот министерского руководства.

Порядок в данном вопросе был наведен уже после принятия нового Устава. Согласно п. 5 «Временных правил» приема в университеты от 1837 г., минимальный возраст студентов был установлен в 16 лет. Однако в случае «необыкновенных способностей» можно было поступить в университет и до достижения указанного возраста, но только с разрешения попечителя по представлению ректора, да и то если будущему студенту не хватало не более трех месяцев до шестнадцатилетия²⁷⁹. Впрочем, согласно данным именных ведомостей учащихся из отчетов ИМУ рассматриваемой эпохи, в последующие годы это правило неоднократно нарушалось.

Так, уже по состоянию на 1 января 1835 г. в ИМУ было три 15-летних студента на первом курсе нравственно-политического отделения и еще один – на физико-математическом отделении (см.: Табл. 5). В следующем, 1835/1836 учебном году юных студентов указанного возраста было двое, на нравственно-политическом и словесном отделениях. В последующие годы 15-летние студенты встречаются лишь в 1846 г. (два человека на двух отделениях философского факультета соответственно) и в 1856 г. (один студент медицинского факультета). Позднее 1855/1856 академического года студенты моложе 16 лет не отмечаются отчетами ИМУ, а случаев поступления в университет в возрасте моложе 15 лет в Московском университете в то время, очевидно, вовсе не было.

Однако ряд биографических данных студентов ИМУ, отраженных в именных ведомостях отчетов, на первый взгляд, заставляет усомниться в сделанном выше выводе о соблюдении университетским начальством в Москве «временных правил» 1837 г. Так, в отчете за 1843/1844 академический год указывается, что по состоянию на 1 января 1844 г. на 4 курсе медицинского

---

²⁷⁸ Жуковская Т.Н. *Anima universitatis*. С. 201.

²⁷⁹ Правила испытания для желающих поступить в университеты // ЖМНП. 1837. Ч. 14. С. 38.

факультета находился 16-летний студент дворянского звания Фердинанд Чашницкий. Соответственно, если данные отчета верны, то он должен был поступить в ИМУ в 12–13 лет в нарушение министерских правил.

Однако ручная проверка истории обучения Чашницкого по более ранним отчетам выявила ошибку в источнике: в 1844 г. студенту было не 16, а 27 лет, что подтверждается указаниями на его возраст в отчете за 1842/1843 г. (26 лет), а также в именной ведомости на начало 1841 г. (24 года, 2 курс медицинского факультета). Данный студент провел на втором курсе два года подряд, а на третьем, кроме того, перешел на казенный кошт. Возможно, именно совокупность этих нюансов в университетской истории Чашницкого и привела составлявших отчет чиновников к ошибке.

Похожая история случилась с указанием в ведомости возраста студента 4 курса II отделения философского факультета Николая Соколова, которому, согласно отчету за 1841/1842 год, в середине того учебного года было 18 лет. Однако и в данном случае было установлено, что логичное предположение о том, что данный студент поступил в Московский университет в возрасте 15 лет или менее²⁸⁰, оказалось опровергнуто прослеживанием данных об учебе Соколова по отчетам предшествовавших лет. Как удалось выяснить, он поступил на 1 курс того же отделения в 1839 г. в полном соответствии с правилами в возрасте 16 лет, а в январе 1841 г. ему уже исполнилось 18 лет. Значит, в отчете за 1841/1842 год существует ошибка: студенту в том году должно было быть 19 лет.

Случались ошибки и в указании возраста студентов-первокурсников. Так, студенту 1 курса II отделения философского факультета Павлу Магницкому, согласно отчетам ИМУ, в январе 1843 г. было 16 лет, а ровно через год – уже 21 год. Принимая во внимание, что в последующие годы в указании возраста студента нет явных «разрывов» (22 года в 1844 г., 23 года в 1845 г. и т.д.), закономерным является предположение, что настоящим возрастом Магницкого на первом году его пребывания в университете было 20 лет.

---

²⁸⁰ См.: Гриценко А.И. Казенномкоштные студенты Московского университета. С. 35–36.

Встречались в Московском университете 1830-х – начала 1860-х гг. и студенты достаточно зрелого возраста: 25, 27, 30 лет и более, причем учащиеся такого возраста встречались в том числе и на первом курсе. Так, по одному учащемуся возрастом более 30 лет зафиксировано в 1838, 1844, 1848 и 1858 гг., двое из них представляли первый курс медицинского факультета, а двое других – I отделение философского факультета. Кроме того, в 1858/1859 академическом году на медицинском факультете ИМУ было сразу два тридцатилетних студента.

Притяжение великовозрастных учащихся на факультеты и отделения естественнонаучной направленности во второй половине 1850-х гг. объясняется, в частности, наступавшим среди молодежи «культом естественных наук²⁸¹», который приводил к появлению в университетах молодых людей 25–27 лет и старше, уже получивших образование в других местах и желавших теперь изучать в ИМУ физику, химию или медицину.

Кроме того, во все указанные десятилетия университетской истории достаточно возрастными были студенты-выходцы из духовного звания. Если перед вступлением в университет они оканчивали духовное училище, а затем семинарию, то их возраст в первый год пребывания в университете не мог быть менее 20–22 лет²⁸², а чаще всего был значительно большим.

Еще одним фактором, увеличивавшим возраст университетских учащихся, была так полностью и не отмененная в изучаемую эпоху возможность для студентов пребывать несколько лет подряд на одном и том же курсе. Хотя введение ограничения срока обучения на одном курсе неоднократно обсуждалась и в министерстве Уварова, и руководством ИМУ во главе с попечителем на протяжении 1830-х–1840-х гг., все же случаи исключения студентов за «безуспешность в науках» или оставления на второй или даже третий год на том же курсе случались. В данном случае все зависело от разрешения Совета университета и попечителя, которые принимались в индивидуальном порядке²⁸³.

---

²⁸¹ Жуковская Т.Н. *Anima universitatis*. С. 204; Эймонтова Р.Г. Указ.соч. С. 240.

²⁸² Жуковская Т.Н. *Anima universitatis*. С. 202.

²⁸³ О переводе студентов на высшие курсы // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 8. Д. 78. Л. 12 об., 41.

По большей части, запрет на затягивание сроков пребывания в университете касался только казенных студентов, однако и у них был шанс сохранить место в ИМУ по тем или иным уважительным причинам²⁸⁴.

По причине неоднозначной позиции руководства касательно возможности для студентов учиться на одном курсе более одного года сами учащиеся нечасто, но пользовались этой возможностью, а некоторые из них даже несколько злоупотребляли ей. Так, вышеупомянутый студент философского факультета Павел Магницкий провел в Московском университете 7 лет (1842–1849 гг.), проучившись по два года на 1 и 2 курсах II отделения. И только сменив физико-математический профиль образования на гуманитарный, указанный студент сумел за следующие три года окончить курс университетских наук на его I отделении.

Однако большая часть студентов, как следует из данных отчетов ИМУ, все же не злоупотребляла терпением начальства и заканчивала учебу в установленные для факультетов и отделений сроки либо максимум на один-два года позже таковых.

Руководство министерства народного просвещения вновь пыталось разрешить данный вопрос в «эпоху мрачного семилетия». Согласно циркуляру Ширинского-Шихматова от июня 1849 г., те студенты, кто не перевелся своевременно на следующий курс обучения, оставшись на второй год на прежнем курсе²⁸⁵, подлежали исключению из университета, независимо от того, на каком содержании они находились. Однако и это решение соблюдалось весьма избирательно, и некоторые великовозрастные «двоечники» продолжали затягивать сроки своего обучения в университете.

На рубеже 1850-х–1860-х гг. соблюдение нормативных сроков обучения вновь становилось обязательным. В то время были введены переводные экзамены

---

²⁸⁴ О переводе студентов на высшие курсы. Л. 43.

²⁸⁵ Циркулярное предложение о недозволении всем вообще студентам университетов оставаться в одном курсе два года. 9 июня 1849 г. // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Стб. 897.

с курса на курс, и студенты, не выдержавшие хотя бы одно из испытаний, могли быть исключены из университета²⁸⁶.

Через три года уже упоминавшимися правилами от мая 1861 г., наряду с усложнением вступительных экзаменов и требованием обязательного посещения лекций, повышался и минимальный возраст для вступления в университеты – с 16 до 17 лет²⁸⁷. Примечательно, что за несколько лет до этого решения в либеральном проекте нового устава для Санкт-Петербургского университета авторства Г.А. Щербатова и К.Д. Кавелина, среди прочего, предлагалось повысить возраст поступления до 17 лет, чтобы юные университетские питомцы «не злоупотребляли свободой и досугом²⁸⁸». Видимо, это была реально существовавшей проблемой университетской жизни.

По мнению современных исследователей истории Казанского университета, регулируя минимальный возраст поступления, власти пытались привести в соответствие биологический возраст учащихся с развитием их умственных способностей и получить, в конечном счете, более монолитное в возрастном плане студенчество²⁸⁹. Той же цели, в конечном счете, служило отмеченное выше стремление Уварова усилить представительство питомцев гимназий в российских университетах.

В результате проведения в жизнь его университетской политики к рубежу 1840-х–1850-х гг. возраст основной массы студентов все больше стал тяготеть к средним значениям. Причина данных изменений – постепенное уменьшение количества юных аристократов с домашним образованием среди студентов, а равно сокращение числа великовозрастных неимущих выпускников семинарий²⁹⁰, в полном соответствии с целями политики министерства.

---

²⁸⁶ Эймонтова Р.Г. Указ.соч. С. 44.

²⁸⁷ Сборник распоряжений по МНП. 1876. Т. 3. Стб. 733.

²⁸⁸ Цит. по: Эймонтова Р.Г. Указ.соч. С. 33.

²⁸⁹ Вишленкова Е.А., Ильина К.А. «Воспроизведение себе подобных» в российских университетах первой половины XIX века. М., 2011. С. 48.

²⁹⁰ Жуковская Т.Н. *Anima universitatis*. С. 202.

Показатели среднего возраста студентов-первокурсников Московского университета, вычисленные на основе данных отчетов ИМУ рассматриваемой эпохи (где указывался возраст и немногочисленных «второгодников»), в целом подтверждают данную гипотезу. Действительно, медианный возраст поступающих в университет только пару лет в начале 1840-х гг. достиг отметки в 20 лет, во все остальные рассматриваемые годы он составлял 18–19 лет, что наглядно демонстрирует график (Рис. 5):

Рисунок 5.

Следовательно, возраст поступления подавляющего большинства студентов в ИМУ вполне совпадал с ожиданиями администрации. Так, если во второй половине 1830-х гг. абсолютное большинство студентов поступало в университет в возрасте 16–22 лет (с немалым количеством 23-летних учащихся и старше), то начиная с 1840-х гг. и вплоть до начала 1860-х гг. (за вычетом «мрачного семилетия», когда набора на ряд отделений и факультетов практически не было) средний диапазон сужается до 17–22 или даже 18–21 лет, причем к концу рассматриваемого периода все большая часть поступающих соответствует наиболее усредненным значениям в рамках данного диапазона.

В 1850-х – начале 1860-х гг. средний возраст вступления в университет на медицинский факультет составлял 20–21 лет, а на прочие факультеты и отделения – даже несколько менее, 18–20 лет, что, в свою очередь, немного больше, чем возраст студентов-первокурсников предшествовавших десятилетий. Более высокий средний возраст студентов-медиков при этом объясняется историей данного факультета, его пестротой и разночинным составом.

Также в среднем на пару лет постарше были студенты разночинного происхождения по сравнению с дворянами, а также казенномкоштные питомцы в сравнении со своекоштными. Во многом благодаря своему возрасту, опыту, нередко разночинному происхождению и непростой биографии именно казенные студенты были в глазах товарищей наставниками в деле познания положений негласного кодекса студенческой этики и носителями университетской культуры и традиций²⁹¹.

Таким образом, в результате исследования возраста вступления студенчества второй трети XIX века в Московский университет с привлечением такого несовершенного по качеству, но важного статистического источника, какими являются именные ведомости учащихся в составе ежегодных отчетов ИМУ, можно сделать ряд выводов. Во-первых, в исследуемую эпоху постепенно повышается возраст вступления в университет – совершенно исчезают «дети-студенты» моложе 15 лет, а начиная со второй половины 1840-х гг. постепенно исчезают и 15–16-летние студенты-первокурсники. Вероятно, это обстоятельство благотворно влияло на успеваемость в университете, принимая во внимание дальнейшую специализацию и усложнение наук, преподававшихся в стенах ИМУ.

Во-вторых, великовозрастные студенты (старше 25 лет на первом курсе) также постепенно пропадают из университетской статистики – как ввиду постепенно введенного запрета на пребывание более одного года на одном и том

---

²⁹¹ Георгиевский А.И. Указ.соч. С. 466.

же курсе, так и в результате политики министра Уварова по приоритетному привлечению в университеты выпускников гимназий и в целом дворян.

В-третьих, диапазон возрастов студентов первого курса постепенно сужается и усредняется до вполне приемлемого как для учащихся, так и для властей значения – от 18–19 лет на философском и юридическом факультетах и до 19–20 лет – на медицинском.

Соответственно, средний возраст студентов всех курсов в университете находился, учитывая сравнительную численность студентов на различных курсах, отделениях и факультетах, в указанную эпоху в целом в диапазоне 21–23 лет. Следовательно, большая часть студентов ИМУ 1830-х–1860-х гг. в годы своего обучения в университете была уже достаточно взрослой и зрелой. Возраст большинства студентов следует признать вполне подходившим для обучения, начала профессиональной карьеры или общественной деятельности.

2. Учебная деятельность студентов

2.1. Процедуры поступления в университет

Как было показано в предыдущей главе, студенчество Московского университета в рассматриваемую эпоху было уже сравнительно многочисленной группой учащихся, которая активно пополнялась новыми членами извне, сохраняя при этом свои базовые черты и свойства. По этой причине, наряду с изучением статистических характеристик студенчества второй трети XIX века, необходимо исследовать также механизмы и правила поступления в ИМУ, действовавшие для различных сословий и социальных групп в их динамике и развитии в 1830-х–1850-х гг. Кроме того, исследовательский интерес представляют особенности проведения вступительных испытаний, а также мотивация самих будущих студентов к получению университетского образования.

Для значительной части будущих учащихся Московский университет той эпохи был подлинным храмом науки, источником самых передовых научных знаний. Так, писатель И.А. Гончаров вспоминал: «Мы смотрели на университет как на святилище и вступали в его стены со страхом и трепетом²⁹²». Однако у ряда студентов из низших сословий, а также из небогатых семейств преобладали не идеалистические, а вполне материальные мотивы к поступлению – ввиду перспективы устройства на казенный кошт, дававший гарантии безбедной жизни в Москве на время учения.

Ф.И. Буслаев, уроженец Пензы, писал об этом: «Для меня настоятельно необходимо было держать экзамен не для того, чтобы поступить в университет, а чтобы обеспечить свое существование, то есть быть принятым в казеннокоштные студенты, и притом как можно скорее. Не выдержи я экзамена, мне пришлось бы в Москве помереть с голода, а о возвращении в Пензу и думать нечего без копейки в кармане. Наличности у меня было всего 25 рублей ассигнациями,

---

²⁹² Гончаров И.А. Из университетских воспоминаний: Как нас учили 50 лет назад // Вестник Европы. 1887. Кн. 4. С. 490.

по-теперешнему 8 рублей с копейками; этого едва хватало на два месяца на квартиру со столом. Экзамен был для меня только средством для достижения этой цели, и грозная мысль о существовании заслоняла в моих думах заботы об экзамене^{293».}

Нередко, впрочем, собственной мотивации к поступлению в университет у будущих студентов не было вовсе – они шли туда по принуждению, по настоянию родителей, под давлением принятых в обществе правил. Подобным образом в ИМУ попал литератор П.Ф. Вистенгоф: «С самых малых лет своих и до последующего времени, постоянно слыша около себя одни и те же разговоры о необходимости учиться, дабы потом, в известном уже возрасте, проложить дорогу, сделать себе карьеру, я втайне не соглашался с этими доводами, находя их фальшивыми, неестественными, а потому и смотрел на науку, как на какое-то принудительное средство и если учился, то лишь по настоянию^{294».}

Кроме того, на поступление студентов и их дальнейшее стремление постигать азы наук серьезно влияли такие внешние факторы, как обстановка в родительском доме. Сказанное выше применимо, в частности, к М.Ю. Лермонтову, бывшему своекоштным «питомцем» ИМУ в начале 1830-х годов. Как справедливо заметил в своей работе о поэте П.А. Висковатый, «предыдущая жизнь его и трагическая история между отцом и бабушкой, разыгравшаяся как раз перед поступлением его в университет, определенно должны были дать мыслям восприимчивого молодого человека серьезное, мрачное направление^{295».} Занятый своими тяжелыми мыслями, Лермонтов «чуждался» товарищей по учебе, отстранялся и не стремился ни к общению, ни к погружению в учебу²⁹⁶.

---

²⁹³ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. М., 1897.

²⁹⁴ Вистенгоф П.Ф. Из моих воспоминаний // Исторический вестник. 1884. Т. 16. № 5. С. 329–330.

²⁹⁵ См.: Висковатый П.А. М.Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1891.

²⁹⁶ Там же.

С другой стороны, в Московский университет и в 1830-х гг., и в последующие десятилетия искренне стремились небогатые молодые люди из провинции, причем их не смущали ни сложности столичной жизни, ни трудности учебы, ни московская дороговизна. Так, писатель Я.И. Костенецкий, учившийся в ИМУ за несколько лет до принятия нового университетского Устава, отмечал, что в прославленный первый российский университет рвались поступить многие выпускники гимназии из города Новгорода-Северского, причем гораздо ближе располагавшийся университет в Харькове не вызывал у них такого интереса: «Такое рвение учеников Новгород-Северской гимназии к Московскому университету, несмотря на удаленность губернии от него и близость к ней Харьковского университета, к округу которого она тогда принадлежала, было следствием советов ее директора Ильи Федоровича Тимковского, который и сам был профессором Харьковского университета, но всегда отдавал преимущество перед ним Московскому университету^{297».}

Неудивительно поэтому, что университетские власти, видя такую популярность университета, имели основания достаточно сдержанно относиться к тем учащимся, которые поступали в него не ради прилежной учебы и занятий науками. Так, Вистенгоф, благодаря многим рекомендательным письмам от «более или менее влиятельных лиц» попавший на прием к тогдашнему ректору ИМУ И.А. Дvigубскому, удостоился от него настоящей отповеди. Среди прочего, ректор сказал своему будущему подопечному: «Хорошо, я скажу, кому следует, чтобы вам по возможности облегчили доступ в студенты. Сожалею, что вы поступаете в университет не для научной цели, а единствено для того, чтобы получить диплом – этот пергамент, дающий известные, исключительные права. А есть бедные молодые люди, пришедшие <...> из Воронежской губернии в худых сапогах, отлично подготовленные. Эти труженики пришли учиться и учиться серьезно. Вот этим-то людям я вполне сочувствую^{298».}

---

²⁹⁷ Костенецкий Я.И. Воспоминания из моей студенческой жизни // Русский Архив. 1887. Кн. 1, № 1. С. 108.

²⁹⁸ Вистенгоф П.Ф. Из моих воспоминаний. С. 330–331.

Проблемой мотивации учащихся, а также их готовности постигать азы университетской науки в начале 1830-х гг. озабочились не только университетские власти, но и сам император Николай I. В своей торжественной речи на столетие университета профессор С.П. Шевырев отметил, что именно его указом в 1831 г. были введены «строгие» вступительные испытания, требовавшие «классической подготовки» к ним, чтобы студенты не теряли в университете понапрасну время, попадая в него не готовыми изучать науки²⁹⁹.

Впрочем, декларировавшаяся «строгость» вступительных испытаний в последние годы перед принятием нового Устава во многом уравновешивалась снисходительностью экзаменаторов. Вышеупомянутый Вистенгоф сдал вступительные испытания легко и непринужденно: «Меня экзаменовали более, нежели легко. Сами профессора вполголоса подсказывали ответы на заданные вопросы. Ответы по билетам тогда еще не были введены. Я был принят в студенты по словесному факультету³⁰⁰».

Еще короче свои ощущения от поступления в университет выразил Афанасьев: «Вступительный экзамен я выдержал пополам с грехом, что называется³⁰¹». И это при том, что по устоявшейся университетской традиции вступительные экзамены принимали опытные университетские профессора – так, в 1839 г. вступительный экзамен по Закону Божьему принимал протоиерей П.М. Терновский, по русской словесности – профессор И.И. Давыдов и т.д.³⁰².

Особенную тревогу у поступавших вызывал экзамен по древнегреческому языку. Однако данная проблема легко решалась при наличии соответствующих связей – профессора-экзаменаторы готовили абитуриентов университета к поступлению и попросту натаскивали их на знание нужных отрывков из

---

²⁹⁹ Шевырев С.П. Обозрение столетнего существования Императорского Московского университета // ЖМНП. 1855. Ч. 85. С. 37–38.

³⁰⁰ Вистенгоф П.Ф. Из моих воспоминаний.

³⁰¹ Афанасьев А.Н. Московский университет в воспоминаниях, 1843–1849 гг. / Сообщ. Е.Н. Аммон //Русская Старина. 1886. № 8. С. 358.

³⁰² Дело о назначении экзаменов для желающих поступить в студенты // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 8. Д. 91. Л. 1.

классической литературы. О подобных занятиях рассказывал в своих воспоминаниях Вистенгоф: «Под конец лета, перед самым началом вступительных экзаменов, ко мне пригласили на дом ординарного профессора московского университета [С.М.] Ивашковского, постоянно назначавшегося экзаменатором греческого языка, в котором я был очень слаб, и страшился его более всего. Профессор, дав несколько уроков, заранее предупредил меня о том, что будет спрашивать на экзамене, и указал то место в греческой хрестоматии, которое я должен был вызубрить³⁰³».

К вступительному экзамену можно было успешно подготовиться и самостоятельно. Как вспоминал Гончаров, «мы с братом и наши товарищи издалека готовились к экзаменам, о требованиях которого, конечно, заблаговременно справились до мелких подробностей, и потому страх и трепет умерялись некоторой уверенностью в успехе³⁰⁴». И даже когда за несколько месяцев до испытания вышло министерское распоряжение об обязательной сдаче древнегреческого языка для поступления на словесное отделение ИМУ, Гончаров успел успешно подготовиться к этому сложному испытанию.

Тем не менее, сами вступительные экзамены в 1831 г. отняли у Гончарова и его товарищей немало сил и нервов: «Экзамен проходил в зале конференции, где в смежной плохо освещенной комнате довольно многочисленной кучкой жались у стен, ожидая, как осужденные на казнь, своей очереди. Вот тут, конечно. Сердце билось у всех, у меня – более других по милости греческого языка. <...> В зале заседал ареопаг профессоров-экзаменаторов, под председательством ректора. Их было человек семь-восемь. Вызываемые по списку подходили к каждому экзаменатору по очереди³⁰⁵». И все-таки экзамены были сданы успешно – по выражению будущего писателя, «не успел оглянуться, как уже был отэкзаменован³⁰⁶».

---

³⁰³ Вистенгоф П.Ф. Из моих воспоминаний.

³⁰⁴ Гончаров И.А. Из университетских воспоминаний. С. 493.

³⁰⁵ Там же. С. 494.

³⁰⁶ Там же.

Как и в случае с Вистенгофом, немалую роль в успешной сдаче Гончаровым экзамена сыграли профессора-экзаменаторы. Несмотря на самостоятельную подготовку, Гончаров имел откровенно слабые знания по предмету: читая и переводя Ксенофона на самом экзамене, он через слово путал ударения и лихорадочно выискивал, «как друзей в толпе», знакомые слова в читавшемся перед преподавателем тексте. Уже через две-три минуты такого чтения профессор стал делать «заметные уступки» экзаменуемому, подсказывал и радовался вместе с ним, когда Гончаров наконец-то давал правильный ответ на вопрос. Вдобавок, как признавал сам писатель, вопросы преподаватель задавал «легкие, больше из грамматического анализа, как в гимназии³⁰⁷».

После принятия Устава 1835 г. и определенного упорядочения университетских вступительных экзаменов знание древнегреческого языка, хоть и осталось большим плюсом для будущих словесников, перестало быть обязательным для абитуриентов университета. Согласно «Правилам испытания для желающих поступить в университеты» 1837 г., для студентов 1-го отделения философского факультета было желательно знание основ древнегреческого языка. Однако, поскольку его далеко не везде преподавали в российских гимназиях, познания в этом древнем языке больше не являлись обязательным требованием для поступления в университеты. При этом поступающие, владевшие греческим языком и латынью, если планировали определяться на иные отделения и факультеты, имели право сдавать для этого вступительный экзамен только по одному из «новейших» языков³⁰⁸.

В наиболее привилегированном положении относительно поступления в Московский университет во второй половине 1830-х гг. находились выпускники столичных гимназий. Согласно упоминавшимся выше «Правилам» 1837 г. студенты, окончившие гимназии, освобождались от вступительных испытаний в

---

³⁰⁷ Гончаров И.А. Воспоминания. В университете // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 149–150.

³⁰⁸ Правила испытания для желающих поступить в университеты // ЖМНП. 1837. Ч. 14. С. 40.

университете по ходатайству попечителя и при наличии хороших оценок в гимназии и достойного поведения³⁰⁹.

При этом еще до принятия «Правил» в 1836 г. между министерством и попечителем велась переписка по поводу допущения в ИМУ гимназистов, выбывших из учебных заведений до окончания курса. В соответствии с предложением попечителя Московского учебного округа, «ученики, не окончившие курса в Московской гимназии, не вправе быть допускаемы к испытаниям на звание университетского студента иначе как по выдержании предварительно экзамена в самой гимназии и по получении от оной надлежащего свидетельства³¹⁰».

С целью избежания путаницы и недоразумений, Совет университета предложил попечителю распорядиться, «чтобы по окончании каждого академического года в начале июля месяца доставляли ректору университета именные списки учеников, выбывших из гимназий прежде окончания курса с указанием их звания и возвращением документов, дабы университет по таковым спискам мог в точности исполнять предложение о допущении к испытаниям просящихся в университет студентов³¹¹».

В последующие годы привилегия питомцев гимназий на поступление в университет не только сохранялась, но и постепенно распространялась на другие аналогичные учебные заведения. Так, с 1843 г. без экзаменов поступали в университет выпускники ряда гимназий исторического центра страны – не только 1-й и 2-й московских, но также тверской, ярославской, калужской и рязанской. Осуществлялось зачисление студентов по представлению руководства гимназий и с разрешения попечителя округа³¹².

---

³⁰⁹ Правила испытания для желающих поступить в университеты. С. 37–38.

³¹⁰ Касательно принятия в Университет учеников гимназий, не окончивших курса учения // ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 9. Л. 3.

³¹¹ Там же.

³¹² О принятии в университет без экзамена некоторых учеников гимназий // ЖМНП. 1843. Ч. 38. Отд. I. С. 156–157.

Еще одно расширение количества поступавших в ИМУ без экзаменов случилось в 1851 г.: с образованием преимущественно дворянской по составу 4-й Московской гимназии ее выпускники-отличники «похвального поведения» также получили право поступления в университет «без вторичных испытаний³¹³».

С другой стороны, у руководства университета в Москве вызывал сомнения уровень преподавания во многих российских гимназиях, и прием всех вообще гимназистов в ИМУ без вступительных испытаний на протяжении 1830-х–1840-х гг. так и не был введен, несмотря даже на мнение чиновников Министерства народного просвещения.

В мае 1842 г. представители министерства предложили попечителю Строганову, среди прочего, отменить вступительные экзамены для гимназистов: «Ограничить приемные экзамены для вступления в университет только теми молодыми людьми, [которые] получили домашнее образование или приобрели необходимые знания в [учреждениях], не состоящих в ведомстве министерства Народного просвещения, закончивших же гимназии и получивших по окончании аттестат принимать в университет, не подвергая экзаменам³¹⁴».

В июне того же года попечитель Московского учебного округа ответил, что «вступительные испытания имеют важное значение», поскольку уровень подготовки бывших гимназистов нуждается в дополнительной проверке: «Принимая в соображение состояние наших гимназий, полагаю, что освобождение молодых людей от вступительных испытаний есть дело несвоевременное³¹⁵».

И все же выпускников гимназий власти хотели видеть в числе студентов Московского университета, для чего в том числе стремились рассказать гимназистам о преимуществах университетской жизни. Так, Д.П. Голохвастов в

---

³¹³ О предоставлении выпускникам 4-й Московской гимназии права поступать в университеты без вторичного испытания // ЖМНП. 1851. Ч. 70. С. 191.

³¹⁴ О некоторых предположениях министерства Народного просвещения в ходе преподавания в университетах и в ограничении приемных экзаменов // ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 472. Л. 3.

³¹⁵ Там же. Л. 4.

бытность свою помощником попечителя не только серьезно заботился об уровне знаний поступающих, но советовал директорам гимназий Московского учебного округа рекомендовать своих питомцев к поступлению на казенный кошт, чтобы финансовая сторона пребывания в ИМУ не волновала одаренных студентов из числа бывших гимназистов³¹⁶, а сами учащиеся при этом могли легко контролироваться начальством³¹⁷. Да и в целом со второй половины 1830-х гг., как прямо указывалось в п. 15 «Правил» для поступления, основой для вступительных испытаний по всем предметам является объем наук, изучавшийся в гимназиях Империи³¹⁸.

Ввиду устойчиво высокого общественного престижа и, соответственно, интереса молодежи к университетскому образованию в 1830-х–1840-х гг. университетские власти и министерство могли себе позволить даже несколько ограничивать поток поступавших, в том числе выпускников гимназий. Так, в циркулярном предложении Уварова от 19 октября 1844 г. констатировалось, что «недостаток желающих обучаться в высших учебных заведениях ныне уменьшается», и по этой причине было решено не допускать в университеты лиц, отмеченных «неудовлетворительными успехами» во время учебы в гимназии³¹⁹.

Такие ограничения, в целом, не противоречили базовым установлениям предшествовавшего десятилетия, предписывавшим университетским властям при зачислении в число студентов принимать во внимание «одобрительные свидетельства» об окончании полного гимназического курса, дававшие право приоритетной экзаменовки либо вовсе освобождения от таковой (§ 91 Устава 1835 г.).

---

³¹⁶ Записка Д.П. Голохвастова о состоянии Московского университета и об изменении устава университета // ОПИ ГИМ. Ф. 404. Оп. 1. Ед. хр. № 22. Л. 6–7.

³¹⁷ Насонкина Л.И. Указ. соч. С. 118.

³¹⁸ Правила испытания для желающих поступить в университеты (1837). С. 40.

³¹⁹ Циркулярное предложение г. Министра народного просвещения о непринимании в университеты и лицей окончивших курс в гимназиях с неудовлетворительными успехами // ЖМНП. 1844. Ч. 45. С. 47–48.

Еще одним моментом, регулировавшим порядок зачисления в университеты, были перспективы профессионального трудоустройства учащихся по завершении курса наук. В 1850 г. особым распоряжением предписывалось приоритетно зачислять в университеты учащихся, по своему сословному происхождению и статусу имевшим право «вступления в гражданскую службу» после окончания учебы³²⁰, то есть преимущественно выходцев из высших сословий, которые могли после окончания университетского курса становиться чиновниками государственных ведомств.

Но если студенчество как университетская корпорация в николаевское время постепенно стирала различия между учащимися различного происхождения, то в вопросах поступления сословный принцип сохранялся и всемерно поддерживался усилиями министерства и руководства университетов. Проявлялся он и в различиях в наборе документов, необходимых для поступления выходцам из различных сословий. Если вообще всем абитуриентам для поступления требовалось подать прошение ректору с указанием желаемого факультета и отделения, а также свидетельство о крещении, о причащении (для католиков) или «конфирмационный вид» для лютеран, то для лиц из податных сословий дополнительно требовалось предоставление увольнительных свидетельств³²¹, получение которых во все рассматриваемые десятилетия имело значительные трудности.

Дело в том, что местные сословные общества не предоставляли своим членам увольнительные для учебы в университете, поскольку не хотели снижать количество плательщиков податей. Студенты же из крестьян и вольноотпущенников были настолько бедны, что они, как утверждал М.Н. Мусин-Пушкин, попечитель Казанского учебного округа, «лишены даже всякой возможности уплачивать за паспорты деньги³²²» и потому не могут попасть

³²⁰ О преимущественном принятии в университеты молодых людей, имеющих право на вступление в гражданскую службу // ЖМНП. 1850. Ч. 65. С. 46–47.

³²¹ Там же. С. 38.

³²² Цит. по: Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 268.

в университет и устроиться на казенный кошт. Но даже попечители учебных округов не могли ничего поделать с правительственной позицией по данному вопросу.

В конце 1846 г. было решено не допускать к слушанию лекций в качестве студентов или слушателей бывших крепостных крестьян и вообще лиц, «не получивших от своих обществ увольнительных свидетельств³²³». При этом отсутствие или попытка сокрытия документов о низком происхождении также не спасала ситуацию: в том же 1846 г. циркулярным предложением Уварова министерство запретило пускать в университеты лиц, «кои о происхождении своем не имеют законных доказательств³²⁴». Так доступ в университеты Империи представителей низших сословий был максимально затруднен.

Представленные в ИМУ документы потенциальных студентов проходили быструю первоначальную проверку. «Правила» 1837 г. устанавливали, что университет в течение трех дней усилиями синдика и деканов факультетов должен был осуществить проверку подлинности и действительности представленных бумаг. Недействительные документы оперативно возвращались абитуриентам³²⁵. Последним же шагом к зачислению в студенты было оформление документации совместно с инспектором: поступивший студент, получивший о том надлежащее уведомление, должен был незамедлительно явиться к нему³²⁶.

Примечательно, что университетские «Правила» 1837 г., срок действия которых в 1842 г. был продлен Уваровым еще на четыре года³²⁷, требовали от профессоров снисходительно относиться к нервозному состоянию испытуемых, о котором упоминали многие мемуаристы³²⁸. Экзаменаторам предписывалось

³²³ Циркулярное предложение о непринимании в число студентов и приватных слушателей вольноотпущеных, не приписанных к податным состояниям // ЖМНП. 1846. Ч. 49. С. 202–203.

³²⁴ Циркулярное предложение о недопущении к слушанию университетских лекций лиц, не имеющих законных доказательств о своем происхождении // Там же. 1847. Ч. 53. С. 35.

³²⁵ Правила испытания для желающих поступить в университеты. С. 39.

³²⁶ Там же. С. 46.

³²⁷ О правилах испытания для желающих поступить в университеты // ЖМНП. 1842. Ч. 34. Отд. I. С. 115.

³²⁸ Гончаров И.А. Из университетских воспоминаний. С. 493; Афанасьев А.Н. Указ.соч. С. 358–359.

снисходительно относиться к «робости» студентов – таковым позволялось прийти на испытание позже и даже получить новые вопросы, но только один раз³²⁹. Добавляло нервов будущим студентам и то обстоятельство, что в случае провала непоступившие могли повторно подвергнуться испытанию только через год³³⁰.

В последнем случае, правда, учащимся была оставлена возможность попасть на университетские лекции в ином статусе: в подробных разъяснениях графа Уварова по поводу статуса приватных слушателей в 1845 г. указывалось, что ими действительно, среди прочего, могли становиться лица, не зачисленные в университет по результатам вступительных испытаний³³¹ – если, конечно, речь не шла об учащихся из податных сословий, относительно которых во всю рассматриваемую эпоху действовали описанные выше ограничения.

Сами вступительные экзамены, в соответствии с требованиями университетского Устава 1835 г., проводились раз в году летом, примерно в одно и то же время. Согласно § 93 Устава, прием студентов происходил раз в год перед началом первого полугодичного курса. Удостоенные принятия сразу же вносились ректором в список студентов.

Поступление в университет производилось «по чину в двух или трех комитетах, составленных Советом университета с утверждением попечителя» и под его непосредственным наблюдением³³². Также процесс контролировали помощник попечителя и ректор. Крайний срок для подачи прошений о принятии в студенты в Московском университете назначен был в 1839 г., например, на 18 июля. Испытания проводились в тот год начиная с 21 июля³³³, в полном соответствии с установившейся традицией проводить их в середине лета.

---

³²⁹ Правила испытания для желающих поступить в университеты. С. 44.

³³⁰ Там же. С. 46.

³³¹ Циркулярное предложение с дополнительными правилами относительно различия между студентами университетов и приватными слушателями // ЖМНП. 1845. Ч. 48. С. 44.

³³² Университетский Устав [1835].

³³³ Дело о назначении экзаменов для желающих поступить в студенты // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 8. Д. 91. Л. 1.

Количество экзаменов для желающих стать университетскими студентами было значительным. Согласно министерским «Правилам», для разных факультетов таковыми являлись экзамены по Закону Божьему и церковной истории (его не сдавали «инородцы»); российская грамматика и словесность; латинский, немецкий и французский языки; математика «до конических сечений»; физика, география и статистика, история³³⁴.

При этом некоторые послабления были предусмотрены для отдельных категорий учащихся, не имевших классического гимназического образования. Так, выпускники семинарий должны были сдавать лишь предметы, изучавшиеся в духовных учебных заведениях. К таковым относились русский и латинский языки, география, основы математики, история, география и логика³³⁵. Одно важное послабление было сделано и для иностранцев: и иностранные подданные, и российские «инородцы» «по необходимости» могли освобождаться от испытания по русскому языку, но их экзаменаторы порой просили сделать переводы с русского языка «на свой природный» и обратно³³⁶.

Среди всех иностранных учащихся особое внимание в 1840-х гг. обращалось на привлечение в российские университеты, включая и ИМУ, учащихся польского происхождения, что было связано с политикой правительства Николая I в Царстве Польском после восстания 1830–1831 гг., направленной на интеграцию польской молодежи в образовательную систему всей Империи. Молодых поляков не только переводили в российские университеты в принудительном порядке, как это было после «дела Конарского» в Киеве, но и способствовали их самостоятельному поступлению в университеты Москвы, Санкт-Петербурга и даже Казани.

По этой причине на протяжении указанного десятилетия постепенно расширялось представительство студентов-поляков в ИМУ и других собственно российских университетах. Впрочем, для их поступления, согласно

---

³³⁴ Правила испытания для желающих поступить в университеты. С. 39.

³³⁵ Там же. С. 40.

³³⁶ Там же. С. 44.

установлениям 1846 г., университетским властям нужно было убедиться в отсутствии возражений со стороны правительства Царства Польского. Зато студенты-поляки, успешно окончившие курс университетских наук, пользовались теми же привилегиями, что и выпускники-выходцы из российских губерний³³⁷.

Однако бесконтрольного доступа в российские университеты польские учащиеся, конечно, не получили. Согласно министерскому распоряжению 1847 г., все выходцы из польских земель должны были сдавать вступительные экзамены на общих основаниях, кроме освобожденных от испытаний стипендиатов Царства Польского. Последние также освобождались и от платы за обучение в университете³³⁸.

Система оценивания ответов испытуемых на вступительных экзаменах была пятибалльной: от 5 баллов, обозначавших отличные знания по предмету, до нуля («совершенное незнание³³⁹»). При этом конкретная оценка студенческого ответа в немалой степени зависела от благосклонности экзаменаторов – все экзамены были устными, кроме испытаний по «российской словесности», математике и иностранным языкам. Но и в последнем случае профессорами могли задаваться дополнительные «изустные» вопросы³⁴⁰, что делало ключевым аспектом экзамена установление контакта и взаимопонимания с профессором по предмету и его коллегами, присутствовавшими на испытании.

В конечном счете, претендентам на вступление в университеты необходимо было показать если и не блестящие, то достаточные, удовлетворительные знания по всем заявленным предметам, поскольку зачисление в студенты рассчитывалось по полученному среднему баллу. Средний балл поступавших должен был быть после округления не менее трех, по латыни не меньше двух. При этом получившие

---

³³⁷ О правилах приема в гимназии и университеты Империи и выпуска из оных уроженцев Царства Польского // ЖМНП. 1846. Ч. 51. С. 40–41.

³³⁸ Циркулярное предложение г. Министра народного просвещения относительно воспитанников Царства Польского, желающих обучаться в университетах Империи // Там же. 1847. Ч. 53. С. 11–12.

³³⁹ Правила испытания для желающих поступить в университеты. С. 42–43.

³⁴⁰ Там же. С. 41.

«единицу» по одному из предметов также не попадали в университет. Кроме того, иностранцы и иноверцы, желавшие стать медиками, должны были получить не менее двух баллов на экзамене по российской словесности³⁴¹.

Можно утверждать, что баллы, полученные на вступительных испытаниях, были важнейшими в «студенческой» биографии большинства питомцев университетов, поскольку конкретные баллы и оценки по предметам собственно университетским, полученные в процессе обучения и даже на итоговых испытаниях, многими из них воспринимались куда более спокойно³⁴². Долгожданное же поступление в Московский университет воспринималось многими как большая радость, которую разделяли и близкие студента: «С восторгом поздравляли меня родные, мечтали о будущей карьере, строили различные воздушные замки³⁴³».

Значительная потребность в ограничении потока учащихся и усложнении вступительных экзаменов появилась во второй половине 1850-х гг., после того как в ноябре 1855 г. Александр II отменил николаевские ограничения времен «мрачного семилетия» и повелел принимать на все факультеты университетов «неограниченное число студентов³⁴⁴». Чтобы справиться с потоком желающих, новый министр народного просвещения А.С. Норов в своем циркулярном письме потребовал от университетов «усилить строгость» вступительных испытаний, дабы сократить число выбывающих до окончания курса учащихся. Контроль за правильностью приемных экзаменов при этом вновь возлагался на попечителей учебных округов³⁴⁵.

Однако усложнение вступительных испытаний и «строгости» в работе экзаменаторов уже не могли сократить число желающих влиться в ряды

---

³⁴¹ Правила испытания для желающих поступить в университеты. С. 45.

³⁴² См., например: Афанасьев А.Н. Указ.соч. С. 360–361.

³⁴³ Вистенгоф П.Ф. Из моих воспоминаний.

³⁴⁴ О приеме неограниченного числа студентов во все факультеты университетов // ЖМНП. 1856. Ч. 89. С. 12–13.

³⁴⁵ Циркулярное предложение по поводу Высочайшего повеления о приеме неограниченного числа студентов во все факультеты университетов // ЖМНП. 1856. Ч. 89. С. 32.

университетского студенчества, что подтверждает приведенная в первой главе данного исследования статистика. Московский университет в этом отношении был одной из главной точек притяжения учащейся молодежи в эпоху «Великих реформ» – общее количество учащихся в ИМУ, включая слушателей лекций, аптекарских помощников и др., к концу 1858 г. достигло 1880 человек³⁴⁶, что знаменовало собой начало нового этапа в истории Московского университета.

Такое количество учащейся в университетах молодежи, конечно, разительно отличается от ситуации, складывавшейся в последние годы царствования Николая I, связанные с наступлением реакции, которая сильно ударила в том числе и по Московскому университету. Д.Д. Голохвастов, сын многолетнего помощника попечителя в Москве, вспоминал, что отец был в ужасе, когда получил «отношение министра от 19 мая 1849 года № 691, в котором было изложено Высочайшее повеление об ограничении числа студентов в каждом университете тремястами. Ему было слишком тяжело самому приступить к разрушению университета. В котором он получил образование и над устройством которого он работал 18 лет³⁴⁷». В результате Д.П. Голохвастов в скором времени ушел в отставку, следом за Строгановым и Уваровым. Так завершилась целая эпоха в истории Московского университета, начавшаяся с подготовкой и принятием Устава 1835 г.

Новое министерство князя П.А. Ширинского-Шихматова в 1850 г. подтвердило радикальное сокращение приема студентов в университеты – количество своекоштных учащихся в вузах должно было сохраняться на уровне 300 человек, не считая студентов-медиков. Кроме того, приоритет при зачислении был вновь отдан выходцам из высших сословий, в первую очередь дворянам³⁴⁸.

---

³⁴⁶ Университет Московский (извлечения из отчета) // ЖМНП. 1859. Ч. 103. С. 41.

³⁴⁷ Голохвастов Д. К истории Московского университета // Русский Архив. 1887. Кн. 2. С. 248.

³⁴⁸ О преимущественном принятии в университеты молодых людей, имеющих право на вступление в гражданскую службу // ЖМНП. 1850. Ч. 65. С. 46–47.

Одно время даже ходили слухи о полной ликвидации университетов и замене их системой закрытых военных учебных заведений³⁴⁹.

К счастью, эти планы не были реализованы, однако министерское начальство на рубеже 1840-х–1850-х гг. сделало попытку привлечь в университеты представителей военного сословия. В сущности, речь шла о подобии целевого набора: в марте 1854 г. в Московском университете были открыты две «ваканции» для детей чиновников Кавказского линейного казачьего войска, с возложением их содержания в размере 350 рублей в год на каждого «на счет войсковых сумм»³⁵⁰.

В еще большей степени университетское и министерское начальство волновала в те годы скорейшая подготовка медиков для нужд военного ведомства. Нехватка медиков была настолько значительной, что были предприняты меры по распределению стипендий и других сумм в пользу учащихся медицинских факультетов: в июле 1853 г. было разрешено перенаправить денежные средства «от недокомплекта медицинских чинов» на стипендии и содержание студентов-медиков – причем не только в Казани, где это практиковалось ранее, но и в других российских университетах³⁵¹.

По этой же причине в 1853 г. по всей стране изменили назначение стипендий, выплачивавшихся приказами общественного призрения: с трат на образование канцелярских чиновников, «в коих недостатка нет», они были перенаправлены на обучение гражданских медиков, которые могли бы замещать должности городовых и уездных врачей. Более того: воспитанникам гимназий, обучавшимся за счет приказов общественного призрения, министерство предписывало объявить, что в университеты они могут попасть отныне только на медицинские факультеты³⁵².

---

³⁴⁹ Эймонтова Р.Г. Указ.соч. С. 25.

³⁵⁰ О предоставлении для детей чиновников Кавказского линейного казачьего войска двух вакансий пансионеров в Московском университете // ЖМНП. 1854. Ч. 82. С. 139–140.

³⁵¹ О медицинских стипендиатах для службы в гражданском ведомстве // ЖМНП. 1853. Ч. 80. С. 3–4.

³⁵² О содержании в университетах и Медико-хирургической академии стипендиатов для медицинской службы на счет приказов общественного призрения // ЖМНП. 1853. Ч. 80. С. 17–18.

Поскольку же нужда в гражданских медиках сохранялась и после окончания войны, в 1857 г. для ИМУ и других университетов было предписано 20 «вакансий» казенных студентов-медиков замещать преимущественно воспитанниками приказов общественного призрения³⁵³.

Таким образом, несмотря на колебания правительственной политики в отношении Московского и других университетов Империи можно утверждать, что российские власти в целом благосклонно относились к постепенному расширению числа студентов в университетах, в том числе и недворянского, разночинного происхождения. Сами студенты-разночинцы при этом предпочитали поступать в университет в Москве, который, с одной стороны, имел столичный статус и считался престижным образовательным учреждением, по причине чего в него стремилась молодежь с разных концов страны, с другой – на протяжении всей первой половины XIX века ИМУ, имея сравнительно большой набор студентов, открывал путь к образованию, науке и карьере многим студентам низкого происхождения (кроме крестьян и городских низов, доступ которых ограничивался министерскими распоряжениями).

Дважды за рассматриваемый период, в середине 1840-х и во второй половине 1850-х гг. министерство народного просвещения пыталось усилить «строгость» вступительных испытаний, чтобы ограничить доступ в университет немотивированных и слабо подготовленных учащихся, однако объявленные «строгости» раз за разом не реализовывались ввиду снисходительного подхода профессоров к испытуемым на вступительных экзаменах. Да и само министерство, как следует из «Правил» организации экзаменов, принятых в 1837 г. и существовавших в неизменном виде в последующие годы, вполне устраивало складывавшееся положение дел с поступлением в университеты.

Студенты 1830-х гг. и следующих десятилетий, в свою очередь, имели различную мотивацию к обучению в Московском университете – материальную,

---

³⁵³ Циркулярное предложение по поводу Высочайшего повеления о помещении в университеты воспитанников приказов общественного призрения на вакансии казенномокштных медицинских студентов // ЖМНП. 1857. Ч. 96. С. 90.

карьерную, идеалистическую. Однако независимо от мотивов поступления большинство первокурсников, как указывают мемуаристы, с пietетом относились к первому университету страны, в который они поступали, в их глазах он был храмом науки и передового научного знания, а не только «трамплином» во взрослую, самостоятельную жизнь.

Более того: уже на первом курсе поступившие студенты чувствовали определенную «общность интересов», которая охватывала даже таких нелюдимых и замкнутых питомцев университета как Лермонтов³⁵⁴. Эту нарождающуюся общность студенческой корпорации отмечали и представители другого сообщества внутри университета, профессорского: в своей речи на столетие университета Шевырев с удовлетворением отмечал, что студенчество в ИМУ приобретает всесословный характер. Хотя числом всех студентов превосходили дворяне, однако ж их догоняло в своей тяге к науке и духовенство, а затем и разночинцы, которым, как справедливо заметил профессор, университет открывал и карьерные перспективы, и возможность получения «дворянской шпаги³⁵⁵». Корень же такого благополучия, по мнению Шевырева, помимо монаршей любви и забот начальства – «мир и любовь наших сословий, когда они соединяются в добром деле³⁵⁶».

Как бы то ни было, студенты всех курсов Московского университета осознавали свою общность еще и потому, что им предстояло на протяжении нескольких лет совместно учиться различным наукам, взаимодействовать с преподавателями и т.д. Учебный процесс в Московском университете и связанная с ним деятельность учащихся безусловно являлись важнейшим аспектом в жизни студенчества второй трети XIX века, ключевым элементом его повседневной жизни и по этой причине требуют, на наш взгляд, особенного внимания исследователей этой социальной группы.

---

³⁵⁴ См.: Висковатый П.А. Указ.соч.

³⁵⁵ Шевырев С.П. Обозрение столетнего существования Императорского Московского университета. С. 40.

³⁵⁶ Там же. С. 40–41.

2.2. Учебный процесс в Московском университете второй трети XIX века

Основным занятием студенчества в рассматриваемую эпоху закономерно являлась учеба – в первую очередь, посещение лекций и сдача переводных и итоговых экзаменов. При этом пребывание в стенах вуза означало пристальное внимание к студентам со стороны властей – не только к их успеваемости, но и к поведению. Последнее, в свою очередь, считалось важнейшим показателем благонамеренности учащихся. Еще в начале исследуемой эпохи среди достоинств, которые министерское начальство и правительство ждали от студенчества, Уваровым указывались успехи в учении, а также «благонравие, скромность и покорность к начальству³⁵⁷». Следовательно, лояльность студенчества ценилась в то время наравне с талантами и успехами в учении.

Что касается времени проведения лекций, то они начинались в университете с утра и длились до обеда, хотя могли выпадать и на вечерние часы. Продолжительность лекции равнялась в годы действия Устава 1804 года одному часу, в нашу эпоху увеличилась до 90 минут, а в последующие времена длительность занятия могла варьироваться от 60 до 120 минут³⁵⁸.

Неизменными оставались календарные рамки учебных семестров: учились с июля по декабрь и с января по июнь, а между учебными полугодиями студенты расходились на каникулы – зимой с 20 декабря по 12 января и в летние месяцы с 10 июня по 22 июля (§ 101 Устава 1835 г.). Только в конце 1850-х гг. на одну неделю были продлены летние «вакации»: отныне лекции начинались не ранее 1 августа, чтобы не случалось «затруднений³⁵⁹», связанных, видимо, с возвращением студентов и преподавателей обратно в университеты.

---

³⁵⁷ Циркулярное предложение г. управляющего Министерством народного просвещения начальствам учебных округов о вступлении в управление министерством // ЖМНП. 1836. Ч. 13. С. 49–50.

³⁵⁸ Иванов А.Е. Мир российского студенчества. С. 16.

³⁵⁹ О продолжении срока университетских вакаций // ЖМНП. 1858. Июль. Ч. 99. С. 3.

Лекции профессоров составляли основу и, по сути, единственный полноценный вид занятий в университете вплоть до 1860-х гг., и их отмена могла быть следствием только каких-то чрезвычайных обстоятельств, вроде печально известной эпидемии холеры в Москве в начале 1830-х гг. О состоянии университетских занятий в 1830/1831 учебном году Вистенгоф писал: «Хотя в январе месяце университет и был открыт, но лекции как самими профессорами, так и студентами, посещались неаккуратно, надлежащий порядок еще не был восстановлен, поэтому и злополучный год этот им не зачелся – все студенты остались на прежних своих курсах³⁶⁰».

В последующие десятилетия, впрочем, в Москве подобных катаклизмов не случалось, и чтение лекций для всех студенческих курсов должно было вестись «безостановочно», за исключением возможных «временных перемен в днях и часах преподавания», связанных с итоговыми экзаменами в конце апреля. В это время преподаватели испытывали двойную нагрузку, так как учеба младших курсов должна была продолжаться до 1 мая, а сразу затем следовали переводные экзамены – например, в 1838 г. они проводились в интервале с 10 мая по 1 июня³⁶¹.

Сами лекции профессоров оценивались студентами в мемуарной литературе неоднозначно. Во многом, память о них зависела не только от мотивации и взглядов на учебу самого студента, но и в немалой степени от личности преподавателя. Так, Вистенгоф, не отличавшийся особым стремлением к учебе в ИМУ, в своих воспоминаниях нелестно отзывался о большинстве московских профессоров своего времени: «Однообразно тянулась жизнь наша в стенах университета. К девяти часам утра мы собирались в нашу аудиторию³⁶² слушать монотонные, бессодержательные лекции бесцветных профессоров наших:

---

³⁶⁰ Вистенгоф П.Ф. Из моих воспоминаний.

³⁶¹ О расписании экзаменов на 37–38 академический год и правилах получения ученых степеней и званий // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 7. Д. 78. Л. 2 об., 3.

³⁶² Имеется в виду лекционная аудитория словесного отделения, на котором Вистенгоф учился ИМУ в 1831–1832 гг.

Победоносцева, Гастева, Оболенского, Геринга, Кубарева, Малова, Василевского, протоиерея Терновского. В два часа пополудни мы расходились по домам³⁶³».

С другой стороны, мемуарист признает, что восприятие лекций зависело от сравнительной значимости преподававшегося предмета для специальности студента и круга его научных интересов. А профильные предметы, в свою очередь, читались на старших курсах: «Профессора других факультетов и высших курсов, как Погорельский, Переvoщиков, Давыдов, Павлов, были тогдашние знаменитости, а доктора Кодер, Мудров, Мухин, как искуснейшие врачи, пожинали заслуженные лавры по своей части³⁶⁴». В частности, о профессоре медицины Е.О. Мухине с благодарностью отзывался как о своем учителе будущий знаменитый хирург Н.И. Пирогов³⁶⁵.

Подробнее о разнице предметов «побочных», общеобразовательных, и «факультетских», то есть профильных, писал в своих воспоминаниях Афанасьев: «Науки разделялись в университете в преподавании на факультетские и побочные; первые составляли предмет главных, специальных наших занятий; баллы, полученные на экзаменах из этих наук, принимались в расчет при определении степени окончившего курс студента: 4,5 в среднем выводе давало степень кандидата, а 3,5 – степень действительного студента; побочные, не главные науки входили в курс общего образования; и баллы, полученные из них, принимались во внимание только при переходе с курса на курс, но для этого достаточно было 3,5 в среднем числе, следовательно, можно было получить из иных и двойку. Поэтому мы вообще мало обращали трудов на эти науки, преимущественно занимались факультетскими³⁶⁶».

Неудивительно поэтому, что студенты низко оценивали уровень преподавания в ИМУ непрофильных предметов на первом курсе и в последующие годы обучения, поскольку попросту не были заинтересованы в их изучении, и это

---

³⁶³ Вистенгоф П.Ф. Из моих воспоминаний.

³⁶⁴ Там же.

³⁶⁵ Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. М., 1950. С. 254.

³⁶⁶ Афанасьев А.Н. Указ.соч. С. 365–367.

негативное восприятие переходило и на личности лекторов. По этой причине у того же Афанасьева можно найти упоминания о том, что кумир молодежи историк Т.Н. Грановский «прекрасен, но ленив», а преподаватель немецкого языка Геринг «уважением не пользовался ни на волос³⁶⁷».

В университетских воспоминаниях Гончарова тоже проводится мысль о том, что хорошо подготовленному студенту удавалось узнать мало что из лекций на первом курсе, посвященных предметам общеобразовательного характера, однако он и в этом нашел определенные преимущества: «Первый курс был чем-то вроде повторения высшего гимназического курса. Нас первогодичных было человек сорок. Курс или класс наш был какой-то беспечной, веселой толпой юношей, собравшихся как будто повидаться и изучать не науки, а друг друга, потому что все что мы проходили, мы более-менее знали³⁶⁸».

Высказанная Гончаровым в приведенном отрывке идея о том, что главным содержанием учебы в Московском университете на первом курсе для многих студентов было общение друг с другом, нашла подтверждение и у других авторов воспоминаний. Так, К.С. Аксаков тоже видел главный смысл университетских лет своей жизни в самом студенчестве – свободном общении сверстников, «когда истина постоянно светит молодому уму³⁶⁹».

Впрочем, если студенты проявляли к предмету интерес, то тем самым побуждали и профессора к большему усердию в преподавании вверенной дисциплины, причем как в стенах лекционной аудитории, так и за ее пределами. Будущий ученый-филолог Буслаев с благодарностью вспоминал одного из своих преподавателей по иностранным языкам, В.И. Класовского: «Если за первые два года моего пребывания в университете я значительно успел во французском и латинском языках, то этим я обязан Класовскому. Не знаю почему, он особенно полюбил меня и сошелся со мной ближе, чем с кем-либо другим. Все, что задавалось из классиков на лекциях латинского языка, он перечитывал со мною,

---

³⁶⁷ Афанасьев А.Н. Указ.соч. С. 370 и далее.

³⁶⁸ Гончаров И.А. Из университетских воспоминаний. С. 498.

³⁶⁹ Аксаков К.С. Воспоминания студенчества. С. 183.

заставлял меня переводить, объясняя текст грамматическими и реальными комментариями^{370».}

Определенная часть министерских чиновников при этом косо смотрела на общение профессоров со студентами за пределами лекционных занятий, дополнительные занятия с ними на дому и особенно «репетиции» лекций, отнимавшие ценное учебное время. В ЦГА г. Москвы отложилась примечательная записка, неизвестный автор которой, чиновник департамента министерства народного просвещения, предлагал попечителю официально «уменьшить, а по возможности уничтожить репетиции на профессорских лекциях» и предписать профессорам сосредоточиться на лекционных курсах, то есть основной своей работе³⁷¹. Однако попечитель Строганов резонно ответил, что «репетиции <...> имеют ту выгоду, что поддерживают желание учиться, и в том, что они, поставляя студентов в соприкосновение с профессорами, дают последним возможность оценивать способности и наблюдать за действиями своих слушателей^{372».}

В результате «репетиции», а также неформальное общение профессоров и студентов в Московском университете сохранились на протяжении всего рассматриваемого периода, и их можно рассматривать как важнейший канал коммуникации в рамках складывавшейся в то время университетской корпорации.

Бывали и совсем редкие случаи, когда студентам удавалось заставить преподавателей более вдумчиво подходить к подготовке к собственным лекциям. Историк П.Д. Шестаков вспоминал, что во время его учебы в ИМУ было два преподавателя обязательного для студентов-гуманитариев древнегреческого языка: «Греческий язык на первом и втором курсе преподавался профессорами А.И. Меншиковым, на третьем и четвертом – К.К. Гофманом. Первый имел

---

³⁷⁰ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. М., 1897. С. 23.

³⁷¹ О некоторых предположениях министерства Народного просвещения в ходе преподавания в университетах и в ограничении приемных экзаменов // ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 472. Л. 3.

³⁷² Там же. Л. 7.

основательные знания и был трудолюбив, но не владел даром слова, второй напротив, был даровит, но не любил трудиться³⁷³».

Именно второго профессора, казавшегося им интересным и знающим, студенты решили побудить к углублению лекционного материала необычным способом: «Желая заставить его готовиться к лекциям мы, помню, позабрали из университетской библиотеки все лучшие издания Еврипида, которую Гофман читал с нами и сами стали приготовляться к его лекции. Каково было удивление профессора, когда он стал на каждом стихе встречать дальние возражения студентов, на делающие им комментарии, ставившие его в тупик. Видя, что дело плохо и что без тщательной подготовки являться на лекции к любознательным слушателям рискованно, он стал усердно готовиться, и его лекции приносили нам большую пользу. Этот пример показывает, что студенты могут побудить профессора к добросовестному труду без грубых и оскорбительных демонстраций, свиста и шиканья³⁷⁴».

Если же студенты встречали на своем пути профессора, искренне преданного своему предмету и умевшему его преподавать, то они на всю жизнь сохраняли благоговейные воспоминания о нем. И.А. Свиньин, учившийся в ИМУ в конце изучаемой эпохи, с воодушевлением вспоминал «вдохновенные речи профессоров», которые «лились» на студентов с кафедры на многих занятиях³⁷⁵. А поэт Я.П. Полонский упоминал, что студенты не стеснялись высказывать свое одобрение любимому преподавателю: они внимали каждому слову любимых профессоров, иногда даже «рукоплескали» им, несмотря на запрет³⁷⁶.

Кроме того, против непопулярных профессоров студенты позволяли себе порой хулиганские выходки³⁷⁷. Так, знающий, но читавший скучные лекции и

---

³⁷³ Шестаков П.Д. Указ.соч. С. 659.

³⁷⁴ Там же. С. 659–660.

³⁷⁵ Свиньин И.А. Воспоминания студента 60-х гг., за 1862–1865 гг. Тамбов, 1890. С. 18.

³⁷⁶ Полонский Я.П. Мои студенческие воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 246.

³⁷⁷ О наиболее ярких случаях студенческих обструкций также см.: Посохов И.С. Студенческие обструкции в университетах Российской империи // Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории. № 11. 2008. С. 101–107.

потому не пользовавшийся уважением преподаватель латыни Фабрициус однажды удостоился своеобразной пародии на античный триумф. Афанасьев рассказывал, что «...Фабрициусу раз, во время занятий со студентами в зале, другие студенты бросили с хор, при аплодисментах венок, связанный из губки и тряпья³⁷⁸». Иногда же студенческие демонстрации на лекциях выливались в настоящую обструкцию, протест против конкретного преподавателя, и для последнего дело могло кончиться печально, как в известной «Маловской истории³⁷⁹».

Немало издевались студенты 1830-х гг. и над П.В. Победоносцевым, преподававшим в ИМУ в те годы российскую словесность – благо, его ретроградство, опора на труды словесников XVIII века вызывала в то время непонимание и насмешки аудитории. Согласно рассказу К.С. Аксакова, «студент принес однажды на лекцию Победоносцева воробья и во время лекции выпустил его. Воробей принял летать, а студенты, как бы в негодовании на такое нарушение приличия, вскочили и принялись ловить его. Поднялся шум, и остановить ревностное усердие было дело нелегкое³⁸⁰».

Подобные сцены «школьнического характера» повторялись неоднократно, а студенты были неистощимы на выдумки: «Однажды, когда Победоносцев, который читал лекции по вечерам, должен был прийти в аудиторию, студенты закутались в шинели, забились по углам аудитории, слабо освещаемой лампой, и только показался Победоносцев, грянули: «Се жених грядет во полуночи». Часто после прихода профессора разыгрывалась следующая сцена: обычный шум в

---

³⁷⁸ Афанасьев А.Н. Указ.соч. С. 370.

³⁷⁹ Известный по рассказу А.И. Герцена коллективный протест студентов против профессора М.Я. Малова, кончившийся увольнением преподавателя из Университета. Подробнее см., например: Посохов И.С. Студенческие обструкции в университетах Российской империи // Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории. № 11. 2008. С. 101–107; Никулина Н.М. Малов, Михаил Яковлевич // Императорский Московский университет: 1755—1917. Энциклопедический словарь. М., 2010. С. 417; Гриценко А.И. Студенческие обструкции в Московском университете второй трети XIX века как форма протестной активности // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 4. С. 48–55. Также об обструкциях в средних учебных заведениях см.: Ищенко О.В. Обструкции как форма протестных акций воспитанников учебных заведений Сибири в конце XIX – начале XX в. // Манускрипт. Т. 14. Вып. 12. С. 2482–2489.

³⁸⁰ Цит. по: Висковатый П.А. Указ.соч.

аудитории прекращался, и водворялась глубочайшая тишина. Преподаватель, обрадованный необыкновенными безмолвием, громко начинал читать, но тишина эта была самая коварная, — раздавался тихий, мелодический свист, обыкновенно мазурка или какой-нибудь другой танец, и профессор останавливался в недоумении. Музыка умолкала, и за ней следовал взрыв рукоплесканий и неистовый топот³⁸¹».

Профессора, впрочем, тоже стремились водворять дисциплину на лекциях, а также стимулировать студентов к посещению лекций. И.А. Гончаров вспоминал, что обычный контроль преподавателем присутствия студентов на лекциях в немалой степени способствовал водворению дисциплины и порядка на занятиях: «...Некоторые профессора держались старого обычая делать перекличку и отсутствующего отмечали сокращенным латинским abs, то есть absens. У кого число этих абсов превышало известную цифру. Того не переводили на следующий курс³⁸²».

Приведенное автором воспоминаний обстоятельство находит свое подтверждение в архивных данных, согласно которым, в частности, в 1840 г. по предложению министра народного просвещения всем учащимся Московского университета было объявлено, что «студенты, которые без уважительных причин пропускали в течение года лекции, не будут допущены к годичным экзаменам для перевода в высший курс»³⁸³, что означало серьезные проблемы с продолжением обучения, поскольку подолгу оставаться на одном и том же курсе в те годы запрещалось.

В целом, именно преподавателю надлежало поддерживать порядок и определять «правила игры» по своему предмету, поскольку в его руках были переводные экзамены. По словам Гончарова, вышеописанная мера с перекличкой на лекциях имела успех: «Боязнь абсов, как и боязнь долгов волей-неволей

---

³⁸¹ Висковатый П.А. Указ.соч.

³⁸² Гончаров И.А. Из университетских воспоминаний. С. 505.

³⁸³ Об объявлении студентам о разных постановлениях начальства // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 257. Д. 52. Л. 1–2.

приводила рассеянных и нерадивых в университетские аудитории, где они, конечно, с большей пользой проводили утренние часы, чем в садах, кондитерских и в ресторанах^{384».}

В борьбу со студенческими вольностями и описанными выше выходками на лекциях периодически включалась и университетская администрация. Однако и властям до конца не удалось ликвидировать «театральные эффекты» студенческой галерки, бурно выражавшей на лекциях и публичных защитах свое одобрение или негодование преподавателю³⁸⁵. Традиция уже сложилась, и ее вряд ли можно было переломить административными мерами.

Что было в силах университетского начальства, так это официально закрепить право преподавателей наводить дисциплину в учебных аудиториях и устраивать такой порядок изучения предмета и текущей проверки знаний студентов, который он сочтет нужным. В 1842 г. попечитель Строганов в своем ответе на очередные министерские предложения по изменению порядка преподавания, предлагавших поставить преподавание наук под еще больший контроль, развернуто изложил свое мнение на этот счет: «Если главная обязанность студентов – прилежание и слушание лекций, то Уставом не без оснований вменено профессорам следить за ходом занятий своих слушателей, изменить это положение значит лишить молодых людей рвения к труду, предоставить их самих себе^{386».}

Далее Строганов объяснил причину, которая, по его мнению, объясняла многие университетские строгости в отношении учебного процесса: «В России ещё нет той общей потребности учиться, как мы видим в Германии и в некоторых других западных странах³⁸⁷». Ввиду все той же «несознательности» студентов Строганов не видел перспектив дарования учащимся права выбора учебных

---

³⁸⁴ Гончаров И.А. Из университетских воспоминаний. С. 506.

³⁸⁵ Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 86.

³⁸⁶ О некоторых предположениях министерства Народного просвещения в ходе преподавания в университетах и в ограничении приемных экзаменов // ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 472. Л. 5.

³⁸⁷ Там же.

предметов, как это было принято в классическом западном университете: «Свободный выбор лекций студентами разве можно представить у нас в России?». Подводя итог своим рассуждениям, попечитель делал вывод о «несвоевременности³⁸⁸» предлагавшимися министерскими чиновниками мер, нацеленных на ослабление контроля за студентами и предоставление им большей свободы в процессе учебы.

В полном соответствии с позицией попечителя университетские власти на протяжении 1830-х–1840-х гг. стремились отслеживать и контролировать посещение лекций, экзаменов, общеуниверситетских мероприятий учащимися, а также их своевременное возвращение к учебе после каникул.

Особая ситуация складывалась в случае болезни студентов. Примечательно, что если болезнь приходила к студенту в течение учебного года и препятствовала посещению им занятий, то своеокоштные студенты просто письменно извещали об этом инспектора³⁸⁹. Казеннокоштный же воспитанник Валериан Несторов, не желая, как в случае с его уже отчисленным товарищем Бобринским, уходить по болезни из университета, официально просил себе «присмотр лекаря для удостоверения» его болезни и пропусков лекций по этой причине, так как контроль за посещением лекций казенными студентами был значительно строже³⁹⁰.

Еще серьезнее относились университетские власти к пропускам студентами экзаменов – в случае неявки по болезни подтверждение состояния студента университетским лекарем было необходимо. В 1840 г. вышло следующее распоряжение по ИМУ: «Предупредить студентов и слушателей о том, что они должны [являться] к испытаниям в установленное время, и те, кто не сможет во время испытания предъявить свидетельств университетского врача о том, что они

---

³⁸⁸ О некоторых предположениях министерства Народного просвещения в ходе преподавания в университетах и в ограничении приемных экзаменов. Л. 5.

³⁸⁹ О болезнях студентов // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 253. Д. 25. Л. 15, 16 и далее.

³⁹⁰ Там же. Л. 25.

не явились на испытание по болезни, ни под каким предлогом не будут допущены к оному после вакации³⁹¹».

Если болезнь настигала студентов летом, то молодые люди порой не успевали вернуться из «вакаций» и должны были предоставить в Правление университета свидетельства о факте болезни от местного врача. Так, студент Николай Малинин на летних каникулах заболел простудой, а затем «лихорадкой», отчего лечился у местного Бобровского лекаря Михаила Наумова, о чем получил и предоставил свидетельство от 18 августа 1836 г., скрепленное печатью врача³⁹². Пребывавший на каникулах в то же лето студент 2-го отделения философского факультета Павел Хильков с 3 июня по 15 июля переболел «нервной горячкой», но вылечился, также получил свидетельство и вовремя начал учебный год. Его сотоварищ Николай Немцов переболел «гастрическою горячкой» с 26 сентября по 6 октября 1836 г., о чем есть краткая запись лекаря Александра Иванова³⁹³.

Однако большая часть пропусков студентами лекций происходила, очевидно, не по болезни, а ввиду банальной лени, нежелания учиться, отсутствия интереса к предмету. Это признавали и многие мемуаристы. Гончаров отмечал: «Конечно, в мое время были отсутствующие на лекциях, или случайные, или ленивые, но процент их был незначителен³⁹⁴». Далее Гончаров еще раз возвращается к этой теме, и количество нерадивых студентов уже не кажется ему совсем небольшим: «Было немало исключений: в нашем учебном стаде было не без козлищ, не поклонников знания и науки, а или домогавшихся диплома, или несших иго университетского учения по воле родителей. Наконец, были просто ленивые и беспечные. Они нуждались в принудительных мерах³⁹⁵».

Большинство учащихся, впрочем, охотно посещали лекции и с радостью шли с утра в университет. По воспоминаниям Афанасьева, было особенно важным

---

³⁹¹ Об объявлении студентам о разных постановлениях начальства. Л. 5.

³⁹² О болезнях студентов. Л. 1.

³⁹³ Там же. Л. 6.

³⁹⁴ Гончаров И.А. Из университетских воспоминаний. С. 505.

³⁹⁵ Там же.

не только вовремя прибыть на лекцию, но и занять хорошее место в большой аудитории: «Нас на 1-м курсе было более 200 человек, да для некоторых лекции соединялись с нами словесники; потому занять место на передней лавке, поближе к профессору, считалось весьма важным делом. Как рано, бывало, приходили мы для того в университет! Иногда толпою ожидали, когда солдат отворит в определенное время дверь аудитории, и тогда все наперебой бросались занимать места, т.е. положить на избранное место свою табель, тетрадь или фуражку, вечно измятую из особенного франтовства. Место, на котором лежала фуражка, считалось уже неприкосновенным. Не так уважались тетради; иногда их сбрасывали, и при этом выходили из-за мест споры и ссоры³⁹⁶».

Традиция занимать места с помощью фуражек, по всей видимости, зародилась еще в предшествовавшую эпоху – применительно к рубежу 1820-х–1830-х гг. ее подтверждал учившийся в те годы в ИМУ Я.И. Костенецкий: «В то время каждый студент садился туда, где ему было угодно, и по обыкновению было, прия в аудиторию, положить шапку на избранное место, которое после этого никто уже не смел занять, что и называлось шапочным правом³⁹⁷».

Впрочем, несмотря на «шапочное право» мест в аудитории обычно так или иначе хватало всем. Мемуарист Афанасьев писал, что «не успевшие занять места на передних лавках усаживались на ступенях профессорской кафедры, так что профессор постоянно бывал окружен толпою студентов с их тетрадками и чернильницами». Впрочем, с течением времени и переходом на старшие курсы ажиотаж даже на лекциях популярных профессоров постепенно сходил на нет: «Такая ревность бывала, разумеется, на первых двух курсах; в последних курсах студентов было уже несравненно меньше, и за места нечего было опасаться: в малых аудиториях голос профессора всюду был хорошо слышен³⁹⁸».

Однако даже довольно людные лекции по предметам «гимназического курса», проходившие в первые два года обучения в университете, находили отклик

---

³⁹⁶ Афанасьев А.Н. Указ.соч. С. 368–369.

³⁹⁷ Костенецкий Я.И. Указ.соч. С. 108.

³⁹⁸ Афанасьев А.Н. Указ.соч. С. 369.

в душах многих учащимся. Так, Гончаров с любовью вспоминал свой второй курс в ИМУ: «Этот год был самым счастливым нашим годом. Наша толпа составлял маленькую ученую республику, над которой простиравшееся вечно ясное небо, без каких-либо гроз, без внутренних потрясений, без всяких историй³⁹⁹».

Будущий писатель с удовольствием учился в университете и находил полученные знания в нем весьма полезными не только в практическом, но и мировоззренческом плане: «Да и как студенту не посещать лекций? Говорят – он дома может заниматься, читать книги в библиотеках, составлять по ним записки и т.д. Тогда зачем университет, кафедра и профессор? – спросили бы мы. Под личным руководством опытного представителя знания, кроме догматики науки, фактов, событий, почерпается сила убеждения, взгляда, критическая оценка, передаваемая нередко с жаром, с увлечением. Все это понимали и, любя лекций и профессоров, весело наполняли аудитории⁴⁰⁰».

Работа студентов над лекционными материалами, впрочем, не ограничивалась присутствием на занятиях и сдачей позднее экзаменов. Как минимум, лекционный материал нуждался в грамотной записи, систематизации и последующей переработке. Об этом упоминал в своих воспоминаниях Полонский: «В мое время студенты должны были сами записывать и приводить дома в порядок выслушанные ими лекции. Для этой работы был у меня товарищ, тоже бывший гимназист рязанской гимназии, некто Мартынов. Мы садились рядом, и, если я не поспевал за словами профессора, я толкал его локтем, и он продолжал записывать дальше⁴⁰¹».

К сожалению, не все учащиеся в Московском университете того времени разделяли оптимизм и веселый настрой на учебу, описанный Афанасьевым, Гончаровым, Полонским и другими авторами студенческих воспоминаний. Примечательным исключением из правил был Лермонтов, холодно и отстраненно

---

³⁹⁹ Гончаров И.А. Из университетских воспоминаний. С. 499.

⁴⁰⁰ Там же. С. 505–506.

⁴⁰¹ Полонский Я.П. Мои студенческие воспоминания // Нива. 1898. № 12. URL: http://az.lib.ru/p/polonskij_j_p/text_1898_moi_stud_vosp.shtml (01.12.23)

относившийся в годы своего пребывания в университете как к лекциям, так и к товарищам по учебе: «...Шумное веселье товарищеской жизни в аудиториях не могло прельстить его. К тому же ребяческие выходки студентов <...> должны были тяжело действовать на серьезный, сосредоточенный дух поэта, привыкшего уходить от жизни в поэтический мир фантазии или в творения серьезных писателей. Шестнадцатилетний юноша, достаточно переживший, передумавший и перечувствовавший, сознавал себя более зрелым против товарищей, которых он видел в коллективной массе. Сойтись ближе с некоторыми отдельными лицами он не имел пока ни времени, ни желания, вследствие все той же причины внутреннего нравственного страдания. Появление в аудитории этого мрачного, не общительного лица поразило товарищей⁴⁰²».

В целом, слушание лекций и с последующей самостоятельной работой над учебными материалами оставалось основной формой студенческой активности в Московском университете во все рассматриваемые десятилетия⁴⁰³. Так называемые «семинарии», то есть практические занятия в малых группах, стали приметой уже новой, пореформенной эпохой в жизни университета, и лишь филолог Шевырев и профессор истории М.П. Погодин в 1840-е–1850-е гг. устраивали разборы студенческих сочинений прямо на лекциях⁴⁰⁴, в рамках «репетиций», что, как было показано выше, вызывало недовольство министерской бюрократии.

В свою очередь, яркие студенческие работы на научные темы могли награждаться университетскими медалями в результате проведения особого

---

⁴⁰² См.: *Висковатый П.А.* Указ.соч.

⁴⁰³ Статус лекций как основой формы учебных занятий в российских университетах сохранялся и в пореформенное время – подробнее см.: *Грибовский М.В.* Лекция как форма организации учебного процесса глазами университетских профессоров и студентов конца XIX – начала XX в. // Философско-педагогическое наследие С.И. Гессена и современные проблемы образования, воспитания, культуры. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием – традиционных пятых Гессеновских чтений, посвященных 130-летию со дня рождения С.И. Гессена. Томск, 2020. С. 52–56.

⁴⁰⁴ Подробнее см.: *Цыганков Д.А.* Семинар как новое явление на историко-филологическом факультете Московского университета в 1860-е – начале 1870-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. Т. 78. № 1. С. 56.

конкурса. Представленные сочинения оценивались по двум группам критериев: 1) «формальным», под которыми понимались качества слога, языка сочинения, последовательность логических построений автора и 2) «материальным», оценившим степень охвата студентом источников к работе. Подлежали особому выделению и оценке проверяющими профессорами недостатки, найденные в конкурсных работах⁴⁰⁵.

Темы для студенческих работ определялись преподавателями и Ученым советом университета и могли быть самыми разными, но, как правило, содержали в себе широко сформулированные постановки научных вопросов и проблем. Так, 30 ноября 1838 г. 1-е Отделение философского факультета «на основании § 103 университетского Устава» назначило для студентов 3 и 4-го курсов следующую задачу на медали: «О влиянии внешней природы на народ и государство» и отправило эту формулировку на утверждение в Совет университета одновременно с юридическим факультетом, сформулировавшим свою тему более кратко: «О владении»⁴⁰⁶.

Участвовать в конкурсе на медали могли все учащиеся соответствующих курсов, факультетов и отделений, включая казенных студентов, которые нередко побеждали в подобных конкурсах своих своекоштных товарищей с гимназическим образованием за плечами. В том же 1838 г. в конкурсе на медали победил казеннокоштный студент-медик Иван Дмитревский⁴⁰⁷. В архивном деле, описывающем этот случай, отложилось и выданное ему позже особое «Свидетельство» от университетского Совета, выданное «Императорскому Лекарю коллежскому советнику Ивану Дмитревскому, в том, что он в бытность казенным студентом 3-го курса медицинского факультета, за представленное им сочинение на заданную тему удостоен награждения серебряной медалью⁴⁰⁸».

---

⁴⁰⁵ Дело о назначении тем на медали и о награждении студентов за лучшие сочинения // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 7. Д. 251. Л. 15–16.

⁴⁰⁶ Там же. Л. 1–2.

⁴⁰⁷ Там же. Л. 7.

⁴⁰⁸ Там же. Л. 23.

Согласно данным из университетской отчетности, предметом изысканий студентов-медиков в том году стала заявленная тема сочинения «О нервной системе сообразно современному ходу и успехам физиологии⁴⁰⁹».

Нередко достойных студенческих работ оказывалось больше, чем могло быть в принципе выдано золотых и серебряных медалей (не более 5–6 на факультет). Это связано с тем, что в Московском университете в 1830-х–1840-х гг. учились многие известные в будущем общественные деятели, писатели, люди искусства и т.д. В указанное время среди обладателей университетских медалей оказались А.И. Герцен и будущий известный драматург А.В. Сухово-Кобылин, а ученик историка Каченовского Сергей Строев в 1833 г. настолько покорил своим сочинением конкурсную комиссию, что, когда ему не хватило награды, профессора Надеждин, Погодин и Давыдов сами оплатили изготовление золотой медали для него⁴¹⁰.

Еще одной формой студенческой активности, поощряемой университетским начальством, были поездки студентов в зарубежные университеты для «совершенствования в науках». Примечательно, что молодые преподаватели, отправлявшиеся университетами за границу, решением Сената были приравнены к командированным «по делам службы» и не платили пошлины за выдачу им заграничных паспортов⁴¹¹.

Правда, для отъезда за границу своеокаштных учащихся были некоторые дополнительные требования. По предложению Ширинского-Шихматова, тогдашнего товарища министра народного просвещения, с середины 1840-х гг. планировавшие зарубежную поездку своеокаштные студенты должны были объяснить «побудительные причины» к отъезду и заручиться поддержкой

---

⁴⁰⁹ Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1837/38 академический и 1838 гражданский год. [М., 1839]. С. 20, 22.

⁴¹⁰ Насонкина Л.И. Указ.соч. С. 76–77.

⁴¹¹ Указ Правительствующего Сената о безденежной выдаче заграничных паспортов лицам, отправляемым в чужие краи для усовершенствования в науках // ЖМНП. 1844. Ч. 42. Отд. I. С. 142–143.

министерства, прежде чем получить заграничный паспорт и разрешение на отъезд из России⁴¹².

Что касается эволюции учебного процесса в ИМУ в указанную эпоху, то с середины 1840-х гг. постепенно расширяется преподавание профильных факультетских предметов, а также вводятся занятия по новым дисциплинам. Примечательно, что некоторые из занятий были специально предназначены для казенномкоштных учащихся, преимущественно недворянского происхождения – с 1843 года все казенные студенты и пансионеры обязательно обучались фехтованию, для чего университетом был нанят отдельный преподаватель⁴¹³.

В то же время расширялось преподавание специализированных предметов, которые должны были повернуть образование университетских студентов больше в практическое русло. С 1844 г. в ИМУ начали читаться курсы начертательной геометрии, «практической механики» и всеобщей географии⁴¹⁴, что свидетельствовало о постепенном переходе к преподаванию практических дисциплин для студентов, занятых изучением точных и естественных наук.

Однако введение новых лекционных курсов на практике оказывалось не всегда оправданным, поскольку к ним оказывались не готовы ни студенты, ни преподаватели. О неудачном начале курса по всеобщей географии вспоминал Шестаков: «Была в наше время попытка установить лекции по географии, которые ранее в университете не читались <...>, но попытка была столь неудачна, что так и осталась попыткой. Сторонний преподаватель, профессор какого-то заграничного университета Е-овь стал читать нам лекцию на втором курсе. Преподаватель читал весьма дурной перевод Риттера. С первых дней он отбил желание посещать его лекции. Словесники ходили на его лекции по три-четыре

---

⁴¹² Циркулярное предложение т. Министра народного просвещения попечителям учебных округов на счет порядка увольнения за границу своекоштных студентов Университета // ЖМНП. 1843. Ч. 38. С. 76.

⁴¹³ Об обучении фехтованию воспитанников Московского университета // Там же. 1843. Ч. 37. Отд. I. С. 19.

⁴¹⁴ О введении в Московском университете преподавания начертательной геометрии, практической механики и всеобщей географии // Там же. 1844. Ч. 44. С. 10–11.

человека, а слушатели с других факультетов ходили только для того, чтобы убедиться в правдивости рассказов о сноторвном действии географических лекций^{415».}

От неминуемого провала студентов спасло лишь то, что на переводном экзамене к их познаниям по географии отнеслись более чем снисходительно: «На экзамене первый курс словесников от первого до последнего студента объявили, что они не готовы. После этого нашему курсу, который также должен был держать экзамен, декан объявил, что мы должны отвечать на экзамене. Смущенный Е-овъ поспешил выдать нам за два дня до экзамена писаные своей рукой лекции. В казенном номере я начал читать длинную лекцию. Через несколько минут заметил, что все вокруг товарищи спят крепким сном. Проснувшись, мы решили лекции Е-ова более не читать, а на экзамене отвечать по старой памяти» – видимо, студенты спаслись еще теми знаниями, которые они получили в гимназиях и других учреждениях до поступления в университет. В итоге все кончилось благополучно и для них, и для незадачливого преподавателя: «Разумеется наш экзамен по географии был лишь пародией на экзамен, но мы отвечали, и за то получили по 4 и по 5^{416».}

К середине 1840-х гг. наметилось углубление специализации не только самих университетских факультетов и отделений, но и направлений подготовки студентов внутри них, и министерское начальство в соответствии с данной тенденцией начало корректировать учебные планы. Так, осенью 1845 г. министерство резонно предположило, что у студентов, изучавших преимущественно «древнюю филологию», нет нужды в слушании курса политэкономии и статистики. Вместо данного курса им в качестве двухлетнего эксперимента ввели изучение истории римского права и российского

---

⁴¹⁵ Шестаков П.Д. Указ.соч. С. 661.

⁴¹⁶ Там же.

законодательства, причем эти предметы стали считаться «факультетскими», то есть баллы за них учитывались на итоговом испытании⁴¹⁷.

Аналогичным образом в то время свели к минимуму количество общеобразовательных предметов, читавшихся на медицинском факультете – студентам-медикам необходимо было поскорее переходить к изучению собственно медицинских наук. В 1846 г. было установлено, что единственными «общими» предметами, которые надлежало отныне читать студентам-медикам в ИМУ, были Закон Божий и церковная история на первом году обучения, а также немецкий язык для тех, кто не выказал на испытании в нем «достаточных познаний⁴¹⁸».

Постепенно расширялись и возможности языковой подготовки студентов. В 1852 г. в Московском университете на историко-филологическом факультете, помимо существовавшей с середины 1830-х гг. кафедры восточной словесности, дополнительно открыли кафедру восточных языков, предлагавшую учащимся изучение еврейского, арабского, персидского языка и санскрита, причем изучение этих языков предполагалось на добровольной основе⁴¹⁹.

При этом начавшееся «мрачное семилетие», отставка Уварова с министерского поста и скорое начало Крымской войны наложили серьезный отпечаток на процесс реформирования учебных планов в ИМУ, на некоторое время приостановив развитие вышеописанных тенденций. Скромный объем академических свобод в университетах начал ограничиваться. Так, еще осенью 1848 г. был ограничен переход студентов из одного университета в другой. Министерством было установлено, что переходы возможны только между

---

⁴¹⁷ Об освобождении студентов 1-го отделения Философского факультета Московского университета, посвящающих себя преимущественно филологии, от слушания политической экономии и статистики // ЖМНП. 1845. Ч. 48. С. 55–56.

⁴¹⁸ Дополнительное постановление о Медицинском факультете Императорского Московского университета // ЖМНП. 1846. Ч. 49. С. 84.

⁴¹⁹ Об открытии кафедры восточных языков при Московском университете // Там же. 1852. Ч. 74. С. 21.

учебными годами «в установленное время», а в целом студентам предписывалось учиться в том университете, в котором они сдавали вступительные экзамены⁴²⁰.

Как указывалось выше, важным ограничением для желающих поступать и продолжать учебу в университетах стало повышение платы за обучение, ударившее по небогатым своекоштным учащимся. Еще в 1845 г. Уваров поднимал вопрос о повышении платы за обучение в университетах, но тогда этот вопрос был отложен высшими властями на три года. В конечном счете, в 1848 г. было установлено, что стоимость обучения в Московском и в Петербургском университетах будет повышена до 50 р. за год, в остальных университетах – до 40 рублей серебром⁴²¹.

В 1852 г. плата за обучение в ИМУ была сохранена на уровне 50 рублей в год. Она вносилась по полугодиям, не позднее двух месяцев начиная с 1 января и 1 июля, а при поступлении – сразу же. Отсрочки были возможны лишь по «особо уважительным причинам» с разрешения попечителя, в случае неуплаты студент сразу же исключался с отметкой в документах о причине выбывания из университета⁴²².

В годы «мрачного семилетия» министерство Ширинского-Шихматова также озабочилась тем, что казенные студенты часто сами уходили из университетов или исключались за «дурное поведение», ввергая правительство в лишние расходы на их содержание. Ввиду этого, по опыту Дерптского университета, циркулярным предложением Уварова было указано принимать на казенный кошт и в число стипендиатов только со второго курса, когда начальству можно было уже более определенно судить об успехах и поведении учащихся⁴²³.

---

⁴²⁰ Циркулярное предложение о соблюдении правил для перехода студентов из одного университета в другой // ЖМНП. 1848. Ч. 60. С. 25–26.

⁴²¹ О взыскании платы за обучение в высших и средних учебных заведениях // ЖМНП. 1849. Ч. 61. С. 97–98.

⁴²² Положение о взимании платы за обучение в средних и высших учебных заведениях // Там же. 1852. Ч. 75. С. 78–79.

⁴²³ Циркулярное предложение о том, чтобы студенты университетов помещаемы были на казенное содержание не прежде, как со второго курса учения // ЖМНП. 1849. Ч. 62. С. 195–197.

Еще одной «строгостью» тех лет стало запрещение в июне 1849 г. не только казенным, но и своекоштным студентам оставаться на одном курсе более одного года, кроме очень веских причин и с разрешения университетского начальства и министерства⁴²⁴. Одной из немногих привилегий, остававшихся при этом исключенным за академическую «безуспешность» студентам, было освобождение от телесных наказаний – оно предполагалось для выбывших из университета до окончания курса, если их поведение было признано университетским начальством удовлетворительным (и если не оно же послужило причиной исключения⁴²⁵).

Конечно, исключенные из числа студентов лица могли вернуться в университетские аудитории в ином статусе – став слушателями. Такую возможность дало им министерство начиная с 1846 г.: слушателями официально было разрешено становиться студентам, исключенным ранее за «безуспешность» в науках⁴²⁶. Также ими могли стать и другие желающие из высших сословий. Еще в 1844 г. было подтверждено право всех вообще лиц «свободного состояния», включая чиновников и не сдавших вступительные экзамены (такой вопрос возник ранее в Харьковском университете), посещать университетские лекции в качестве слушателей без всяких вступительных испытаний⁴²⁷.

Допуск желающих из неподатных сословий в университет при этом несколько ограничивался необходимостью заручиться согласием работодателя на посещение лекций, как того требовали Высочайше утвержденные правила допуска слушателей на лекции от 1847 года: «Служащие и отставные чиновники, а равно лица всех свободных состояний, если по роду занятий их имеют желание приобрести специальные сведения в некоторых науках, преподаваемых в

---

⁴²⁴ Циркулярное предложение о недозволении всем вообще студентам университетов оставаться в одном курсе два года // ЖМНП. 1849. Ч. 64. С. 60.

⁴²⁵ О дополнении закона касательно лиц, изъятых от телесных наказаний // Там же. 1848. Ч. 57. С. 34.

⁴²⁶ О том, что молодые люди, исключенные из числа студентов университета за безуспешность в науках, могут быть вновь допускаемы к слушанию университетских лекций в качестве приватных слушателей // Там же. 1846. Ч. 49. С. 158.

⁴²⁷ Циркулярное предложение г. Министра народного просвещения о допущении всех вообще лиц к посещению лекций университетов без экзамена // Там же. 1844. Ч. 45. С. 48.

университетах, допускаются к посещению лекций с разрешения Ректора, которому они предоставляют документы о своем происхождении, а служащие – дозволение своего Начальства слушать университетское преподавание^{428».}

Как следует из предыдущей цитаты, доступ в университет оставался по-прежнему закрытым для помещичьих крестьян, а свободные представители податных сословий также едва ли могли оказаться на лекциях в роли слушателей. Министерские разъяснения и указания того времени прямо запретили лицам низкого звания становиться слушателями.

Еще в 1845 г. было установлено, что посещать лекции в университетах Империи имеют право только студенты и приватные слушатели, последние были лицами свободных сословий и не держали вступительного экзамена. Все же прочие наименования (в частности, «вольные слушатели», существовавшие в 1814–1845 гг.) упразднялись, чтобы не вносить путаницу и предотвратить смешение студентов со слушателями, особенно применительно к учащимся податных сословий – они могли становиться в указанное время только студентами⁴²⁹, со всеми связанными с получением этого статуса трудностями.

В 1847 г. решением Государственного Совета была упразднена и категория приватных слушателей, что означало ликвидацию еще одной возможности для посещения лекций для лиц, которые по тем или иным причинам не могли становиться студентами: «Государственный Совет, в Департаменте Законов и в Общем Собрании рассмотрев представление Министра Народного просвещения о правилах допущения к слушанию университетских лекций, и соглашаясь с сим представлением положил в их мнение о производстве в ученыe степени постановить: разряд приватных слушателей на будущее время упраздняется.

---

⁴²⁸ О правилах допущения к слушанию университетских лекций // ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 998. Л. 2.

⁴²⁹ Циркулярное предложение о том, чтобы лицам, посещающим университетские лекции, не было присваиваемо иных наименований, кроме студентов и приватных слушателей // ЖМНП. 1845. Ч. 48. С. 42–43.

Лицам, посещающим ныне университетские лекции в качестве таких слушателей дозволяется окончить начатый ими курс на прежнем основании^{430».}

За несколько лет до этого министерство народного просвещения несколькими своими актами четко определило статус остававшихся в университетах слушателей лекций. Во многом он оказался ниже статуса собственно студентов. Так, министерство подчеркивало, что слушатели, «как совершенно посторонние для университета лица», не пользуются покровительством университетов и правами студентов, но обязаны соблюдать порядок в университетских зданиях и на занятиях⁴³¹.

Кроме того, слушатели не имели права сдавать переводные экзамены и получать баллы в зачет итоговых испытаний, в отличие от студентов. Что до общеобразовательных предметов «гимназического курса», то они имели право сдавать их на любом из университетских курсов («на котором пожелают»), если до этого не предоставили свидетельства об их сдаче в гимназиях⁴³².

Что касается сохранявшейся в годы «мрачного семилетия» повышенной платы за обучение в университете, становившейся проблемой для многих небогатых студентов, то, конечно, и в начале 1850-х гг. сохранялись возможности освобождения от нее вплоть до перехода на казенный кошт. От платы за учение в университете освобождались казеннокоштные студенты и стипендиаты, своекоштные пансионеры, дети преподавателей и чиновников данного университета, сироты и предоставившие родительские свидетельства о бедности, а также лица, содержавшиеся за счет благотворительных обществ и приказов общественного призрения.

---

⁴³⁰ О правилах допущения к слушанию университетских лекций. Л. 1; Мнение Государственного совета о правилах допущения к слушанию университетских лекций // ЖМНП. 1847. Ч. 55. С. 17.

⁴³¹ Циркулярное предложение о том, чтобы лицам, посещающим университетские лекции, не было присваиваемо иных наименований... С. 45–46.

⁴³² Циркулярное предложение с дополнительными правилами относительно различия между студентами университетов и приватными слушателями // ЖМНП. 1845. Ч. 48. С. 45.

Однако если попечитель выяснял, что студент имеет объективную возможность вносить плату, то имел право потребовать ее внесения⁴³³. Кроме того, никогда не освобождались от платы лица податных сословий. Наконец, освобождение от платы утрачивало силу, если студент не переводился на следующий курс за «нерадение» или плохое поведение⁴³⁴.

Впрочем, и определенные послабления в финансовом вопросе случались: по решению университетских властей плата за обучение могла быть уменьшена вдвое, если не существовало объективных причин для освобождения от нее. Кроме того, сбором денег ведал сочувственно относившийся к бедным студентам инспектор, выдававший им квитанции и записывавший данные о платежах в особую книгу. В конце каждого полугодия инспектор отчитывался в Правление о полученных от учащихся суммах⁴³⁵, а Правление, в свою очередь, с разрешения попечителя тратило большую часть собранных сумм на стипендии и единовременные пособия одаренным студентам⁴³⁶.

В это сложное для университета время продолжались и попытки министерства привлечь к учебе в нем выходцев с национальных окраин – польские учащиеся к тому моменту уже составляли в ИМУ значительную группу, и пришла очередь шведской и финской молодежи из Великого княжества Финляндского. В декабре 1852 г. «в видах распространения русского языка» министр Ширинский-Шихматов освободил от платы за слушание лекций во всех университетах Империи финляндских подданных, причем своекоштным студентам для этого требовалось предоставить свидетельства о бедности, а к помещавшимся на казенный счет такого условия не предъявлялось⁴³⁷.

---

⁴³³ Положение о взимании платы за учение в средних и высших учебных заведениях. С. 81–82.

⁴³⁴ Там же.

⁴³⁵ Там же. С. 80.

⁴³⁶ О правилах назначения пособий студентам Московского университета из суммы, собираемой за право слушания лекций // ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 1150. Л. 2,9.

⁴³⁷ Циркулярное предложение попечителям учебных округов об освобождении финляндских студентов, посещающих университеты Империи, от платы за слушание лекций // ЖМНП. 1853. Ч. 77. С. 87–88.

Правительственный поворот к реакции, а также потрясения Крымской войны оказали значительное влияние и на университетскую политику властей, в том числе и применительно к Московскому университету. Во-первых, было усилено преподавание Закона Божьего, а также по образцу Санкт-Петербургского университета министерство Ширинского-Шихматова возложило преподавание логики и психологии на профессоров богословия. Так в ИМУ логику начал читать Терновский, а само преподавание этого предмета отныне контролировали представители Синода⁴³⁸. Данная мера будет отменена только в 1860 г., когда будет восстановлено преподавание философии и логики светскими профессорами, а профессор богословия при этом останется в чине ординарного профессора⁴³⁹.

Вводились в учебный план университета и предметы, связанные с подготовкой военнослужащих, заставлявшие вспомнить об упоминавшихся выше слухах о преобразовании университетов в высшие военные училища. Ввиду якобы стремления многих студентов «гражданских учебных заведений к военной службе» с января 1855 г. Николай I ввел преподавание в столичных университетах сугубо военных дисциплин – строевого устава пехотной службы, артиллерии и полевой фортификации, с практической целью в перспективе вырастить из студентов хороших офицеров для армии⁴⁴⁰.

Смягчение «строгостей» последних лет правления Николая I применительно к учебному процессу в университетах страны началось только при новом императоре. В декабре 1855 г. было восстановлено упраздненное в 1850 г.⁴⁴¹ право студентов-медиков переходить на другие факультеты, при наличии хорошего поведения и установленной начальством университета и попечителем

---

⁴³⁸ Циркулярное предложение о возложении наблюдения за преподаванием логики и психологии в университетах и Ришельевском Лицее на Главных наблюдателей за преподаванием Закона Божьего в светских учебных заведениях // ЖМНП. 1852. Ч. 75. С. 19.

⁴³⁹ О возобновлении в университетах и Ришельевском Лицее преподавания истории философии, с логикою и психологиею // Там же. 1860. Ч. 106. С. 6.

⁴⁴⁰ Об открытии в столичных университетах и в высших классах всех гимназий преподавания строевого устава пехотной службы, ротного и батальонного, и сверх того в означенных университетах - артиллерии и полевой фортификации // ЖМНП. 1855. Ч. 85. С. 15–16.

⁴⁴¹ О недозволении студентам медицинского факультета в университетах переходить в другие факультеты // Там же. 1850. Ч. 65. С. 16.

невозможностью обучения медицине ввиду «отвращения к анатомическим наукам⁴⁴²».

Видимо, приведенная выше формулировка стала в первые годы правления Александра II удобным поводом для ухода студентов с медицинского факультета на другие специальности, и в 1858 г. министерство конкретизировало механизм таких переходов. Отныне студентам-медикам для перехода на другой факультет нужно было разрешение министерства, а основанием могло быть «отвращение» к анатомии, засвидетельствованное деканом или профессором, болезнь либо «особоуважительные домашние обстоятельства», в последнем случае требовалось их объяснение от родителей⁴⁴³.

Наконец, в следующем десятилетии были сняты все ограничения по перемещению студентов-медиков в пределах пространства университета – в январе 1862 г. студентам-медикам было дозволено переходить на другие факультеты на общих основаниях, с разрешения «ближайшего» университетского начальства⁴⁴⁴.

Постепенно восстанавливались и запрещавшиеся в предшествовавшие годы переходы студентов других специальностей на другие факультеты и в другие учебные заведения. В 1858 г. были разрешены сроком на два года переходы студентов между факультетами. При этом для перехода на историко-филологический факультет требовалось иметь сданным или сдать экзамен по гимназическому курсу греческого языка, а для перевода на физико-математический факультет – получить на экзамене по математике не менее 4 баллов, продемонстрировав очень хорошие знания по предмету⁴⁴⁵. Также было

---

⁴⁴² О дозволении студентам медицинских факультетов поступать в другие факультеты // ЖМНП. 1856. Ч. 89. С. 14–15.

⁴⁴³ Правила перехода студентов Московского университета из одного факультета в другие // Там же. 1858. Ч. 97. С. 87.

⁴⁴⁴ О разрешении студентам медицинских факультетов переходить в другие факультеты с разрешения ближайшего университетского начальства // ЖМНП. 1862. Январь. Ч. 113. С. 52.

⁴⁴⁵ Правила перехода студентов Московского университета из одного факультета в другие. С. 85–86.

указано, что если студент пребывал на одном курсе два года, то перевести на другой факультет его могли только на первый курс⁴⁴⁶.

Еще одной приметой новых времен стало усиление практической составляющей университетского образования. В николаевское время серьезный объем практических занятий по понятным причинам предусматривался учебным планом медицинского факультета. В ознакомительном формате они начинались уже на 5–6 полугодиях обучения, а на 9–10 семестрах медики занимались уже вплотную практикой в трех больницах: факультетской с тремя отделениями (терапия, хирургия, акушерство), госпитальной (в Екатерининской больнице) и госпитальной офтальмологической. А с «городской практикой» будущие врачи знакомились в клиниках «для приходящих больных»⁴⁴⁷.

В первые годы нового царствования практические занятия были организованы для студентов Педагогического института ИМУ – будущих гимназических учителей и преподавателей уездных училищ. С января 1858 г. студентам педагогического института ИМУ предстояло проводить «практические занятия» в московских гимназиях в целях получения реального опыта преподавания. Практика осуществлялась в 1-й, 3-й и 4-й московских гимназиях, эксперимент был установлен сроком на два года⁴⁴⁸.

Вероятно, будущие преподаватели успешно справлялись с поставленными задачами в рамках своих практических занятий в гимназиях и школах, и многие из них обратили на себя внимание университетского и министерского начальства уже в годы учебы как яркие преподаватели. Так, 20 мая 1861 г. скончался студент Московского университета А.С. Писарев, который подавал большие надежды как учитель арифметики во 2-й воскресной школе, трудившийся позднее также и в

---

⁴⁴⁶ Правила перехода студентов Московского университета из одного факультета в другие. С. 86–87.

⁴⁴⁷ Дополнительное постановление о Медицинском факультете Императорского Московского университета. С. 86–88.

⁴⁴⁸ О практических занятиях в московских гимназиях и уездных училищах студентов педагогического института Московского университета // ЖМНП. 1858. Ч. 97. С. 85.

женской воскресной школе. В знак уважения к памяти юного педагога некролог по нему опубликовал Журнал Министерства народного просвещения⁴⁴⁹.

По крайней мере, деятельность студента и учителя Писарева была достаточно значительной, чтобы обратить на себя внимание высшего начальства, поскольку это единственный обнаруженный студенческий некролог за изученные годы, напечатанный в министерском журнале.

Главной причиной, побудившей университетские власти в Москве в пореформенную эпоху усилить практическую составляющую преподавания, особенно применительно к обучению будущих педагогов, был их острый дефицит при возраставшей общественной потребности в учителях, ощущавшейся по всей России. Большая нехватка не только учителей для гимназий, но и университетских профессоров была признана министерством в начале 1862 года. Попечителям и университетским Советам было тогда же предложено сформулировать предложения по их скорейшей массовой подготовке⁴⁵⁰.

Эта проблема существовала и в Московском университете: еще в 1859 г., когда количество студентов уже превысило 1760 человек, преподавателей в ИМУ значилось в университетской отчетности всего 75 человек, включая прозекторов, учителей танцев, музыки и пения, а также «сторонних преподавателей». Это количество было не только недостаточно для обучения растущей массы студентов, но оказалось даже ниже, чем в предшествовавшем году⁴⁵¹.

Наконец, еще одной важной составляющей учебного процесса в Московском университете во все рассматриваемые десятилетия были годичные (переводные) экзамены. В начале своего управления министерством Уваров удостоил ИМУ самоличной проверкой текущих знаний учащихся и остался ими вполне доволен. «Обозревавший» в 1834 г. университет Уваров остался, в целом,

---

⁴⁴⁹ Студент Московского университета А.С. Писарев // ЖМНП. 1861. Ч. 109. С. 113.

⁴⁵⁰ Циркулярное предложение о мерах к приготовлению большого числа профессоров и учителей // Там же. 1862. Январь. Ч. 113. С. 10.

⁴⁵¹ Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1858/59 академический и 1859 гражданский годы. [М., 1860]. С. 3.

удовлетворен уровнем познаний студентов, которые проверял посредством письменных испытаний и «изустных вопросов», на которые лучшие студенты давали министру развернутые ответы⁴⁵².

Тем не менее, на протяжении 1830-х гг. министерство разрабатывало подробные правила проведения годичных экзаменов, стремясь, вероятно, исключить из процедуры их проведения элемент субъективности, связанный с личными качествами профессоров и их отношением к тем или иным учащимся. Об этом упоминал в своих воспоминаниях Свинин: «Я замечал, что у каждого из профессоров была своя метода приема экзаменов: одни на экзамене принимали в ответе студента живейшее участие и своим вмешательством как бы помогали ему, а другие относились к этому совершенно индифферентно, и с этими последними иметь дело было гораздо труднее⁴⁵³».

Важнейшие рамочные условия создававшейся системы обязательных экзаменов были сформулированы в ряде документов 1834 г., еще до принятия нового Устава университета, закрепившего обязательность годичных экзаменов. Одним из таких актов стали «Правила для годичных экзаменов студентов Московского университета», первый параграф которых гласил: «Годичные экзамены студентов Московского университета разделяются на три разряда: 1) Экзамены студентов первокурсных, слушающих общие университетские лекции; 2) Экзамены студентов продолжающих курс учения по факультетам; 3) Экзамены окончательные для тех, кои, совершив полный курс учения, готовятся к выпуску и получению ученых степеней⁴⁵⁴».

При экзаменах первокурсников должен был председательствовать ректор университета, при прочих переводных экзаменах – декан соответствующего факультета или отделения (п. 2 и 5 «Правил»). Итоговые экзамены должны были

---

⁴⁵² Состояние Московского университета и Московского учебного округа // ЖМНП. 1835. Ч. 6. С. 43.

⁴⁵³ Свинин И.А. Указ.соч. С. 119.

⁴⁵⁴ Дело о правилах для годичных студентов университета и о назначении экзаменов // Ф. 418. Оп. 3. Д. 215. Л. 1.

проводиться при полном собрании факультета, ректор также имел право при них присутствовать (п. 7).

Процедуру принятия экзаменов разъяснял пункт 11 данного документа: «Экзамен в науках производится посредством билетов, содержащих в себе вопросы, заранее приготовленные преподавателями; из Российской же словесности сверх того учащиеся испытываются посредством кратких сочинений на заданную тему в присутствии испытательного собрания; языки иностранные испытываются посредством переводов с русского и на русский⁴⁵⁵».

Система оценки знаний студентов на годичных экзаменах была в те годы, как и полвека спустя⁴⁵⁶, четырехбалльной: 4 – отлично, 3 – хорошо, 2 – посредственно, 1 – слабые успехи в предмете (п. 15). Впрочем, продолжавшие курс студенты-медики оценивались в обратном порядке, и высшей оценкой для них была «единица» (п. 16). При этом «языки восточные» и другие предметы по выбору оценивались только двумя цифрами (п. 21)⁴⁵⁷, то есть экзамен представлял собой, по сути, подобие современного зачета.

Принимал во внимание экзаменатор при испытании также поведение и успехи студента в течение учебного года. Существовала также возможность замены «неудобного» билета на экзамене – его можно было заменить до трех раз – надо полагать, с соответствующим снижением оценки (п. 19).

Но даже в этом случае выдерживали экзамен не все студенты: согласно тем же «Правилам», студент считался не сдавшим, если имел хотя бы одну отметку менее 2 баллов (по профильным предметам – менее 3). (п. 23). При этом средний балл по всем предметам для перевода на следующий курс должен был быть не менее 2 (п. 29)⁴⁵⁸. В противном случае студент признавался «неспособным к учению» (п. 31). Студенты, попавшие в список «безнадежных к продолжению

---

⁴⁵⁵ Дело о правилах для годичных студентов университета и о назначении экзаменов. Л. 1 об.

⁴⁵⁶ См.: Иванов А.Е. Мир российского студенчества. С. 29.

⁴⁵⁷ Дело о правилах для годичных студентов университета и о назначении экзаменов. Л. 2, об.

⁴⁵⁸ Там же. Л. 3, 4 об.

наук», выходили из университета только с аттестатом о поведении (п. 36)⁴⁵⁹, с которым, впрочем, в те годы могли поступать на службу.

Надо полагать, что для большинства студентов, особенно тех из них, кто имел хорошие «стартовые» познания и особенно гимназическое образование, переводные экзамены на младших курсах не представляли особой сложности. Как писал Гончаров, «мы легко справились с переходными экзаменами и на втором году весело перешли на следующий курс⁴⁶⁰». Видимо, складывавшаяся с экзаменами ситуация устраивала и университетское начальство, и министерство, потому что в последующие годы процедура экзаменовки не подвергалась принципиальным изменениям.

Случались, впрочем, и временные ужесточения или, напротив, послабления в приеме годичных экзаменов в ИМУ. Так, в 1838 г. «на основании существующих правил по надлежащим в первом отделении испытаниям удостаиваются перевода в высшие курсы следующие студенты: имеющие средним числом 3,5 балла и более» – иначе говоря, средний переводной балл за неполные пять лет о с момента выхода предыдущих правил проведения экзаменов повысился на 1,5 балла». Однако и теперь из жестких правил был сделан ряд исключений: в том же году юридический факультет «...руководствуясь, что для полного числа баллов не достает незначительной дроби – одной восьмой, единогласно просит Совет о переводе студентов с первого курса на второй». Однако тот же факультет просит Совет исключить студентов, пробывших на одном курсе два года⁴⁶¹ – за исполнением этого правила со второй половины 1830-х гг. уже пытались следить.

Попечитель Строганов также порой спасал от исключения недостаточно успешных на экзаменах по общеобразовательным предметам студентов: «В уважение ходатайства факультета я согласен на перевод в высшие курсы студентов, которые, хоть и не получили определенные числа, но по хорошим успехам в большей части учебных предметов, особенно в специальных науках

⁴⁵⁹ Дело о правилах для годичных студентов университета и о назначении экзаменов. Л. 5 об.

⁴⁶⁰ Гончаров И.А. Из университетских воспоминаний. С. 499.

⁴⁶¹ О переводе студентов на высшие курсы // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 8. Д. 78. Л. 12 об.

каждого факультета, признаются способными к слушанию лекций высших курсов⁴⁶²».

Среди оставленных по милости попечителя студентов в 1838 г. были и нескольких казенных, контроль за учебой которых в целом был строже. Тогда же Строганов приказал университетским властям «студента Николая Смирнова, пробывшего 2 года на одном курсе по уважительным причинам, оставить в том же курсе на 3-й год⁴⁶³». К сожалению, сущность «уважительных причин» в этом архивном деле не указана.

В целом, казенные студенты могли значительно помочь своекоштным товарищам со сдачей экзаменов, потому что, живя в университете, были в курсе всех новостей и нововведений по учебной части. Согласно воспоминаниям А.И. Георгиевского, казеннокоштные студенты были для других учащихся «своего рода руководителями», в том числе и в учебных занятиях⁴⁶⁴. Из бесед с ними остальные студенты узнавали о профессорах, об экзаменах, на какие вопросы обращать внимание, как записывать лекции и многие другие вещи об учебном процессе и в целом жизни в университете⁴⁶⁵.

Попечители и университетские власти, похоже, тоже устраивали успехи студентов и сложившийся на рубеже 1830-х–1840-х гг. порядок приема переводных экзаменов. Именно по этой причине Строганов неоднократно отвергал как «несвоевременные» идеи отмены этих экзаменов, так и предлагавшиеся ему ужесточения вроде введения полугодовых испытаний для казенных питомцев университета⁴⁶⁶.

Таким образом, на протяжении 1830-х – начала 1860-х гг. учебный процесс в Московском университете и формы участия студентов в нем, хоть и претерпевал некоторые изменения, но принципиально оставался таким, как он сложился в

---

⁴⁶² О переводе студентов на высшие курсы. Л. 41.

⁴⁶³ Там же. Л. 43.

⁴⁶⁴ Георгиевский А.И. Указ.соч. С. 466.

⁴⁶⁵ Пономарева В.В. Студенты // Университет для России. Т. 4. М., 2012. С. 325.

⁴⁶⁶ О некоторых предположениях министерства Народного просвещения в ходе преподавания... Л. 5, 7.

первые годы министерства Уварова. Основной формой занятий были лекции, предполагавшие обязательное посещение студентов и последующую самостоятельную работу с материалами по предметам. Поведение студентов, слушателей и других посетителей лекций строго контролировалось, что не исключало периодических выходок «школьнического характера», да и в целом влияние «обратной связи» от студентов на преподавателей и в целом лекционные курсы не следует недооценивать.

Также примечательной является тенденция, связанная с вовлечением учащихся различных отделений и факультетов в научную деятельность в рамках конкурсом на «медальные» сочинения, не всегда удачные попытки введения новых предметов и курсов, а также появление в конце рассматриваемой эпохи больших объемов практических занятий для студентов-педагогов и будущих врачей, то есть самых потенциально востребованных специальностей в России того времени.

Наконец, система переводных, курсовых экзаменов, сложившаяся на рубеже 1830-х–1840-х гг., пережила «мрачное семилетие» и благополучно дожила до конца рассматриваемой эпохи. Несмотря на элемент субъективности, связанный с устным характером испытаний и личными пристрастиями профессоров, данная система показала свою достаточную эффективность и необходимость в глазах университетских, министерских и высших властей.

Однако кроме переводных существовала и система итоговых экзаменов, венчавших собой обучение студентов в университете и открывавшая перед ними карьерные перспективы. На наш взгляд, этот завершающий элемент учебного процесса, а также возможности и реальные механизмы трудоустройства выпускников Московского университета, особенно в свете пожеланий на этот счет руководства ИМУ и министерства народного просвещения также требуют рассмотрения в рамках данной работы.

2.3. Итоговые экзамены и профессиональные перспективы студенчества

Обучение в Московском университете для студентов второй трети XIX столетия вполне закономерно заканчивалось выпускными экзаменами, в случае успешной сдачи которых учащиеся получали новый статус и имели право устраиваться на службу. Российское государство было заинтересовано в устройстве питомцев столичных университетов на службу в образовательные, медицинские учреждения, в государственные органы. Однако это стремление университетского и министерского начальства не вполне совпадало с нарождавшейся в те десятилетия новой студенческой этикой и идеологией – постепенно уже в 1830-х–1840-х гг. в студенческой среде появлялся новый тип «русского интеллигента», который стремился приносить пользу обществу, а не государству, служить истине, а не императору⁴⁶⁷, и эти принципы входили в противоречие с планами государственных чиновников.

Как правило, итоговые испытания проводились для студентов по соответствующим «факультетским», то есть профильным предметам. Организовывались они в конце учебного года, в апреле или мае, и их даты должны были согласовываться с чтением лекционных курсов профессорами. Так, в конце 1837/1838 учебного года по предложению попечителя выпускные экзамены на всех факультетах решением университетского Совета от 8 апреля 1838 г. поставлены были на одни и те же даты – 23, 25, 27, 29 и 30 апреля с соответствующим окончанием учебы для выпускников с начала следующего месяца⁴⁶⁸.

В эти весенние дни в каждом учебном году нагрузка и на преподавателей, и на студентов выпускного курса была столь значительной, что в министерстве даже в 1842 г. поднимался вопрос о радикальном сокращении количества выпускных

---

⁴⁶⁷ Цыганков Д.А. Московский университет в городском пространстве начала XX века // Университет и город в России (начало XX века). М., 2009. С. 402.

⁴⁶⁸ О расписании экзаменов на 37–38 академический год и правилах получения ученых степеней и званий. Л. 1.

экзаменов до всего лишь одного комплексного испытания: «требовать от кончивших полный курс одного общего экзамена, который должен распространяться на все предметы сего курса⁴⁶⁹». Однако данная мера была отвергнута Строгановым⁴⁷⁰, и более этот вопрос в рассматриваемое время не поднимался.

По общему правилу, окончательно закрепленному Уставом 1835 г., студенты оканчивали курс в статусе действительного студента (XII класс гражданской службы), а особо успешные – с ученой степенью кандидата (X класс). Учеба в Московском университете заканчивалась для них торжественным университетским Актом – особо торжественным собранием. Эти ежегодные университетские собрания в начале рассматриваемой эпохи состояли, как правило, из божественной литургии, напутственного слова священника студентам (в 1830-х гг. и далее им был профессор Терновский), а также собственно Акта, парадных лекций уважаемых университетских профессоров (например, историка Погодина или словесника Шевырева), а также провозглашения выпускников кандидатами и действительными студентами, а также награждения учащихся за лучшие сочинения⁴⁷¹.

Непосредственно сразу после официального окончания обучения перед студентами вставал вопрос профессионального самоопределения, в котором ему стремилось всячески помочь университетского начальство. Проще всего решался вопрос с казеннокоштными учащимися – они обязаны были 6 лет прослужить по ведомству народного просвещения (педагоги), а врачи – «в военном или гражданском ведомстве⁴⁷²». Постепенно эта обязанность распространялась и на новые категории учащихся. Так, с 1842 г. студенты-поляки, пансионеры Царства

---

⁴⁶⁹ О некоторых предположениях министерства Народного просвещения в ходе преподавания в университетах и в ограничении приемных экзаменов. Л. 1.

⁴⁷⁰ Там же. Л. 7.

⁴⁷¹ Подробное описание Акта см., например: Торжественные университетские собрания. Московский университет // ЖМНП. 1834. Ч. 3. С. 100–101.

⁴⁷² Университетский Устав [1835].

Польского также были обязаны прослужить 6 лет по «училищному ведомству», как и прочие казенные питомцы университетов⁴⁷³.

Особое внимание во все рассматриваемые десятилетия обращалось на трудоустройство казенных студентов медицинского факультета, поскольку в медиках была острая нужда. В середине 1840-х гг. было указано, что даже выход их в отпуск возможен был только сразу после «окончания курса», на время «вакаций» студентов, и только по уважительным причинам. Университетскому начальству министерством было вменено в обязанность следить за возвращением и своевременным «вступлением в службу» этой категории выпускников⁴⁷⁴.

Указанные строгие меры были подтверждены и усилены позднее, в годы Крымской войны. В условиях военного времени ограничения, введенные в 1844 г. для отпусков окончивших курс студентов-медиков (только на время «вакаций» и «по самым уважительным причинам»), были распространены на всех стипендиатов Министерства внутренних дел. Наказанием за просрочку предполагалась принудительная высылка выпускников в университеты усилиями губернского начальства⁴⁷⁵ с последующим срочным определением на государственную службу.

Вопросы поступления казенных студентов на службу и полноценной профессиональной подготовки к ней волновали и высшее начальство. Многолетний помощник попечителя Голохвастов, в частности, особенно много заботился о вступлении казенных питомцев на учительскую стезю и изучении ими педагогических дисциплин в университете ввиду большой потребности в

---

⁴⁷³ О распространении на пансионеров Царства Польского п. 158 общего Устава российских университетов // ЖМНП 1842. Ч. 35. Отд. I. С. 98.

⁴⁷⁴ Циркулярное предложение о том, чтобы медицинские казеннокоштные воспитанники былиувольняемы в отпуск непосредственно по окончании курса и по самым уважительным причинам // Там же. 1844. Ч. 43. С. 171–172.

⁴⁷⁵ Циркулярное предложение о распространении на медицинских воспитанников из стипендиатов Министерства внутренних дел правила увольнения в отпуск, постановленного для казеннокоштных воспитанников медицинских институтов при университетах // Там же. 1855. Ч. 87. С. 31.

педагогах гимназий и училищ в стране⁴⁷⁶. Кроме того, в отношении казенных студентов-медиков Голохвастов в конце 1830-х гг. предлагал даже продление казенного кошта «двум отличнейшим студентам курса» до восьми лет для «выдержания докторского экзамена», но при этом срок обязательной службы таких студентов также должен был быть увеличен до восьми лет⁴⁷⁷.

В следующем десятилетии предложения Голохвастова были отчасти реализованы министерством. Начиная с 1847 г. студенты-медики, желавшие закончить университет со степенью доктора, высшей в медицинской иерархии, должны были испросить согласие факультета еще в начале пятого курса. Далее в течение года они сдавали экзамены по практическим дисциплинам (анатомия, хирургия, судебная медицина), а устные испытания – в конце учебного года⁴⁷⁸.

При этом казенные студенты, получившие диплом доктора, «определяются немедленно на службу». Те же из них, кто не смог выдержать два итоговых экзамена на степень доктора, получали степень лекаря и могли претендовать на высшую медицинскую степень позднее, после защиты диссертации⁴⁷⁹.

Преподаватели также стремились принять участие в профессиональной судьбе своих студентов, но нередко делали это в собственных интересах, что вызывало негодование университетских властей. Так, в письме попечителя от 20 августа 1839 г., обнаруженному в свое время Ф.А. Петровым, Строганов требовал от своего помощника Голохвастова умерить пыл преподавателя химии профессора Р.Г. Геймана, чтобы тот «перестал бы манипулировать студентами 4-го курса, главным образом, казенномкоштными», заставляя их работать лаборантами⁴⁸⁰.

---

⁴⁷⁶ Записка Д.П. Голохвастова о состоянии Московского университета и об изменении устава университета. Л. 8.

⁴⁷⁷ Там же. Л. 66, об.

⁴⁷⁸ Правила порядка испытания медицинских студентов на степень доктора // ЖМНП. 1847. Ч. 55. С. 10–11.

⁴⁷⁹ Там же. С. 11–12.

⁴⁸⁰ Цит. по: Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 85.

Справедливости ради следует отметить, что министерские распоряжения второй половины 1840-х гг. действительно предусматривали возможность такого трудоустройства для студентов медицинских специальностей. Должность «лаборанта по физике или химии» позволяла выпускникам остаться при университете и продолжать свою научную работу. Правда, финансовые условия были при этом действительно очень скромные – жалованье лаборанта составляло в 1848 г. до 343 рублей серебром в год⁴⁸¹.

Бывали, впрочем, и некоторые «откаты» в жесткой линии властей по требованию многолетней отработки казенномкоштными студентами-медиками затраченных на их образование государственных денег. Так, в особом постановлении министерства, посвященном медицинскому факультету Московского университета, упоминалось, что казенные студенты-медики, перешедшие с государственного содержания на получение стипендий, имели право, с особого дозволения министра Уварова, освобождаться от обязательной службы сроком в шесть лет по военному или гражданскому ведомству⁴⁸².

Конечно, как показали первые годы в ИМУ после отмены казенного кошта, содержание каждого казенного питомца в зданиях университета на полном обеспечении обходилось казне намного дороже, чем выплата стипендий, однако эта финансовая разница не объясняет причин появления такого постановления, фактически означавшего некоторое отступление от жесткой политики привлечения медиков на государственную службу.

В годы «мрачного семилетия» и участия России в большой войне практика скорейшей профессиональной подготовки и отправки на службу студентов-медиков сохранялась, как и некоторое различие в статусе стипендиатов и полноценных «казенных питомцев». С 1853 г. и выпускники медицинских факультетов университетов, и оканчивавшие курс медики настоятельно приглашались на службу по ведомству внутренних дел, причем пансионеры

---

⁴⁸¹ О порядке определения и правах лаборантов в университетах // ЖМНП. 1848. Ч. 59. С. 56.

⁴⁸² Дополнительное постановление о Медицинском факультете Императорского Московского университета. С. 92.

должны были отработать каждый год своего содержания двумя годами службы, а стипендиаты – одним⁴⁸³.

Годом ранее появилось еще одно министерское распоряжение, примечательное с точки зрения стремления государства закрыть университетскими выходцами многочисленные «ваканции» в медицинской сфере. С 1852 г. казенные студенты-медики, исключенные из университета за «неуспешность» в науках или плохое поведение, обязаны были отработать положенное за пребывание на казенном коште число лет на низших медицинских должностях в военных или гражданских учреждениях⁴⁸⁴.

Даже после окончания Крымской войны некоторое время сохранялось стремление государства непременно заставить казенномкоштных студентов медицинских факультетов отработать максимальное количество лет в государственных больницах. Так, в 1857 г. увидело свет циркулярное предложение министра А.С. Норова, касавшееся двадцати «казенных питомцев» медицинского факультета ИМУ, бывших воспитанников приказов общественного призрения – отныне они были обязаны прослужить десять лет по ведомству МВД после выпуска⁴⁸⁵, то есть применительно к их статусу казенномкоштных учащихся сохранялось введенное ранее соотношение: два года службы за каждый год пребывания в университете на казенном содержании.

Но не только студентов-медиков, конечно, с нетерпением ждали на службу государственные учреждения того времени. Многие органы управления желали заполучить в качестве работников юристов с университетским образованием. В частности, выпускников юридических факультетов приглашали на работу в губернские учреждения – гражданские и уголовные палаты, причем им

---

⁴⁸³ О медицинских стипендиатах для службы в гражданском ведомстве // ЖМНП. 1853. Ч. 80. С. 3–4.

⁴⁸⁴ Об определении казенных медицинских воспитанников и стипендиатов,увольняемых из университета за безуспешность или неодобрительное поведение, в низшие медицинские должности // ЖМНП. 1852. Ч. 75. С. 13.

⁴⁸⁵ Циркулярное предложение по поводу Высочайшего повеления о помещении в университеты воспитанников приказов общественного призрения на вакансии казенномкоштных медицинских студентов // Там же. 1857. Ч. 96. С. 90.

предлагалось единовременное пособие в 300 рублей, а также отсутствие обязательного срока службы в этих местах «для ознакомления» с работой учреждений перед переходом в другие ведомства, в том числе и в центральные, столичные учреждения⁴⁸⁶.

Как уже отмечалось выше, университетские власти уделяли особое внимание казенным студентам педагогического направления, будущим учителям государственных гимназий, и, как показывают архивные данные, готовы были вкладывать дополнительные финансовые средства и ресурсы в их профессиональную подготовку. Так, в июне 1839 г. Правление университета решало вопрос о дополнительной педагогической подготовке ряда казеннокоштных учащихся: «Слушали предложение попечителя о том, что окончившие ныне курс университетского учения казеннокоштные воспитанники педагогического института, удостоенные звания действительного студента – Дмитрий Добромыслов, Николай Еленев, Роман Никулин – по усмотрению его сиятельства остаются при университете ещё на один год для большего усовершенствования, первый в латинском языке, а последние в истории и вообще в методах преподавания под руководством гг. Крюкова и Грановского. посему предлагает оставить их в университете⁴⁸⁷».

В результате положительного решения данного вопроса указанные выпускники университета остались жить на казенном содержании в студенческих «нумерах» вплоть до определения их на работу министерским решением.

Кроме выраженного государственного интереса к трудоустройству в казенные учреждения университетских выпускников, имевших востребованные специальности (врачи, учителя, юристы...), в указанную эпоху власти проявляли интерес и к приглашению на службу учащихся, имевших специальные, особые познания, которые могли бы им пригодиться на рабочем месте. В частности, в

---

⁴⁸⁶ Об определении действительных студентов университетов в гражданские и уголовные палаты на ваканции столоначальников // ЖМНП. 1847. Ч. 56. С. 12.

⁴⁸⁷ Об оставлении при университете студентов Добромыслова, Никулина и проч. // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 256. Д. 12. Л. 1.

середине 1840-х гг. выпускники университетов, в том числе ИМУ, активно приглашались на работу по ведомству Министерства государственных имуществ графа П.Д. Киселева, в частности те из них, кто получил свидетельства об успешном изучении дополнительного курса агрономических наук⁴⁸⁸.

В последние годы правления Николая I университетских студентов любых специальностей, которым к тому моменту уже читались «армейские» дисциплины, приглашали на армейскую службу, чтобы пополнить ими сокращавшийся в ходе боевых действий офицерский состав⁴⁸⁹. Введенное ранее изучение военных наук в ИМУ и Петербургском университете действительно могло помочь выпускникам поступить на военную службу: в случае удовлетворительных успехов в освоении уставов строевой службы, фортификации и артиллерийского дела действительные студенты и кандидаты могли становиться офицерами – сначала они пребывали 2-4 месяца в резерве, затем должны были отправляться в действующую армию. Правда, такая возможность была им предоставлена только в исключительных условиях военного времени⁴⁹⁰.

Впрочем, сами студенты в своей массе не торопились по своей воле определяться на военную службу вместо изучения «свободных наук⁴⁹¹», тем более что, по словам С.Г. Сватикова, «до офицерского чина выслуживались немногие», зато вероятность погибнуть на войне была значительной⁴⁹².

В июне 1855 г. появилось уточнение к прежним министерским распоряжениям, в котором указывалось, в частности, что вышеописанные преимущества вступления студентов в военную службу не относились к учащимся младших курсов, которым предписывалось «не отвлекаться» и окончить

---

⁴⁸⁸ Циркулярное предложение о снабжении студентов университетов особыми свидетельствами об успехах в агрономических науках // ЖМНП. 1845. Ч. 48. С. 13–14.

⁴⁸⁹ О преимуществах в военной службе студентов и воспитанников столичных университетов и гимназий // ЖМНП. 1855. Ч. 86. С. 158.

⁴⁹⁰ Там же. С. 159.

⁴⁹¹ Новиков М.В., Перфилова Т.Б. «Мрачное семилетие» в истории российских университетов // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4. Т. 1. С. 10, 12.

⁴⁹² Сватиков С.Г. Русское студенчество прежде и теперь. С. 8.

университетскую учебу в положенное время⁴⁹³ – даже в критический момент неудачной Крымской войны правительство не решилось массово рекрутить в армию студенчество, сознавая необходимость воспроизведения «ученого сословия» и подготовки профессионалов разных специальностей в стенах университетов.

Примечательно, что даже студентов, выбывших до окончания университетского курса, министерство стремилось отправить на государственную службу. Уже в 1836 г. было принято решение о том, что выбывавшие до окончания курса студенты (нередкая ситуация в рассматриваемую эпоху) приравнивались к выпускникам гимназий и причислялись «ко второму разряду чиновников⁴⁹⁴».

В следующем году в императорском указе Сенату были конкретизированы требования к таким учащимся, претендовавшим на трудоустройство: их учебное заведение должно было быть «первого разряда» (в их число входили все императорские университеты), а сами учащиеся должны были выбыть до окончания курса «по непредосудительным причинам⁴⁹⁵», то есть по обстоятельствам, не связанным с совершением безнравственных поступков.

Много позднее, во второй половине 1840-х гг., был решен вопрос с поступлением на службу студентов, исключенных из университета за дурное поведение, «буйство» и т.п. С 1847 г. студенты с гимназическим образованием, исключенные из университета «за неодобрительное поведение», могли устраиваться на статскую службу. Правда, за ними сохранялось право только на должность низшего XIV класса, с утверждением в нем после года беспорочной службы⁴⁹⁶.

---

⁴⁹³ О нераспространении преимуществ по военной службе на студентов, не окончивших курса учения // ЖМНП. 1855. Ч. 87. С. 22–23.

⁴⁹⁴ О причислении не кончивших университетского курса студентов ко второму разряду по Положению о чинах 25 июня 1834 года // ЖМНП. 1836. Ч. 10. С. 145–146.

⁴⁹⁵ Там же. 1837. Ч. 14. С. 140–141.

⁴⁹⁶ Относительно определения на службу студентов, исключаемых из университетов // ЖМНП. 1847. Ч. 54. С. 131–132.

В целом, положение исключенных до окончания университетского курса студентов оказывалось незавидным, как и карьерные перспективы. Так, выбывшие до окончания курса студенты с 1850 г. должны были немедленно покинуть университетский город, если не имели в нем же родителей, которым вменялось в обязанность в случае возвращения бывшего студента в отчий дом устанавливать за сыном «строгое наблюдение⁴⁹⁷». Единственной привилегией, утвержденной законодательно за всеми питомцами университета, включая исключенных студентов, выпускников и лиц с ученой степенью оставалось пожизненное освобождение от телесных наказаний⁴⁹⁸.

Если уйти или быть исключенным из университета до завершения обучения можно было по многим причинам, то вернуться обратно оказывалось в рассматриваемую эпоху намного сложнее. Самый удивительный случай возвращения случился в 1830-х гг. с одним из казеннокоштных учащихся ИМУ. Казенный студент Иван Гастев (также попадается написание «Гостев»), исключенный из университета в 1834 г. «за самовольную отлучку и дурное поведение» и отowany в солдаты, на протяжении семи лет военной службы пытался доказать свое моральное исправление и вернуться в свое «первобытное», студенческое состояние, что и удалось ему в итоге в результате решения университетского Совета в августе 1841 г.⁴⁹⁹, спустя почти восемь лет после исключения из числа студентов.

Поскольку случаи такого возвращения в ИМУ были редкими, то отдельной процедуры восстановления студентов не существовало, и Гастев был зачислен как своекоштный учащийся обратно на медицинский факультет, где и пребывал на 3 курсе в 1842 г., согласно университетскому отчету того года.

---

⁴⁹⁷ О принятии за правило, чтобы исключаемые из университетов студенты не оставались на месте жительства в том же городе // ЖМНП. 1850. Ч. 65. С. 15.

⁴⁹⁸ О дополнении закона касательно лиц, изъятых от телесных наказаний. С. 34.

⁴⁹⁹ О всемилостивейшем прощении казенного студента Гостева и об обращении его из военной службы в первобытное состояние // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 258 Д. 43. Л. 1.

В последующие годы возвращение в ИМУ исключенных ранее студентов было обставлено министерством целым рядом условий, затруднявших восстановление учащимися своего студенческого статуса. Особое внимание в этом вопросе министерство уделило выбывшим студентам-медикам – университетские власти предполагали их возвращение только на медицинский факультет, а министерство в 1850 г. прямо запретило им продолжать учебу на других факультетах⁵⁰⁰, поскольку, как было показано выше, власти особенно требовали от университетов выпускать большое количество медиков.

При этом в середине 1840-х гг. был установлен запрет для исключенных и выбывших учащихся сдавать сразу итоговые экзамены, минуя обучение на старших курсах. Начиная с 1845 г. студенты, прекратившие учебу раньше срока, обязаны были отслушать весь четырехлетний курс лекций и сдавать итоговые экзамены, чтобы получить степень кандидата или действительного студента. При этом бывшие студенты могли быть освобождены только от сдачи базовых предметов «гимназического курса⁵⁰¹».

С течением времени регламентировались и другие вопросы, связанные со сдачей итоговых экзаменов различными категориями учащихся. В частности, некоторые студенты в 1830-х–1840-х гг. стремились сдать их повторно, с лучшим результатом. На этот случай министерство распорядилось, чтобы студенты, желавшие получить степень кандидата, но окончившие университет в звании действительного студента, имели право в течение двух лет получить высшую степень при условии успешной сдачи экзаменов «факультетского» курса наук. В противном случае они приравнивались к «посторонним лицам» и должны были держать испытания и по дополнительным предметам университетского курса⁵⁰².

---

⁵⁰⁰ О недозволении студентам медицинского факультета в университетах переходить в другие факультеты. С. 16.

⁵⁰¹ О порядке испытания на учennуу степень студентов, выбывших из университетов прежде окончания курса // ЖМНП. 1845. Ч. 47. С. 141.

⁵⁰² Об объеме испытания на степень кандидата лиц, получивших уже звание действительного студента на окончательном после университетского курса испытании // ЖМНП. 1845. Ч. 47. С. 143–144.

Что касается категорий университетских обитателей, чей статус был отличен от полноправного студенческого, то для них и сдача итоговых экзаменов, и трудоустройство в казенные учреждения представляли значительные трудности, поскольку эти категории учащихся (вольные слушатели, приватные слушатели, приходящие чиновники и др.) обладали меньшим объемом прав. Впрочем, официально решением Государственного Совета в 1847 г. было признано, что все эти лица имеют право и на сдачу итоговых экзаменов, и на получение степени кандидата, и даже на «причисление к первому разряду гражданских чиновников⁵⁰³» в случае у устройства на службу.

В действительности путь университетского слушателя к научной или чиновничьей должности был несколько сложнее, чем своеокончного или казенного студента. Важнейшим препятствием было министерское установление, гласившее, что по окончании четырехлетнего курса лекций, если слушатель претендовал на звание действительного студента или кандидата, то он обязан был сдавать итоговые испытания по всем предметам⁵⁰⁴, а не только «факультетским», как это делали студенты.

Если же студент, успешно сдавший итоговые экзамены, не горел желанием начинать профессиональную карьеру, он мог продолжить свои научные занятия – как оставаясь в Московском университете, так и отправившись за границу. В рассматриваемую эпохи власти с осторожностью поддерживали заграничные командировки, но все же получившие степень кандидата по завершении курса лица, отправленные учиться за границу, в 1840-х гг. официально считались состоявшими на государственной службе, если, конечно, не уходили перед отъездом за рубеж в отставку⁵⁰⁵.

---

⁵⁰³ О правилах допущения к слушанию университетских лекций. Л. 3.

⁵⁰⁴ Циркулярное предложение с дополнительными правилами относительно различия между студентами университетов и приватными слушателями. С. 45.

⁵⁰⁵ О служебных правах молодых людей, отправляемых за границу для усовершенствования в науках // ЖМНП. 1846. Ч. 49. С. 212–213.

В новое царствование поддержка зарубежных командировок перспективных выпускников продолжилась. С 1856 г. студентов, «показавших свое усердие к наукам», которым ранее поручалось проводить занятия в университете, министерство обещалось отправлять за границу за государственный счет «для полного приготовления к профессорскому званию⁵⁰⁶».

Наконец, существовали и варианты продолжения научной карьеры выпускников при самом Московском университете, особенно со второй половины 1850-х гг. 27 августа 1857 г. в ИМУ была учреждена особая «стипендия профессора Грановского» (300 рублей в год), выплачивавшаяся из капитала в 7010 рублей, собранного из пожертвований разных лиц. Стипендия предназначалась одному из студентов историко-филологического факультета, готовившемуся получить степень кандидата, магистра или доктора. Наименование стипендии в честь прославленного профессора истории не было случайным – уже в те годы фигура Грановского обретала легендарный, культовый статус в студенческой среде⁵⁰⁷.

Таким образом, сдача итоговых экзаменов открывала перед студентами Московского университета второй трети XIX столетия самые разные перспективы – они могли продолжать научные штудии в ИМУ или уезжать для продолжения учебы за рубеж, определяться на статскую или военную службу в самые различные государственные ведомства. С известными ограничениями звания действительного студента или степени кандидата после сдачи итоговых экзаменов могли удостоиться также университетские слушатели, а также выбывшие до окончания курса и даже исключенные ранее лица.

При этом на протяжении всей рассматриваемой эпохи в отношениях студенчества с администрацией продолжался скрытый конфликт, связанный, с

---

⁵⁰⁶ О посылке молодых ученых за границу для усовершенствования в науках // ЖМНП. 1856. Ч. 90. С. 11.

⁵⁰⁷ Подробнее см.: Цыганков Д.А. Т.Н. Грановский в коммеморативной практике сообщества московских историков // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История Русской православной Церкви. 2020. Вып. 93. С. 57–76.

одной стороны, с настойчивым желанием властей определить максимальное число студентов на государственную службу (казенные питомцы попадали на нее в любом случае), с другой – со студенческим нежеланием следовать указаниям начальства в вопросах собственной профессиональной биографии. Несмотря на все усилия руководства ИМУ и министерства народного просвещения, сам факт настойчивых попыток педантичной регламентации трудоустройства выпускников университетов говорит об их сравнительном неуспехе и сопротивлении студенчества начальственным пожеланиям.

В еще большей степени заботы руководства университета сталкивались со свободолюбием студенчества за пределами университетских аудиторий, в рамках повседневной жизни студенчества в стенах университета и в городском пространстве Москвы. Следовательно, повседневная жизнь студентов 1830-х–1850-х гг. также является важным вопросом, требующим научного изучения в рамках исследования данной проблематики.

3. Повседневная жизнь студенчества Московского университета

3.1. Бытовые условия жизни казенных и своекоштных студентов

Повседневная жизнь российского студенчества XIX века в последние десятилетия является важнейшим объектом научного изучения, в работе с данной проблематикой применяют не только подходы классической истории, но и методы социальной истории, культурологии, других научных парадигм. Фокус внимания исследователей заостряется на студенческой повседневности, быте, обычаях и традициях потому, что именно в них следует искать истоки их самоидентификации, мироощущения, нарождавшихся корпоративных идей.

Применительно к повседневной жизни учащихся Московского университета второй трети XIX столетия следует сразу оговорить, что бытовые условия студентов очень различались в зависимости от их пребывания на казенном или собственном содержании. С тех пор как из-за противодействия самих учащихся провалилась идея Голохвастова об организации единого «общежития» для казеннокоштных и своекоштных студентов в Пашковом доме⁵⁰⁸, на виду у начальства, своекоштные учащиеся остались жить на частных квартирах в Москве или у родителей, а «под колпаком» администрации остались лишь казеннокоштные студенты. Последние были расселены непосредственно в зданиях университета, и их быт и каждодневная жизнь оказались значительно более документированы, чем повседневность их своекоштных товарищей.

Стоит отметить, что с середины 1830-х гг. на обустройство жизни казенных учащихся в ИМУ расходовались значительные суммы, не сравнимые с тратами предшествовавших десятилетий. Если в 1825 г. казенный кошт составлял 200 рублей в год на человека (и 350 руб. в случае студентов-медиков), то уже в следующем году попечитель обращался с просьбой об увеличении его сразу в два раза – до 400 руб. С 1 сентября 1826 студенты были переведены на полное

---

⁵⁰⁸ Подробнее см.: Насонкина Л.И. Указ.соч. С. 119–120; Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 110–112.

натуральное довольствие⁵⁰⁹, и в середине следующего десятилетия оно составляло в денежном выражении уже 500 руб. на одного «казенного питомца⁵¹⁰».

В 1836 г. указанная сумма была утверждена всеми должностными лицами, от инспектора до попечителя, и все инстанции признали выделенную сумму на содержание одного казенного студента в ИМУ вполне обоснованной. 28 апреля 1836 года Правление университета сообщило попечителю, что по приглашению инспектора студентов «рассмотрело составленное синдиком общее положение на содержание при сем университете назначенных по штату 100 студентов медицинского факультета и 20 воспитанников педагогического института из определенных на каждого по 500 руб. в год, и найдя, что оное соответствует цели заведения и в количестве положенном на каждого студента расходов сообразно с суммой по штату на их содержание, определению имеет честь представить Вашему Сиятельству на утверждение⁵¹¹». Попечитель Строганов утвердил данную сумму расходов, и на два последующих десятилетия она стала ориентиром по стоимости содержания казеннокоштных студентов в университетских стенах.

Однако даже эта официальная сумма не удовлетворяла всех нужд казенных студентов. Так, судя по смете приходов и расходов за календарный 1836 год, на содержание 120 казенных студентов и 18 пансионеров при Педагогическом институте и Медицинском факультете выделялось суммарно 69 000 руб. ассигнациями⁵¹², что и должно было составлять 500 руб. на человека в год и почти 1,37 руб. в сутки. Однако если сложить заявленные в смете фактические расходы вместе (на посуду, ремонт столов и приборов, «кухонные потребности», замену белья, плату трем поварам и кваснику и т.д.), то итоговая сумма составит 72200 руб. в год⁵¹³, то есть более чем на 3 тыс. руб. больше. Как следует из

⁵⁰⁹ Насонкина Л.И. Указ.соч. С. 33.

⁵¹⁰ О выдаче платья и белья казенным студентам, оставляющим университет по каким-либо причинам // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 254. Д. 32. Л. 1.

⁵¹¹ Об утверждении положения на содержание студентов Университета // ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 69. Л. 1.

⁵¹² О составлении сметы приходов и расходов на содержание казенных студентов // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 253. Д. 9. Л. 8 об.

⁵¹³ О составлении сметы приходов и расходов на содержание казенных студентов. Л. 9, об.

отчетности последующих лет, образовывавшиеся таким путем дополнительные расходы покрывались из резервных сумм университета с позволения попечителя.

Относительно ситуации с расходами на студентов в 1836 г. можно сказать, что как в тот, так и в другой год общая сумма затрат была непредсказуема, поскольку всегда находились новые статьи расходов. Так, 28 июля 1836 года от инспектора Нахимова в Правление университета поступила следующая записка: «...По сделанным в смете расчислению из ожидаемых на содержание воспитанников 69 000 руб. со всеми расходами в остатке 907 руб. сей суммы будет недостаточно для удовлетворения расходов, тем более, что ныне производится уже переделка и починка мебели и других работ в номерах студентов, которые вообще будут стоить <...> до 2000 рублей из экономической суммы»⁵¹⁴.

Университетские власти занялись этим вопросом, о чем свидетельствует выписка из журнала заседаний Правления, выданная Нахимову 21 сентября («Приказали о получении распоряжения на потребление 2000 руб. дать инспектору выписку из журнала»⁵¹⁵). Аналогичным образом и в следующем, 1837 году, сумма расходов на содержание казенных студентов, запланированная сначала в размере 60000 рублей из расчета 500 рублей на каждого «питомца» университета, была существенно превышена, составив в итоге 73443 рубля, которые и были потрачены на организацию их быта с согласия Правления и попечителя⁵¹⁶.

Суммы, из которых покрывались потребности казенномоштных учащихся, университет изыскивал, в первую очередь, из вносов своеокощтных учащихся и приватных слушателей за посещение лекций. Однако случались у ИМУ и другие источники доходов: например, при слиянии университета и Медико-хирургической академии императором и Сенатом было постановлено с 1 января 1846 г. всю сумму на содержание Академии (более 50 тыс. рублей

---

⁵¹⁴ О составлении сметы приходов и расходов на содержание казенных студентов. Л. 5–6.

⁵¹⁵ Там же. Л. 7.

⁵¹⁶ Об утверждении сметы на 1837 на содержание воспитанников Университета // ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 196. Л. 2–3.

серебром в год), а также остававшиеся на ее балансе деньги передать Московскому университету⁵¹⁷.

Суммы же, которые собирались инспектором за слушание университетских лекций, тратились, в свою очередь, не только на содержание казенных студентов. Полученные средства, как уже упоминалось, тратились университетом также на «вспоможение» бедным, но достойным по учебе и поведению своекоштным студентам, в форме единовременных пособий или стипендиальных выплат. При этом общий размер стипендии не мог превышать 143 рубля в год, единовременного пособия – 60 рублей⁵¹⁸.

Осенью 1847 г. Строганов и Уваров окончательно согласовали правила получения стипендий. В частности, получение стипендии или пособия могло быть назначено только тем студентам, «которые отличным поведением и хорошими успехами обратили на себя внимание начальства, а следовательно не прежде как со второго курса». Исключение из этого правила дозволялось только с согласия попечителя округа⁵¹⁹, также оно в части единовременных пособий касалось бывших гимназистов: «Студенты Гимназий Московского учебного округа, окончившие курс с отличием при похвальном поведении, могут пользоваться единовременными пособиями и на первом курсе [университета]. Назначение же им стипендий допускается лишь на общих основаниях не ранее как со второго курса⁵²⁰».

В тех же правилах назначения стипендий были прописаны и некоторые ограничения для их выдачи. Во-первых, единовременное пособие могло быть выплачено один раз за все годы обучения студента. Во-вторых, студенту, «получающему стипендию в каком бы то ни было количестве, единовременное пособие положено быть не может». Наконец, если студент по результатам

---

⁵¹⁷ Указ Правительствующему Сенату о дополнительном постановлении для Медицинского факультета Московского университета // ЖМНП. 1846. Ч. 49. Отд. I. С. 80.

⁵¹⁸ Положение о взимании платы за учение в средних и высших учебных заведениях. С. 83.

⁵¹⁹ О правилах назначения пособий студентам Московского университета из суммы, собираемой за право слушания лекций // ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 1150. Л. 2.

⁵²⁰ О правилах назначения пособий студентам Московского университета... Л. 2.

экзаменов не переводился на следующий курс, он терял право на получение и стипендии, и пособия⁵²¹.

Общая сумма трат ИМУ на выплаты стипендий и пособий, выделенная из взносов учащихся за посещение лекций, составляла обычно 2000 рублей, но в 1847 году с разрешения Строганова была увеличена до трех тысяч⁵²². Оставшаяся часть собранных денег могла расходоваться на содержание зданий и другие нужды университета в случае недостатка финансов, с разрешения попечителя и министерства⁵²³.

Кроме того, в рассматриваемую эпоху бывали случаи «полуказенного» содержания казенномокштных студентов, окончивших курс наук и ожидавших распределения на должности учителей от Министерства народного просвещения. Учащихся данной категории иногда временно оставляли в студенческом «общежитии», а вместо казенного содержания выплачивали им некоторое подобие стипендии. Так, в 1839 г. студентов-педагогов Добромыслова, Еленева и Никулина, оставленных в университете на год для «совершенствования в науках», по предложению попечителя решено было «поместить для жительства в кандидатских номерах и производить им положенные на воспитанников [Педагогического] института по 500 рублей в год каждому, прекратив содержание от казны». Кроме того, тем же решением Правления предписывалось «выдать помянутым студентам заимообразно из экономической студенческой суммы на обзаведение по 250 рублей, которые будут возвращены по определении их на учительские места⁵²⁴». Примечательно, что указанное пособие в 250 рублей в том году выплачено было всем выпускникам университета, получившим педагогическое образование.

---

⁵²¹ О правилах назначения пособий студентам Московского университета... Л. 2.

⁵²² Там же. Л. 9.

⁵²³ Положение о взимании платы за учение в средних и высших учебных заведениях. С. 83.

⁵²⁴ Об оставлении при университете студентов Добромыслова, Никулина и проч. // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 256. Д. 12. Л. 1.

В случае менее длительного оставления выпускников в университете применялся тот же подход. В июне 1843 г. проживание в университетских «нумерах» по предложению инспектора было продлено вместе с выплатой денежного пособия еще двоим будущим учителям: «Казённые студенты Иван Лавров и Акакий Юрашев окончили ныне курс наук по 1му отделению Философского факультета и удостоены звания действительного студента. А по случаю перемещения в скором времени казённых студентов на дачу содержание столом Лаврову и Юрашеву должно прекратиться, не угодно ли будет Вашему Сиятельству предложить правлению университета производить вышеозначенным студентам впредь до отправления их в учительские должности на содержание из положенных по штату на каждого воспитанника педагогических института денег 142 рубля 85 копеек серебром, с помещением их на жительство в кандидатских нумерах⁵²⁵».

Добровольное «смещение» студентов с казенного кошта также периодически случалось в последующие годы. В частности, в 1846 г. было установлено, что часть казеннокоштных студентов-медиков могла, с разрешения министра, становиться стипендиатами с выплатой им суммы, равной стоимости собственного содержания в университете⁵²⁶. Однако такой выбор был не всегда в пользу самих студентов – как отмечали многие мемуаристы, стипендиатам наравне со своекоштными учащимися приходилось организовывать свой быт самостоятельно, да еще и рамках достаточно скромной ежемесячной суммы.

Афанасьев писал об этих сложностях: «Большая часть студентов жила по квартирам, нанимая небольшую комнатку со столом и прислугою, иногда и чаем; некоторые жили весьма бедно; стипендии, выдававшиеся от университета, и

---

⁵²⁵ О продлении студентам Лаврову и Юрашеву казённого содержания // Ф. 459. Оп. 2. Д. 526. Л. 1–2.

⁵²⁶ Указ Правительствующему Сенату о дополнительном постановлении для Медицинского факультета Московского университета. С. 92.

уроки, если не могли ожидать присылок из дома от родителей, были единственными средствами им в жизни⁵²⁷».

С Афанасьевым соглашался и Шестаков: «Несмотря на увеличение той суммы, которая шла прежде на казеннокоштного студента, стипендиаты перебиваются кое-как⁵²⁸», и их условия жизни в Москве достаточно сложны. Одним словом, благополучию казеннокоштных студентов в плане бытовых условий жизни в университете завидовали и стипендиаты, и многие из небогатых своекоштных учащихся⁵²⁹, вынужденные также проживать в дешевых квартирах и оплачивать их из собственного кармана. Шестаков отмечал, что своекоштные студенты «живут в отдаленных от университета, нередко сырых, грязных наемных помещениях, <...> скучно питаются, теряют время на отыскание квартир, швеи, прачки...⁵³⁰».

Однако достойный быт для казеннокоштных студентов был налажен далеко не сразу, и еще в начале 1830-х гг. казенные «нумера» оставляли желать много лучшего. Так, В.Г. Белинский в своих письмах вспоминал, что в комнатах «общежития» жило по 15–19 человек, было очень холодно, и условия для работы и учебы были неподходящими⁵³¹.

В последующие годы для нужд казенных учащихся на территории ИМУ развернулось масштабное строительство. Университетом был приобретен Дом Пашкова, и для его «переделки» 23 апреля 1833 г. был создан особый строительный комитет под председательством Голохвастова с бюджетом до 12450 рублей ежегодно⁵³². Запланированная стройка предполагала значительные

---

⁵²⁷ Афанасьев А.Н. Указ.соч. С. 368.

⁵²⁸ Шестаков П.Д. Указ.соч. С. 664.

⁵²⁹ Феофанов А.М. Студенты казеннокоштные. С. 699.

⁵³⁰ Шестаков П.Д. Указ.соч. С. 664.

⁵³¹ Прозоров П. Белинский и Московский университет в его время (Из студенческих воспоминаний) // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1956. С. 102.

⁵³² Высочайший именной указ об учреждении в Москве Строительного комитета // ЖМНП. 1834. Ч. 1. С. VI–VII.

затраты, и уже в мае 1833 г. Голохвастов получил распоряжение на скорейшую закупку стройматериалов «экономическим образом» по рыночным ценам⁵³³.

Как упоминалось выше, идея Голохвастова об организации совместного для всех студентов «общежития» не была реализована, и в конечном счете Дом Пашкова был отдан под нужды учащихся Московского дворянского института (бывшего Благородного пансиона). Однако окончание обустройства Дома Пашкова не означало распуска университетского строительного комитета: в скором времени его существование было продлено Высочайшим повелением до 1838 г., а на 1837 г. было выделено еще 10920 рублей «из сметных сумм⁵³⁴», и в итоге здание в кратчайшие сроки и при существенной экономии казенных средств было успешно отремонтировано⁵³⁵.

Однако несмотря на немалые средства, потраченные на строительство и поддержание в порядке университетских зданий, с течением времени в них становилась менее комфортно учиться и жить. В самом конце рассматриваемой эпохи, в 1862 г. это признавали уже и сами университетские чиновники: Совет университета сетовал, что, хотя дополнительные деньги из казны на ремонт и постройку зданий выделялись, но в зданиях ощущалась нехватка оборудования и «ветхость» мебели, и в итоге Московский университет представляет из себя «здание обширное», но не особо удобное для учебы и научной работы⁵³⁶.

Мемуаристы пореформенной эпохи также отмечали, что здания и помещения ИМУ утратили былой лоск и более не были похожи на «храм науки». Свињин вспоминал: «Пока я окончательно не освоился со своим новым положением в Москве, мне университет представлялся храмом не только по внутреннему, но и по наружному виду: однако ближайшее знакомство с ним меня

---

⁵³³ О правилах, коими должен руководствоваться Строительный в Москве комитет // ЖМНП. 1834. Ч. 1. С. XII.

⁵³⁴ ЖМНП. 1836. Ч. 13. С. 6.

⁵³⁵ Состояние Московского университета и Московского учебного округа // Там же. 1835. Ч. 6. С. 48.

⁵³⁶ Соображения совета Московского университета о состоянии и нуждах университета относительно учебных пособий // Там же. 1862. Ч. 115. С. 27–28.

разочаровало. Я нашел, что внутренняя обстановка его не соответствовала его назначению. Так все в нем было незатейливо, неряшливо, просто, не исключая и самих кафедр <...>. Такое неряшество как-то неприятно бросалось в глаза и составляло резкий диссонанс с тем ореолом, которым окружено было для меня представление об университете. Аудитории филологического факультета располагались в каких-то катакомбах, слабо освещаемых небольшими окнами первобытной конструкции, а так называемые большая и малая юридические имели вид казарм; большая физическая будто выглядела поизящнее, но и та не выкупала общего невыгодного впечатления, производимого внутренней обстановкой университета⁵³⁷».

Впрочем, в середине 1830-х гг. условия жизни студентов в университете, напротив, стремительно менялись в лучшую сторону, и это обстоятельство было подтверждено даже представителями высшей власти. 22 ноября 1837 г. ИМУ посетил император Николай I вместе с цесаревичем Александром. Государь прошел по всем зданиям, комнатам университета и нашел условия содержания студентов «не только очень удовлетворительными, но и хорошими», и даже «изобильными в некотором отношении⁵³⁸», о чем попечитель Строганов с удовлетворением уведомил университетский Совет⁵³⁹.

Сами казенные студенты, особенно небогатые, были довольны своим материальным обеспечением в университете. Буслаев, которого до поступления в университет в возрасте 16 лет содержала небогатая мать, с тоской писал ей, что в университете он «беднее всех⁵⁴⁰», но хвалил прекрасные условия жизни на казенном коште: «Живя в нумерах, мы были во всем обеспечены, и, не заботясь ни о чем, без копейки в кармане, учились, читали и веселились вдоволь. Нашему

---

⁵³⁷ Свинин И.А. Указ.соч. С. 18.

⁵³⁸ Попов Н.А. Император Николай I в Московском университете в 1837 г. // Русская старина. 1883. Т. 39. С. 589–590.

⁵³⁹ О Высочайшем посещении Московского университета // ЦГА г. Москвы. Ф. 459 Оп. 2. Д. 185. Л. 3.

⁵⁴⁰ Афанасьев Э. Федор Иванович Буслаев // Буслаев Ф. О литературе: Исследования; статьи. М., 1990. С. 13.

довольству завидовали многие из своекоштных. Все было казенное, начиная от одежды до книг, и до сальных свечей, писчей бумаги, карандашей, чернил и перьев с перочинным ножичком»⁵⁴¹.

Университетское начальство, в свою очередь, хоть и ограниченное рамками выделявшихся казенных средств, действительно стремилось наладить быт и материальное обеспечение казеннокоштных студентов в университете. Наибольшей статьей расходов администрации относительно материального обеспечения студентов в первые годы после принятия нового Устава было их питание и содержание столовой: из указанной выше сметы в 69 000 руб. асс. В 1836 г. только на посуду, ремонт столовой казенных питомцев и «кухонные потребности» было выделено около 1800 руб.⁵⁴². При этом сама обеденная зала была внушительных размеров, предназначенной для размещения одновременно всех полутора сотен казенных питомцев: «Пить чай, обедать и ужинать мы спускались в нижний этаж, в громадную залу, в которой за столами, расставленными в два ряда, могли свободно разместиться мы все»⁵⁴³.

Убранство казенной столовой залы в университете тоже было достойным: в рапортах эконома, ответственного за закупку новых вещей для залы, упоминалась покупка дубовых столов и скамеек, серебряных ложек, ножей и «разливных» половников, присутствовали на столах серебряные же солонки, еще покупались оловянные миски, деревянная посуда... А с целью поиска оптимальных цен и закупки вещей в помощь к economy Правление университета могло отрядить и других лиц, таких как экзекутора или смотрителя университетской больницы⁵⁴⁴, что доказывает значительное внимание университетского начальства к нуждам студенческой столовой.

---

⁵⁴¹ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. М., 1897. С. 9.

⁵⁴² О составлении сметы приходов и расходов на содержание казенных студентов. Л. 8.

⁵⁴³ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. С. 7.

⁵⁴⁴ О ремонте вещей из столовой и комнат казенных студентов // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 254. Д. 15. Л. 5.

Значительным был и общий объем посуды, находившейся в распоряжении кухни, кормившей казенномкоштных студентов. Так, Правление университета 3 мая следующего, 1837 года слушало «рапорт эконома Валронта от 28 минувшего апреля <...>, коим просит разрешения вылудить всю находящуюся в казенной кухне медную посуду, весом 18 пудов, с представлением данной московским мещанином Гаврилою Калининым подписки, которой обязывается он вылудить ту посуду по 3 рубля ассиг. за каждый пуд»⁵⁴⁵.

Однако, несмотря на неоднократные уверения, что посуда для студенческой столовой – как отремонтированная, так и новая купленная – должна быть «наилучшего качества», видимо, цена за лужение была назначена не очень высокая, и Калинин от сделки отказался, поскольку 23 августа того же 1837 г. Правление слушало новый рапорт Валронта, уже с просьбой выделить деньги на лужение посуды «цеховым Гаврилой Журавлевым». Правление вновь согласилось с предложением о лужении посуды, а «засвидетельствование» проделанной работы возложило на плечи инспектора студентов⁵⁴⁶. Впрочем, ввиду бюрократически проволочек, только в декабре того года помощник инспектора Клименков засвидетельствовал, что лужение посуды «необходимо нужно», и правление выдало, наконец, Валронту 54 руб. на эти нужды⁵⁴⁷.

Регулярными заботами эконома были также закупки новых необходимых вещей для столовой залы: в «Выписке из журнала Правления» о заседании 26 августа 1837 г. значится обсуждение его рапорта «О представлении ведомости о заготовлении некоторых вещей вновь и починке старых, по случаю увеличивающегося числа казенных студентов до 150 человек». Покупка и починка вещей обошлась на сей раз в 190 руб. 44 коп. ассигнациями, что следует из «подписок» торговцев⁵⁴⁸.

---

⁵⁴⁵ О ремонте вещей из столовой и комнат казенных студентов. Л. 1.

⁵⁴⁶ Там же. Л. 2.

⁵⁴⁷ Там же. Л. 7.

⁵⁴⁸ Там же. Л. 3.

Впрочем, стремясь снабдить студентов всем необходимым, университет не мог позволить себе входить в чрезмерные расходы. По этой причине заявляемые ИМУ цены на «наилучшего качества» вещи для студентов были, по всей видимости, не слишком высоки, так как нередкими были случаи отказа продавцов мебели и разной утвари от заключения договоров на поставку вещей в университет. Так, некий мещанин Иванов, обещавшийся в 1837 г. поставить для столовой несколько приборов медной и бронзовой посуды, «подписки не дал», и сделка не состоялась⁵⁴⁹. Эконом сообщал при этом в Правление, что «мелочная покупка» за наличные деньги порой выходит дешевле, что позволяет экономить казенные средства из «студенческих сумм»⁵⁵⁰.

Что касается питания казенномоштных студентов, следует сказать, что администрация университета всегда пыталась найти хорошие продукты по умеренным ценам. В частности, об этом свидетельствует выписка из журнала Правления конца 1838 г., из которой следует, что университетские чиновники «...находят цены на поставку в будущем 1838 г. съестных припасов для студентов не совсем выгодными»⁵⁵¹. В связи с этим присутствовавший на заседании попечитель предложил сделать распоряжение о приобретении в 1838 г. «всех значащихся в сравнительной ведомости съестных припасов, кроме мясной провизии, на которую Его Сиятельство предложил провести ректору 28-го текущего декабря новую переторжку. Во исполнение того ректор сделал распоряжение о вызове через Московские ведомости желающих принять на себя поставку для университета в 1838 г. мясной провизии»⁵⁵².

В итоге частный вопрос об экономии средств на закупке продовольствия оказался настолько важным, что к его решению подключился и попечитель, чье распоряжение было в итоге выполнено: «Приказали предложение попечителя

---

⁵⁴⁹ О ремонте вещей из столовой и комнат казенных студентов. Л. 5.

⁵⁵⁰ Там же. Л. 4 об.

⁵⁵¹ О заготовке продуктов для казенных студентов // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 254. Д. 47. Л. 1.

⁵⁵² Там же. Л. 1 об.

принять к надлежащему исполнению, объявив о том вновь титулярному советнику Воробьеву и уведомить инспектора⁵⁵³».

При всей экономии казенных средств, организация и качество питания казенных питомцев университета применительно к 1830-м–1840-м гг. следует признать удовлетворительным – по крайней мере, так оно оценивается в мемуарной литературе. Буслаев вспоминал об университетских обедах: «Кормили нас недурно. Мы любили казенные щи и кашу, но говяжьи котлеты казались нам сомнительного достоинства, хотя и были сильно приправлены бурой болтушкою с корицей, гвоздикой и лавровым листом. Из-за этих котлет случались иногда за обедом истории, в которых действующими лицами всегда были медики. Дело начиналось глухим шумом, субинспектор подходит спрашивает в чем дело. Ему жалуются на эконома, который кормит падалью <...> Обвиняемый является в суд, и начинается расправа, которая обыкновенно ни к чему не приводила⁵⁵⁴».

В отличие от своих товарищей на казенном коште своекоштные студенты питались за свой счет, потому питание небогатых учащихся на городских квартирах во многих случаях нельзя назвать полноценным и регулярным. Полонский вспоминал, что в студенческие годы «случалось иногда и совсем не обедать, довольствуясь чаем и пятикопеечным калачом⁵⁵⁵». Дешевые квартиры с отвратным питанием и «скудность» принимавшейся пищи отмечал и Шестаков⁵⁵⁶.

Впрочем, иногда своекоштным учащимся удавалось совместными усилиями неплохо устроить свой быт и организовать полноценное питание. Учившийся в ИМУ в 1830-х гг. Костенецкий рассказывал: «Обед и ужин у нас состоял из трех блюд, а утром и вечером чай с белым хлебом или сухариками. Часто у нас обедал кто-то из товарищей, а к вечернему чаю приходило их и по несколько, и все это содержание, с отоплением, мебелью и мытьем белья стоило нам в месяц на

---

⁵⁵³ О заготовке продуктов для казенных студентов. Л. 1.

⁵⁵⁴ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. С 11.

⁵⁵⁵ Полонский Я.П. Мои студенческие воспоминания.

⁵⁵⁶ Шестаков П.Д. Указ.соч. С. 663–664.

каждого квартиранта по тридцать рублей ассигнациями. Так было в то время все дешево в Москве⁵⁵⁷».

Проживавший на городской квартире студент тех времен предпочитал пищу простую, но сытную и по возможности дешевую – если казенных студентов кормили щами и кашами, то своеокощтные учащиеся нередко предпочитали горячий борщ. Свинин объяснял эту привязанность к традиционному кушанью в своих воспоминаниях: «Интересно пояснить почему именно борщ являлся излюбленным блюдом в невзыскательном столе студентов. Здесь всегда был тонкий расчет, в состав этого блюда входило несколько ингредиентов – говядина, ветчина, сосиски и сметана, при химическом анализе которых получалось несколько блюд, составляющих полный гастрономический обед⁵⁵⁸».

В свою очередь, казеннокоштные студенты не были свободны в выборе блюд и напитков, которыми их будут кормить за государственный счет. Университетское же начальство в своем стремлении к экономии порой прибегало к мелочной регламентации студенческого стола. Так, однажды Правление университета сообщило попечителю, что «вместо употребляемого казёнными студентами сбитня выдан был им экономом чай, полагая на человека 2 золотника самого лучшего сахару <...>, на 8 человек 2 с половиной золотника ординарного чаю⁵⁵⁹».

Далее выяснилось, правда, что ежедневный чай с сахаром для студентов выходил несколько дороже, чем сбитень, однако инспектор успокоил Правление, что даже в случае перехода на чай расходы на питание одного казенного студента в сутки не будут превышать назначенной суммы в 55 копеек⁵⁶⁰. Примечательна и реакция попечителя на доклад университетских властей: Строганов согласился с предложением, но настоял, чтобы количество употреблявшегося чая «никак не превышало» назначенных для каждого студента 55 коп. в сутки⁵⁶¹.

---

⁵⁵⁷ Костенецкий Я.И. Указ.соч. С. 117.

⁵⁵⁸ Свинин И.А. Указ.соч. С. 26.

⁵⁵⁹ О перемене сбитня для казённых студентов на чай с сахаром // ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 93. Л. 1.

⁵⁶⁰ Там же.

⁵⁶¹ Там же. Л. 2.

Очевидно, далеко не всем учащимся нравился мелочный контроль в вопросах питания и в целом быта в университетских стенах. Так, довольно критически о внутриуниверситетском распорядке отзывался Шестаков: «Инспектор думать студентам запрещал. Посмотрели бы Вы на жизнь казенных студентов. В казенных номерах все велось по установленным правилам: сказано было когда вставать утром, когда пить чай, обедать, ужинать и когда ложиться спать. Залежавшихся в постели утром поднимал субинспектор, засидевшихся далее урочного часа в своем номере вечером хотя бы за делом, тот же субинспектор посыпал спать. Во время лекций субинспектор обходил номера и отсылал в университет студентов, не пошедших на лекции. Казенным студентам, которые хотели заниматься не в урочный час позволялось сидеть не в номере, а в студенческой библиотеке, в номерах же огни гасились в 11 часов⁵⁶²».

Помимо полноценного питания, администрация обеспечивала казенных студентов одеждой и обувью – без казенного кошта многие из небогатых учащихся не имели бы возможности обеспечить себя сами даже этим⁵⁶³. Этот вывод Л.И. Насонкиной основан на многих свидетельствах мемуаристов о трудностях жизни бедных студентов в Москве того времени. Примечательную подробность применительно к студенчеству 1840-х гг. приводит Полонский: «Нисколько не жалуюсь на то, что в Москве не было у меня ни семейного очага, ни постоянной квартиры и ничего, кроме дорожного старого чемодана. Были студенты, которые испытывали не только бедность, но и нищету; они жили в окрестностях Москвы и в университет ходили по очереди, так как у двоих была одна только пара сапог⁵⁶⁴».

Для казенных же питомцев не только покупались новые вещи, но и периодически заботливо чинились старые. К примеру, в 1845 г. встал вопрос о массовой починке студенческих шляп и сапог, и инспектор писал попечителю следующее: «Из числа употребляемых казенными студентами и пансионерами форменных шляп, большую часть, а именно 122 шляпы и шпаги необходимо

⁵⁶² Шестаков П.Д. Указ.соч. С. 642.

⁵⁶³ Насонкина Л.И. Указ.соч. С. 32.

⁵⁶⁴ Полонский Я.П. Мои студенческие воспоминания.

исправить. Для чего приглашаемы были мною мастера, которые обязуются привести в исправный вид шляпы – крестьянин Иван Карнаухов по 37 коп. серебром и шпаги московский купец Василий Невежина 40 коп. за каждую. Итого 87 руб. 14 коп»⁵⁶⁵. В Правлении университета заслушали дело, приказали допустить крестьянина и купца к починке, по завершении работ донести об этом Правлению «для освидетельствования их и удовлетворения означенных лиц деньгами»⁵⁶⁶.

Затраты на предметы собственно одежды студентов также были значительными: согласно смете 1836 г., в числе прочих вещей «положено сшить для казенных студентов 138 халатов, на пошив коих приискал московского купца Белоусова, который последнюю цену объявил по 13 руб. 40 коп. за каждый, дешевле этой цены никто не соглашался»⁵⁶⁷. Правление оставило дело на усмотрение попечителя, дав выписку из журнала заседаний инспектору⁵⁶⁸.

Обеспечение казенных студентов качественной одеждой и обувью имело еще и тот смысл, что таким способом предотвращались случаи простудных заболеваний в университете, особенно в холодный сезон. В ноябре 1840 г. инспектор Нахимов по этому поводу разъяснял Правлению университета следующие обстоятельства: «Для казенных студентов и пансионеров поставляются по образцам сапоги и калоши из нового товара, а подошвы употребляются полуварьные глянцевые. Положено на каждого студента – новых сапог 2 пары <...>, и 1 пара калош. Количества сего недостаточно на весь год, так что в последние месяцы года студенты, которые не имеют возможности сшить добавочную обувь, донашивают сапоги и калоши в заплатках и с худыми подошвами, от чего часто получаются они простудными. Для устранения нахожу необременительным иметь ежегодно на каждого студента 3 пары новых сапог и 1

---

⁵⁶⁵ О починке студенческих шляп и сапог // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 262. Д. 31. Л. 1.

⁵⁶⁶ Там же. Л. 2.

⁵⁶⁷ О составлении сметы приходов и расходов на содержание казенных студентов. Л. 15–16.

⁵⁶⁸ Там же.

пару калош⁵⁶⁹». Кроме того, тем казенным студентам (их Нахимов насчитал около трети от общего количества), у кого калоши оказывались в конце года «очень худы», инспектором с разрешения Правления выдавалась пара «добавочных»⁵⁷⁰.

Уход, хранение и ремонт одежды, предназначавшейся казенным питомцам университета, также были на контроле у администрации. Одежда казеннокоштных студентов хранилась в «больших гардеробных шкафах» в одной большой зале, периодически проверялась и подлежала регулярной починке и чистке без всяких усилий студентов, вплоть до того, что возникало ощущение, что пуговицы «сами пришивались к мундиру»⁵⁷¹.

Однако в подходе университетского начальства к обеспечению студентов одеждой также проглядывает отмеченная выше двойственность. С одной стороны, университетские власти стремились уважительно отнестись к личности и здоровью студента в этом вопросе, с другой – пытались сэкономить, стесненные узкими рамками казенных средств. Прекрасный пример такого отношения приводится в послании инспектора студентов Нахимова попечителю в начале октября 1837 г. Нахимов разъяснял Строганову сложности, связанные с распределением суммы в 500 руб., причитавшейся в год на каждого студента:

«Расход этот ведется надлежащим образом, в обмундировании же встречается затруднение, потому что из 500 руб. положено на белье (которому срок кончается 1 июля) около 50 руб. и на верхнюю одежду, как то на вице-мундир с брюками (которым также срок кончается ежегодно 1 июля) 42 руб., а мундир с брюками, выдаваемый на два, шинель на четыре года (коим срок оканчивается в следующих годах) обходятся около 100 рублей; и поступившему на место уволенного, примерно 1 июля сего года, белье и вице-мундир сшить можно, так как и на уволенных следовало шить 1 июля же, и назначенные на это по смете 92 руб. не израсходованы еще, мундира же с брюками и шинели шить

---

⁵⁶⁹ Дело о прибавках для казеннокоштных студентов // ЦГА г. Москвы Ф. 418. Оп. 257. Д. 17. Л. 1.

⁵⁷⁰ Там же.

⁵⁷¹ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. С. 9.

поступившему на место уволенного нельзя в течение долгого времени, пока оканчивается срок этим вещам, сшитым на предшественника его, потому что по смете назначено на такое платье одного только студента 100, а два студента, пробывшие один с января по июль, а другой с июля по январь, считаются за одно лицо, пробывшее на казенном коште целый год»⁵⁷².

Действительно, еще в предшествовавшее Уставу 1835 г. десятилетие сложилась практика выдачи студенческих сюртуков на год, а шинелей – на весь период обучения, и тогда же возникали трудности, связанные с тем, что казенная одежда выходила из строя раньше положенного срока⁵⁷³. Теперь же продление сроков обучения вместе с постепенным расширением казенного кошта вынуждали инспектора к поиску выхода из этого сложного положения. Поскольку в сложившейся ситуации выдавать поступившему на казенный кошт старое платье, оставшейся от «уволенного», инспектор находил «весыма неприличным», он просил попечителя о выделении дополнительных денег на покрытие «сверхштатных расходов» на шитье дополнительной одежды⁵⁷⁴.

При этом в подобном же расхождении в отношении шинелей, выдававшихся на 4 года при сроке обучения студентов-медиков в 5 лет, инспектор находит «весыма полезным» выдавать им новые шинели из цейхгауза, «и давать их носить находящимся в университете 5 год, с возвращением по окончании ими курса обратно в цейхгауз», а следующему пятому курсу медиков выдавать поношенные шинели⁵⁷⁵, и так до окончания их «срока годности».

Дело здесь уже не только в ограниченности средств, но и в том, что финансовый год университета в николаевскую эпоху совпадал с календарным, но не с учебным, в рамках которого осуществлялось и зачисление студентов в

---

⁵⁷² О выдаче платья и белья казённым студентам, оставляющим университет по каким-либо причинам // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 254. Д. 32. Л. 1–2.

⁵⁷³ Об этом подробнее см.: Феофанов А.М. Студенты Московского университета в городском пространстве (XVIII – начало XIX века) // Вестник университета Дмитрия Пожарского. 2014. № 1. С. 155.

⁵⁷⁴ О выдаче платья и белья казённым студентам. Л. 2 об.

⁵⁷⁵ Там же. Л. 4.

университет, и перевод на казенный кошт. Впрочем, в 1836 г. инспектору удалось согласовать перенос «постройки» платья и обмундирования для казеннокоштных учащихся с января на июль, когда они переводились на казенное содержание⁵⁷⁶.

Примечательно при этом, что университетские «студенческие суммы» предусматривали организацию совместного отдыха казенных студентов в период летних «вакаций». Для их отдыха и поправки здоровья во второй половине 1830-х гг. Университет нанимал большую дачу под Москвой. Первый такой случай удалось обнаружить в архивных документах применительно к лету 1838 года: «Правление университета на основании предложения от г. попечителя от 17 апреля 1838 года приказало выдать тайной советнице Писаревой за наем у нее на наступающее лето для жительства студентов дачи под названием Самарова гора 1500 руб асс. <...>, economy Воробьёву на снабжение этой дачи необходимыми для жительства вещами 500 рублей асс. из студенческой суммы⁵⁷⁷».

Заботы администрации по организации летнего отдыха казенных питомцев в следующем году начались заблаговременно, еще зимой. 2 февраля 1839 г. инспектор Нахимов писал попечителю: «По приказанию Вашей Светлости я принял для казенных студентов на вакационное время дачу, называемую Самарова гора <...>, в прошлом 1838 г эта самая дача была нанимаема за 1500 руб. асс.⁵⁷⁸». Министерство и попечитель традиционно приняли согласованные Нахимовым условия найма дачи и 28 февраля уведомили Нахимова о «согласии на наем для казенных студентов и пансионеров дачи близ Перервинского монастыря, называемую Самарова гора, принадлежащей купцу Федору Филиппову за 1500 руб., предписав выплатить ему в свое время из студенческой суммы и выдать из сего источника на необходимый переход студентов расходы и для заготовления нужных вещей 500 р.⁵⁷⁹».

⁵⁷⁶ О постройке одежды и других вещей для казённых студентов университета и о сроках для сего // ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 70. Л. 1–2.

⁵⁷⁷ О найме дачи для казённых студентов у тайной советницы Писаревой // Ф. 418. Оп. 255. Д. 17. Л. 1.

⁵⁷⁸ О найме дачи для казеннокоштных студентов // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 256 Д. 32. Л. 1.

⁵⁷⁹ Там же. Л. 2.

Ближе к лету, в мае 1839 г., инспектор был озабочен уже рядом других проблем, связанных с переездом студентов на дачу. В своей докладной записке попечителю округа он испрашивал деньги на связанные с ним нужды: «Для перевозки в прошедшем году на дачу студенческих вещей по 3 руб. с каждого и по 3 руб. 50 коп. с сажени дров на содержание на даче 2 лошадей, для доставления провизии и прочих потребностей со всего управления с 2 работниками по 90 руб. асс. на каждого<...> Ныне прошу по 3,50 с воза студенческих вещей и с сажени дров, а на содержание 2 лошадей с работниками по 105 руб. асс. на каждого⁵⁸⁰». Несмотря на небольшое увеличение стоимости переезда, деньги были выделены.

Традиция найма студенческой дачи на время каникул давала о себе знать и в последующие десятилетия. Так, в мае 1843 г. ректор ИМУ докладывал попечителю о найме новой дачи севернее Москвы: «...приискана на вакационное время по примеру прошедших лет по петербургскому тракту в селе Петровском дача на расстоянии 17 верст от Москвы, принадлежащая действительно статской советнице Екатерине Григорьевне Путятиной за 342 рубля 85 копеек серебром, а для перевозки на оную студентов, столовых и кухонных вещей, для содержания двух лошадей приторгован возчик, выпросивший цену 285 рублей, а всего предполагается расходов до 630 рублей серебром». Примечательно, что ректор прямо указывает цель всех этих трат и начальственных усилий: дача нанимается «для поправления расстроенным казённым студентами и пенсионерами здоровья⁵⁸¹».

В течение учебного года с целью основательного мытья и личной гигиены казенные студенты организованно посещали общественные бани. Мыться в бане было принято раз в две недели, и каждому казеннокоштному студенту перед походом в баню выдавался кусок мыла в четверть фунта весом⁵⁸². Казеннокоштные студенты 1830-х гг. посещали бани купца Горячева, располагавшиеся за Каменным

---

⁵⁸⁰ О найме дачи для казеннокоштных студентов. Л. 4.

⁵⁸¹ О найме дачи для студентов Московского университета // ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 525. Л. 1.

⁵⁸² Пономарева В.В. Указ.соч. С. 349.

мостом, на набережной Москвы-реки, где стоимость посещения с человека равнялась 22 копейкам. Соответственно, «удовлетворению» из университетской казны подлежали расходы купца на допуск в баню студентов.

Архивные данные свидетельствуют, в частности, что с мая по август 1834 г. студенты побывали в бане 379 раз, и Горячеву причиталось за это 83 р. 38 коп., которые и предлагалось покрыть в прошении инспектора Нахимова вправление Канцелярии. Также он просил «ассигновать» ему 400 рублей на данные расходы наперед⁵⁸³, с чем Правление университета и согласилось, дав соответствующее распоряжение кассиру⁵⁸⁴, что указывает на стабильность и повторяемость данной процедуры по найму бани для студентов за казенный счет.

Для самого купца Горячева оказание услуг Университету оказалось, видимо, весьма выгодным делом, так как еще в 1844 г. он продолжал допускать студентов мыться в свои бани, попутно выиграв конкуренцию у некоего «купца Смирнова», также претендовавшего на казенный заказ⁵⁸⁵. Более того: в 1848 г. Горячеву разрешили построить отдельную баню сугубо для нужд казенных студентов ИМУ⁵⁸⁶.

Все эти заботы о здоровье, гигиене, отдыхе казенных студентов резко контрастировали с существованием многих своекоштных учащихся в тогдашней Москве. Если казенные питомцы могли всегда рассчитывать на пару исправной обуви, комплект белья и теплой одежды, то Полонский вспоминал, что «пока бабушка была жива, я был обеспечен, но и тогда денег у меня не было, я ходил в университет пешком и зимой в самые сильные морозы в одной студенческой шинели и без галош⁵⁸⁷».

---

⁵⁸³ О выдаче денег на наем бань для студентов, находящихся на казенном содержании // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 252. Д. 3. Л. 1.

⁵⁸⁴ О выдаче денег на наем бань для студентов, находящихся на казенном содержании. Л. 2.

⁵⁸⁵ О найме у купцов Смирнова и Горячева бань для казенных студентов // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 260. Д. 17. Л. 1–2; О найме у купца Горячева бани для казенных студентов и пансионеров // Там же. Оп. 261. Д. 65. Л. 1.

⁵⁸⁶ О разрешении купцу Горячеву построить баню для казенных студентов // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 265. Д. 79. Л. 1.

⁵⁸⁷ Полонский Я.П. Мои студенческие воспоминания.

Он же вспоминал о совсем вопиющем случае студенческой нищеты: «Во время пребывания у князей Мещерских редко получал я письма, но одно из них, из Москвы, огорчило и потрясло меня: некто студент медицинского факультета Малич, греческого происхождения, писал мне на клочке бумаги, что остался без квартиры, ночует на бульварных скамейках и, умирая с голоду, гложет кости скелетов». Будущий поэт попытался помочь бедствовавшему товарищу, хотя и сам был стеснен в средствах: «Я немедленно послал ему все мое месячное жалованье, около пятидесяти рублей, и послал нарочно через руки одного близкого мне знакомого богатого человека Геннади, также греческого происхождения, чтоб он, получив эти деньги, выдал их М-чу (которому он протежировал) собственоручно; этим поступком мне хотелось уязвить его⁵⁸⁸».

Неприятности, связанные с наемными квартирами близ университета, преследовали и Шестакова. Об одном из «квартирных» происшествий он вспоминал: «Мы с товарищем из гимназии поселились на квартире вместе. Хозяйка брала со всех нас деньги вперед за проживание и стол. Через три месяца после поселения приходим домой после лекций, как обыкновенно голодные и узнаем, что наша хозяйка еще утром отправилась в больницу и даже за квартиру хозяину дома не заплатила. Хозяин дома, поняв, что мы потеряли больше него, позволил нам жить до приискания квартиры. И в этом безотрадном положении мы жили – не тужили⁵⁸⁹».

Далее мемуарист сообщал, что с сентября по июнь того же года «мы вынуждены были безо всякой нашей вины переменить семь квартир⁵⁹⁰» – Шестаков с соседями-студентами были недовольны то холодом, то завышенными ценами, то плохим питанием на съемных квартирах, а также обманом со стороны хозяев и прочими сложностями «вольной» жизни учащихся в Москве того времени.

---

⁵⁸⁸ Полонский Я.П. Мои студенческие воспоминания.

⁵⁸⁹ Шестаков П.Д. Указ.соч. С. 643.

⁵⁹⁰ Там же.

Впрочем, в скором времени Шестакову удалось попасть на казенный кошт, и он с радостью освободился от квартирных злоключений. Распорядок и условия жизни в стенах университета он нашел вполне подходящими для студента: «С поступлением меня на казенный кошт мои учебные занятия пошли правильнее, так как мне не нужно было хлопотать о мелких заботах. Эти казенные номера приносили учащейся молодежи громадную пользу. Мы жили в сухом, чистом, светлом, прекрасно вентилируемом помещении, в этом же помещении была студенческая библиотека, в которой проводились вечера, концерты, даже танцы устраивались между собой. Жили весело, хорошо, с пользой. Какая огромная разница с жизнью студентов-стипендиатов⁵⁹¹».

Пожалуй, наиболее полное описание бытовых условий жизни казеннокоштных студентов оставил Буслаев, который, как указывалось выше, не мог позволить себе жить на наемной квартире и потому воспринимал жизнь в стенах университета как огромное благо и удобство для учащихся: «Общежитие наше называлось не бурсою, как тогда было принято в семинариях, и не институтом, как были тогда дворянский и педагогический институты, а просто казенными номерами. Помещалось в них по комплекту в полтораста человек, а именно, сто студентов медицинского факультета и пятьдесят человек философского, разделявшегося тогда на два отделения – на словесное и физико-математическое. Номеров было около пятнадцати. Один подряд для медиков, другие <...> для остальных пятидесяти студентов. Наше общежитие занимало верхний этаж, лекции читались под нашими номерами⁵⁹²».

Устройство студенческого общежития казалось Буслаеву вполне разумным, а условия – комфортными для учебы и отдыха: «В номерах мы проводили весь день и вечер, до 11 часов, а спать уходили в дормитории, которые были значительно больше наших номеров и находились в правом крыле университетского здания,

---

⁵⁹¹ Шестаков П.Д. Указ.соч. С. 664.

⁵⁹² Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. С. 6.

если смотреть со стороны Моховой. Номера и спальни тянулись по обе стороны коридора, который тянулся по всему зданию от левого крыла до правого⁵⁹³».

Отмечал ученый в своих воспоминаниях и организацию ежедневных гигиенических процедур, которые помимо банных дней должны были поддерживать здоровье обитателей казенных «нумеров»: «Между дортуарами и номерами была большая зала, в которую мы, проснувшись, выходили умываться. Вдоль стен стояли сплошные гардеробные шкафы с нашим платьем и бельем, а посредине – две громадные посудины. На каждой в виде огромного самовара или паровика резервуар для воды, которую умывающийся добывал, поднимая и опуская вложенный в отверстие ключ⁵⁹⁴».

Стоит отметить, что идеальная картина казенного «общежития», написанная Буслаевым, имела отношению уже к достаточно благополучной в бытовом плане эпохе, не сравнимой с мрачными и тесными условиями жизни студентов рубежа 1820-х–1830-х гг. Усилиями университетских властей быт казенных студентов постепенно улучшался. К середине 1830-х гг. уменьшилось количество проживавших в одной комнате, сами помещения стали лучше отапливать. Один из казенных студентов отмечал, что во время его учебы в 1850-х гг. особенно тщательно следили за чистотой и исправностью всего, что находилось в жилом крыле университета. В частности, там повсюду были паркетные полы, которые «исправно раз в неделю лощились и натирались», и все это «имело весьма опрятный вид⁵⁹⁵».

Материальное обеспечение быта казенных студентов во времена Буслаева также было весьма основательным, позволявшим студентам спокойно учиться и заниматься науками, не задумываясь о бытовых мелочах: «Живя в номерах, мы были обеспечены всем необходимым. Нашему довольству завидовали многие из

---

⁵⁹³ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. С. 7.

⁵⁹⁴ Там же.

⁵⁹⁵ Воспоминания, мысли и признания человека, дожившего свой век смоленского дворянина // Русская старина. Т. 84. 1895. № 12. С. 141.

своекоштных. Все было казенное, начиная от одежды и книг, до сальных свечей, писчей бумаги, карандашей, чернил и перьев с перочинным ножичком⁵⁹⁶».

В приведенном списке особенно примечательным является снабжение студентов свечами, необходимыми для работы за письменным столом в те времена. Более того – свечи выдавались в таком количестве, что их можно было отложить про запас или поделиться с товарищами. Буслаев вспоминал: «В нашем номере был только один запасливый студент, из математиков. Он как-то ухищрялся экономить свои сальные свечи, держал их в своем столе порядочный запас и ссужал того из нас, у кого не хватало свечи⁵⁹⁷».

К сожалению, далеко не все «вольные» студенты могли позволить себе тратить достаточное количество свечей, о чем писал Свињин в эпоху, последовавшую за отменой системы казенного содержания в конце 1850-х гг.: «Высшая степень студенческой нищеты выражалась обыкновенно в отсутствии осветительного материала. Студент любил, чтобы на душе у него всегда было светло, и никакая тучка не заслоняла его горизонта. Тогда дешевый керосин еще мало был распространен, освещение осуществлялось посредством свеч, по большей части сальных, так как стеарин составлял удел немногих⁵⁹⁸».

Немаловажным фактором в жизни казенных студентов было и то обстоятельство, что они были избавлены от необходимости добираться до университета – им достаточно было спуститься на один этаж, чтобы попасть в лекционные аудитории. Лекции начинались обычно в 9 часов утра, когда в движение приходила «вся деловая Москва⁵⁹⁹», и путь на занятия своекоштных студентов и стипендиатов мог быть достаточно долгим.

Университет стремился обеспечить все бытовые условия для исполнения студентами своей главной функции – достойно учиться. Для этих целей применительно к казеннокоштным студентам существовала их отдельная

---

⁵⁹⁶ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. М., 1897. С. 9.

⁵⁹⁷ Там же.

⁵⁹⁸ Свињин И.А. Указ.соч. С. 70.

⁵⁹⁹ Пономарева В.В. Указ.соч. С. 358.

библиотека, которая располагалась на верхнем этаже. По состоянию на 1855 г. она состояла из 2872 сочинений в 4948 томах, а также девяти периодических изданий. Собрание «было основано приношениями Университетских профессоров и некоторых частных лиц»⁶⁰⁰ и было достаточно для повседневных занятий казеннокоштных учащихся.

В целом, еще в начале изучаемой эпохи министерство Уварова тратило значительные суммы на учебные пособия для студентов ИМУ. 29 ноября 1834 г. было высочайше утверждено выделение 220700 рублей на покупку книг для библиотеки, а также пособий для химической лаборатории и физического кабинета университета⁶⁰¹. Правда, большая часть приведенной выше колоссальной суммы была потрачена на лаборатории и оборудование к ним, а траты на собственно студенческую библиотеку были в 1830-х гг. намного скромнее. Так, выписка из заседания Правления университета от 7 февраля 1835 г. подтверждает, что на покупку книг за 1831–1835 гг. истрачено 570 руб. «монетою». В 1835–1839 гг. потрачено еще меньше – 123 руб. 25 коп⁶⁰².

При этом следует сказать, что студенческая библиотека могла наполняться книгами и без их покупки. Механизм наполнения учебной библиотеки хорошо проясняют архивные документы. Так, в феврале 1835 г. решением Правления туда отправился один из двух подаренных университету экземпляров книги статского советника Вегельбаха «Дань удивления памятнику императора Александра I»⁶⁰³.

Присылались в студенческую библиотеку, конечно, и научные книги. Например, из присланных в том же году департаментом Министерства народного просвещения книг библиотека пополнилась экземпляром сочинения Дерптского профессора Ледебура «Описание алтайских растений». Правда, казенным

---

⁶⁰⁰ Шевырев С.П. История Императорского Московского университета. С. 519.

⁶⁰¹ О пополнении учебных пособий Московского университета // ЖМНП. Ч. 4. С. 60.

⁶⁰² О выписке книг для казенных студентов и их библиотеки // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 252. Д. 9. Л. 6–7.

⁶⁰³ Там же. Л. 1–2.

студентам достался экземпляр с «нераскрашенными фигурами», а цветной отправился в общеуниверситетскую библиотеку⁶⁰⁴.

Кроме того, периодически составлялись сметы затрат на необходимые студентам учебные пособия. Книги из библиотеки могли также раздаваться на руки по воле университетского начальства, как случилось с 23 из 109 экземпляров медицинского учебника, переданным в пользование медицинским казенным воспитанникам. Инициатива исходила от профессора Е.О. Мухина, посчитавшего необходимой такую меру в ходе своих лекций⁶⁰⁵.

Еще одним обстоятельством, характерным для ИМУ и других университетов Российской империи на протяжении всех изучаемых десятилетий, являлась свободная выписка научных и учебных изданий из-за рубежа. По крайней мере, даже в 1848 году, знаменовавшим начало сложного периода в истории университетов, было подтверждено их право получать книги из-за рубежа не только без цензуры, но и без уплаты таможенных пошлин⁶⁰⁶.

Книги в библиотеке для студентов периодически проверялись на предмет количества и степени сохранности. Выписка из журнала университетского Правления от 10 августа 1853 г. рисует следующую картину ревизии книг: «Слушали донесение заведующего студенческой библиотекой Штейнберга о том, что 21 марта 1852 г. поручено было ему приять к заведованию библиотеку казенных студентов, в следствии чего проверяя книги по печатному каталогу и спискам и 8-ми дополнительным спискам доставленных ему Клименковым⁶⁰⁷ он составил 2 списка:

- 1 – пришедших в ветхость;
- 2 – не упоминающихся в печатном каталоге.

---

⁶⁰⁴ О выписке книг для казенных студентов и их библиотеки. Л. 10, 22.

⁶⁰⁵ Там же. Л. 21–22.

⁶⁰⁶ Об обложении пошлинами привозимых из-за границы иностранных книг // ЖМНП. 1848. Ч. 59. С. 102–103.

⁶⁰⁷ С.И. Клименков - помощник инспектора студентов в 1850-х гг., бывший начальник библиотеки казенных студентов. О нем см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. М., 1855. Т. 1. С. 415–419.

[Штейнберг] просит разрешения исключить из каталога книги первого списка, как ни к чему не годные, а означенные во втором списке внести в каталог библиотеки <...>. [Он] просит разрешения также исправить замеченные погрешности в каталоге^{608».}

Благодаря деятельности того же Штейнberга известны и сравнительные затраты на наполнение студенческой библиотеки по различным специальностям. Выписка из журнала Правления университета от 24 августа 1853 года сообщает: «Слушали донесение Штейнberга, который просит Правление расписку о выдаче сумм на покупку студентам Историко-филологического факультета всего 70 руб. 35 коп. <...>, Медицинского факультета – 597 рублей, <...> Юридического факультета – 108 руб. 45 коп»⁶⁰⁹.

Заявленные траты были покрыты университетом из «студенческих сумм», а многократно большие относительно других специальностей расходы на книги для студентов-медиков объясняются, во-первых, спецификой этой профессии, требующей много учебных пособий и справочников и, во-вторых, превышавшим другие факультеты на один год по длительности сроком обучения.

Обеспечение казенных студентов книгами и учебными пособиями следует в целом признать много лучшим, чем положение своекоштных студентов, которые вынуждены были жить, не имея нужных книг⁶¹⁰. Однако и наполнение университетской библиотеки происходило не вполне регулярно, и в конце изучаемой эпохи снова остро встал вопрос выделение дополнительного финансирования на покупку книг для студентов. Университетские власти в Москве жаловались в 1862 г. на недостаточность учебных пособий и библиотеки, поскольку суммы на них выделялись незначительные, до 23 тысяч рублей в год.

---

⁶⁰⁸ Дело инспектора студентов ИМУ о покупке книг для казеннокоштных студентов // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 270. Д. 31. Л. 1.

⁶⁰⁹ Там же. Л. 2.

⁶¹⁰ Шестаков П.Д. Указ.соч. С. 644.

Поэтому руководство университета просило расширить ассигнования на библиотеку и выписку журналов, анатомический кабинет, лаборатории и т.д⁶¹¹.

Казенные питомцы университета были обеспечены не только достаточным количеством книг, но и благоустроенным местом для своих учебных занятий. По воспоминаниям Буслаева, «в номере помещалось столько студентов, чтобы им было не тесно. У каждого был свой столик, его доска была настолько велика, что можно было писать расставив локти; под доскою был выдвижной ящик для тетрадей, а нижнее пространство со створчатыми дверцами было перегорожено полкою для книг, можно было бы класть туда что-нибудь и съестное и сласти, но этого не было у нас в обычае, и мы гнушались такого филистерского хозяйства⁶¹²».

Заботы администрации университета не ограничивались при этом закупкой мебели для жилых комнат и помещений для студенческих занятий – отдельной статьей ежегодных расходов университета было содержание всей мебели и обстановки в рабочем состоянии.

Немалые суммы тратились даже на мелочный ремонт вещей, которыми пользовались студенты: в 1836 г. университет заплатил «слесарю 50 руб. асс. за исправление 20 замков к студенческим столам, 20 дверных задвижек, 30 крючков в студенческих комнатах, <...> столяру за исправление студенческих столов при резании по оным новых замков и петель по 3 руб. за каждую, всего 100 столов и за починку двух дверей 15 руб. асс. <...> Купцу Соловьеву за поставку новых 100 замков – 210 руб. асс., <...> Разным купцам за исправление рукомойника, за поставку кранов, тазов получить 130 руб. асс.»⁶¹³.

Также осуществлялся мелочный ремонт деревянной мебели и деталей: «Крестьянину Василию Михулину за исправление стульев по 1,35 руб. за каждый

---

⁶¹¹ Соображения совета Московского университета о состоянии и нуждах университета относительно учебных пособий // ЖМНП. 1862. Ч. 115. С. 27–28 и далее.

⁶¹² Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. С. 9.

⁶¹³ О составлении сметы приходов и расходов на содержание казенных студентов. Л. 2.

и сделание шкафов в библиотеке по 34 руб. асс. получить всего 237,25 руб. асс.»⁶¹⁴.

Из более крупных трат такого рода можно выделить поставку купцом Соловьевым «десети замков в буфет к шкафам» за 24 рубля и купцом Поповым – «поварской плиты в студенческую кухню по 3,25 руб. за каждый пуд»⁶¹⁵. Суммарные расходы на эти и подобные им мероприятия в тот год составили 1494 руб. 62 коп. – довольно значительная сумма, сравнимая, к примеру, с затратами по найму упоминавшейся выше летней дачи для казенных студентов (1500 руб. в 1839 г.)⁶¹⁶.

Наконец, заботой инспектора и его помощников была организация ремонта мягкой мебели, которой пользовались студенты. Все траты при этом Нахимов привычно согласовывал с Правлением университета: «Находя нужным перечистить и покрасить вновь находящиеся в комнатах студентов девять диванов, перебить принадлежащие к ним подушки, а на тех подушках перешить разодранную кожу я докладывал господину Попечителю и получил на означенную поправку его согласие. В следствие чего были призваны мною для сего предмета мастера, из коих цеховой Иван Егорович Ребус берется исправить означенные диваны с значительной против других уступкой за 114 рублей асс. О чем имею честь сообщить в правление и просить оное о надлежащем распоряжении⁶¹⁷».

При этом уже в начале изучаемой эпохи предпринимались попытки поставить текущий ремонт в комнатах казенных студентов на постоянную основу, наняв в штат постоянных мастеров-ремонтников. 25 января 1837 г. Нахимов сообщал в Правление: «Для скорейшего и лучшего исправления четких слесарных приборов в комнатах студентов я нахожу необходимым иметь особого слесаря, который бы по первому требованию без дополнительных замедления явился для

---

⁶¹⁴ О составлении сметы приходов и расходов на содержание казенных студентов. Л. 6 об.

⁶¹⁵ Там же.

⁶¹⁶ О найме дачи для казенных студентов. Л. 2.

⁶¹⁷ О починке диванов // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 254. Д. 13. Л. 1.

починки испорченных вещей, посему покорнейше прошу Правление университета издать распоряжение о найме по контракту особого для обозначенных работ слесаря на 1837 год^{618».}

Однако извечное стремление университетского начальства к экономии казенных средств сыграло с ним злую шутку, и найти мастера по объявленной цене не удалось: из записи в журнале Правления от 15 февраля 1838 г. следует, что «Вследствие отношения Инспектора студентов был торг 8 и переторжка 15 февраля, но желающих не явилось», потому было предписано «поручить economy найти желающих принять на себя оную работу и о последующем донести правлению, с приложением подписки имеющего объявить меньшую цену, о чем известить г. Инспектора выпискою из журнала Правления^{619».}

Как было показано выше, финансовый вопрос препятствовал удовлетворению студенческих нужд университетом неоднократно на протяжении 1830-х–1850-х гг. Нередко имущественное обеспечение студентов было достаточным, но резервов на случай расширения казенного кошта не имелось. Так, согласно докладу инспектора, по состоянию на 1837 год «на 62 человека имеется белья, рубах, подштанников, носовых платков, полотенец, косынок – по 62, носков 124 пары^{620»}, что означало известную узость гардероба казенных питомцев.

И все же казенный кошт был благодатью для множества студентов из небогатых семей, выходцев из низших сословий, иногородних, поскольку в случае поселения на наемные квартиры все бытовые вопросы должны были решать сами учащиеся.

Негативные черты жизни студентов в городе особенно проявились на рубеже 1850-х–1860-х гг. Важнейшим решением, изменившим положение небогатых университетских студентов, было упразднение казенного кошта: 30 мая 1858 г. было объявлено, что с нового учебного года казенные студенты

---

⁶¹⁸ О найме особого слесаря для комнат студентов // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 254. Д. 12. Л. 1.

⁶¹⁹ Там же. Л. 2.

⁶²⁰ О составлении сметы приходов и расходов на содержание воспитанников на 1837 год // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 253. Д. 9. Л. 3.

Московского и ряда других университетов перемещаются на «вольные квартиры» с выплатой им сумм, предназначавшихся ранее на содержание в университете. Кроме того, упразднялась должность эконома, и сэкономленные деньги также шли на «усиление» студенческих стипендий. Дальнейшее их увеличение могло быть инициировано начальством университетов в случае наличия «экономических сумм⁶²¹».

Применительно к студентам Московского университета министерство постановило выплачивать каждому из бывших казенных питомцев 175 рублей серебром в год, включая туда их бывшее содержание в размере 142 р. 85,5 коп., а также доплату от университета (образовавшуюся, в том числе, ввиду сокращения ставки эконома). Кроме того, им выдали «безденежно» имевшееся постельное белье, тюфяки, подушки, списали недоимки за «недоношенное» по срокам казенное платье и даже «построили» по одной «сюртучной паре», на что должны были пойти деньги от продажи ставших ненужными университету вещей из студенческих «камер⁶²²».

В скором времени в ИМУ перевели на частные квартиры и кавказских воспитанников, и выходцев из Лазаревского института. Их содержание было несколько большим, до 300 рублей в год, однако стипендия могла быть сокращена или отменена в случае «предосудительного» поведения или недостаточного прилежания в учебных делах⁶²³. Аналогичные правила были введены для десяти кавказских воспитанников, которые в связи с закрытием Главного педагогического института отправлялись в ИМУ учиться на преподавателей

---

⁶²¹ О перемещении на вольные квартиры казеннокоштных студентов и пансионеров университетов Московского, Харьковского, Казанского и св. Владимира // ЖМНП. 1858. Июль. Ч. 99. С. 13.

⁶²² Предложение попечителю Московского учебного округа // Там же. 1858. Июль. Ч. 99. С. 34.

⁶²³ О дозволении жить на частных квартирах студентам Санкт-Петербургского и Московского университетов их кавказских воспитанников, а также из воспитанников Лазаревского института восточных языков // Там же. 1859. Ч. 102. С. 94–95.

гимназий. Им полагалась стипендия в 300 рублей в год и слушание особых «педагогических» курсов⁶²⁴.

Однако никакие денежные выплаты не могли заменить в полной мере отмененного казенного кошта с его «натуральным довольствием», позволявшим студентам не задумываться о бытовых проблемах. Теперь же студенчество вынуждено было самостоятельно выживать в городском пространстве, что неминуемо влекло за собой падение общего уровня жизни небогатых учащихся и еще большее имущественное расслоение в университетской среде.

Свинин так описывал сложившуюся ситуацию: «В 60-е годы студенты в отношении материального довольства делились на три резко отличающиеся между собой группы: на людей довольно обеспеченных, на получающих стипендию и, наконец, на живущих уроками или какими-либо другими случайными доходами. Положение последних было самым безрадостным. Они вечно были кабальниками закладчика Чистякова и ему подобных. К различным видам случайной помощи принадлежали и единовременные пособия, выдаваемые время от времени университетом за счет казенных средств, причем во внимание принималась исключительно степень прилежания, выражавшаяся в отметках⁶²⁵».

Министерство действительно пыталось компенсировать студенчеству большие неудобства, связанные с отменой казенного содержания, путем увеличения стипендий и пособий, введения новых форм финансовой поддержки. Министерское распоряжение от марта 1862 г. прямо подтверждало, что по-прежнему собирающиеся за слушание лекций денежные средства должны быть обращены на повышение стипендий студентов, а также жалованья профессоров и других преподавателей, причем студенты оказывались у начальства в большем приоритете⁶²⁶.

---

⁶²⁴ О приготовлении в Императорских С. Петербургском и Московском университетах десяти Кавказских и Закавказских уроженцев для занятия учительских должностей по Кавказскому учебному округу // ЖМНП. 1859. Ч. 103. С. 143–144.

⁶²⁵ Свинин И.А. Указ.соч. С. 65.

⁶²⁶ О распределении сумм сбора за слушание лекций в университетах // ЖМНП. 1862. Март. Ч. 114. С. 17–18.

Таким образом, с отменой казенного кошта и переводом на рубеже 1850-х–1860-х гг. на наемные квартиры последних казенных питомцев университета в истории студенчества ИМУ наступил качественно новый, «разночинский» этап, связанный с увеличением числа учащихся, их свободным времяпрепровождением в городском пространстве, известными бытовыми лишениями и, не в последнюю очередь, связанной с ними радикализацией настроений. Казенное содержание студентов в стенах университета было последним институтом патриархального управления студенчеством в николаевское время, когда учащиеся, с целью избежать лишений и сложностей, связанных с наймом дешевых квартир их своекоштными товарищами, добровольно поступали на казенный кошт. Взамен они получали полное материальное обеспечение, достойные бытовые условия для жизни и учебы, своевременную заботу администрации об их одежде, мебели, учебных пособиях и т.д.

Ценой этого выбора было ограничение студенческой «вольности». Казенные студенты оказывались удобным объектом контроля для университетского начальства, по сравнению с расквартированными в разных частях Москвы своекоштными студентами и стипендиатами, и именно на них была направлена большая часть мер, нацеленных на поддержание их поведения, внешнего вида и нравственности на достойном уровне, как он виделся руководству университета, Министерству и высшим властям. Механизмы контроля, реакция казенного и своекоштного студенчества на принимавшиеся инспектором и другими университетскими чиновниками меры, влияние этого взаимодействия на студенческую корпорацию и в целом университетскую среду второй трети XIX века должны, на наш взгляд, стать объектом особого научного изучения.

3.2. Студенчество и администрация: механизмы контроля и взаимодействия

Не будет преувеличением утверждать, что определяющее значение в структуре повседневности студенчества Московского университета второй трети XIX века имели взаимоотношения с университетским начальством – инспектором студентов и его помощниками, а также попечителем и представителями высшего руководства, которое, в свою очередь, пыталось придать телесной оболочке, повседневным практикам и даже направлению мыслей студентов благонамеренный характер.

В указанную эпоху, по нашему мнению, в управлении студенчеством ИМУ преобладали и взаимодействовали друг с другом две тенденции. Одна из них – склонность к патриархальности, патернализму, выстраиванию отношений внутри университетской корпорации наподобие большой семьи. «Патриархальный» характер управления университетом, усилившийся с введением в действие нового университетского Устава 1835 г.⁶²⁷, да и в целом характерный для первой половины века⁶²⁸, закономерно базировался на всей предшествовавшей традиции управления университетом еще с XVIII столетия.

С другой стороны, с начала 1830-х гг. нарастает бюрократизация управления университетом: увеличивается внутриуниверситетский документооборот, количество издававшихся для ИМУ нормативных актов Министерства народного просвещения. Все это приводило к более формальному подходу к управлению студентами, число которых также постепенно увеличивалось.

Мелочная регламентация и плотная опека над студентами со стороны университетского начальства давала о себе знать еще во времена «мундирного

---

⁶²⁷ Андреев А.Ю., Цыганков Д.А. Попечитель Императорского университета в системе народного просвещения Российской империи первой половины XIX в. // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской православной Церкви. 2015. Вып. 4. С. 96.

⁶²⁸ Маркин В.Л. Идущие впереди. Студенты и преподаватели Московского университета в общественно-политической жизни России начала XX века. Йошкар-Ола, 2013. С. 11–12.

попечителя» А.А. Писарева⁶²⁹. О попытках формальной регламентации поведения студентов вспоминал Н.Н. Мурзакевич, поступивший в ИМУ в 1825 г.: «Мне выдали латинскую табель, вмещавшую, кроме расписания преподаваемых в университете лекций, правила поведения студентов. К сожалению, эти добрые правила не многим были понятны, по поводу латыни»⁶³⁰.

Несмотря на очевидный провал затеи обучить студентов манерам на латыни, в 1840-х гг., как вспоминал Афанасьев, студентам при поступлении по-прежнему раздавали эти «табели», положения которых учащиеся закономерно игнорировали⁶³¹ – как по незнанию латинского языка, так и вполне сознательно.

Дело в том, что в указанную эпоху начинала уже формироваться студенческая корпорация, и студенты требовали большего уважения к своей личности, к человеческому достоинству и противились навязывавшимся правилам. Чувствуя себя «мозгом родины» (по выражению академика И. Павлова), немногочисленной образованной прослойкой, они неизменно требовали уважительного отношения к себе, большей степени свободы личности⁶³².

С приходом на министерский пост графа Уварова и развертыванием подготовки к принятию нового университетского Устава постепенно складывается новая структура управления Московским и другими университетами страны. В частности, кардинально меняется роль инспектора студентов – отныне эту должность замещает не преподаватель, а отдельный чиновник. Назначение инспектора из гражданских чиновников объяснялось в министерских отчетах императору «недостатком надзора» за студентами, о особенно в отношении их поведения и «нравственности». Невозможность назначать более инспектора из

---

⁶²⁹ Андреев А.Ю., Цыганков Д.А. Указ.соч. С. 84.

⁶³⁰ Мурзакевич Н.Н. В Московском университете, 1825 // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 64.

⁶³¹ Афанасьев А.Н. Указ.соч. С. 360.

⁶³² Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX - начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004. С. 389–391.

профессоров вытекала при этом из загруженности преподавателей основной работой⁶³³.

К счастью для студенчества и всего Московского университета, инспектором в 1834 г. был назначен П.С. Нахимов, приходу которого в университет содействовал наряду со Строгановым его помощник Голохвастов⁶³⁴. В памяти студентов 1830-х–1840-х гг. Нахимов остался «тихим и ласковым»⁶³⁵ инспектором, патриархально мягким наставником юношества. По крайней мере, он обходился с учащимися значительно мягче, чем администрация Казанского и Харьковского университетов, в последнем из которых практиковались изредка даже телесные наказания⁶³⁶ – немыслимая мера для ИМУ.

Руководство фигура Нахимова также устраивала, да и сам опыт с назначением инспекторов из «отставных гражданских или военных чиновников» оказался удачен, поэтому, в частности, при реформировании Московской Медико-хирургической академии в начале 1840-х гг. там был назначен инспектор «по подобию университетов»⁶³⁷. Именно фигурой инспектора, наиболее близкой к нуждам студентов и контролю над ними, завершалась созданная должностная вертикаль власти «инспектор — попечитель — министр — император»⁶³⁸.

Структура управления студенчеством в ИМУ во многом сохранялась и после отставки Нахимова, когда его пост занял еще один полюбившийся студентам инспектор — морской офицер и историк русского флота Феодосий Федорович Веселаго (инспектор в 1853–1857 гг.), на время службы которого в университете выпала постепенная ликвидация казенного кошта и связанных с ним особенностей в жизни университета — переселение части казенных студентов по их прошениям

⁶³³ Состояние Московского университета и Московского учебного округа // ЖМНП. 1835. Ч. 6. С. 46.

⁶³⁴ Университет для России. Т. 4. С. 125.

⁶³⁵ Чичерин Б.Н. Воспоминания. Т. 1. М., 2010. С. 155.

⁶³⁶ Харківський Національний університет ім. В.Н. Каразина за 200 років. Харків, 2004. С. 99.

⁶³⁷ О мерах к поставлению Московской Медико-хирургической академии в связи с Московским университетом. Число же казеннокоштных при переводе их в ИМУ было несколько сокращено // ЖМНП. Ч. 27. С. 46.

⁶³⁸ Университет в Российской Империи / под общ. ред. А.Ю. Андреева, С.И. Порохова. М., 2012. С. 254.

на частные квартиры⁶³⁹, начало выплат стипендий взамен полного пансиона⁶⁴⁰ и другие подобные меры.

Значение фигуры инспектора студентов в ИМУ с точки зрения характера и механизмов взаимодействия со студенчеством представляется значительным в том числе и потому, что вышестоящие представители университетского руководства далеко не всегда стремились вникать в студенческие дела и нужды. Так, известный историк и профессор С.М. Соловьев в бытность деканом историко-филологического факультета холодно относился к нуждам студентов и никогда не выходил за рамки должностных инструкций ради помощи учащимся, как вспоминали сами учащиеся того времени⁶⁴¹.

Более активен в плане взаимодействия со студентами был попечитель, тем более что именно к нему стекались все доклады инспектора по студенческим делам и проступкам. Существенное влияние на жизнь студентов 1830-х–1840-х гг. оказывала позиция попечителя Строганова. По мнению мемуариста, бывшего студента Московского университета Н.Д. Дмитриева, попечитель «строго преследовал прямую и единственную цель университета – служение науке» и изгнал из университетских стен спектакли и представления⁶⁴².

Несмотря на данную строгость, студенты уважали Строганова, в частности, за то, что он старался вникать в нужды и горести отдельных учащихся. Попечитель действительно иногда заботился о судьбах отдельных студентов. Так, письме к инспектору от 4 ноября 1839 г. он осведомлялся, приняли ли на казенный кошт питомца 2-й Московской гимназии мещанина Павла Басистова. В итоге последний стал казенным питомцем университета и успешно окончил словесное отделение в 1843 г.⁶⁴³.

---

⁶³⁹ Дело инспектора студентов Императорского Московского Университета о выдаче на прожитие билетов студентам // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 269. Д. 312. Л. 1–2.

⁶⁴⁰ Там же. Л. 20.

⁶⁴¹ См., например: Худяков И.А. Записки каракозовца // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 439–440.

⁶⁴² См.: Дмитриев Н.Д. Студенческие воспоминания о Московском университете // Отечественные записки. 1858. № 8. С. 81–95.

⁶⁴³ Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 88.

Известный либерализм был присущ и еще одному попечителю более ранних времен, С.М. Голицыну, о котором комплиментарно отзывался Вистенгоф: «Попечитель округа, действительный тайный советник князь Сергей Михайлович Голицын, богач, аристократ в полном смысле слова, был человек высокообразованный, гуманный, доброго сердца, характера мягкого. По высокому своему положению и громадным материальным средствам, он имел возможность делать много добра, как для всего ученого персонала вообще, так и для студентов, казеннокоштных в особенности. Имя его всеми студентами произносилось с благоговением и каким-то особенным, исключительным уважением⁶⁴⁴».

Уважением у студентов пользовался и Строганов. Граф Строганов, несмотря на большую занятость другими делами, стремился оградить студентов ИМУ от излишних ограничений, которые на них стремился наложить его влиятельный помощник Голохвастов. Последний, впрочем, как было показано выше, также по-своему заботился о казенных студентах, стоял на страже интересов университета и потому не может считаться чистым представителем «антипросветительского проекта⁶⁴⁵». При этом многие казенные студенты искренне ненавидели Голохвастова, который своими строгостями и придирками к казеннокоштным студентам, по словам В.Г. Белинского, «уподобил Московский университет Казанскому», в котором режим исторически был намного строже⁶⁴⁶.

Достаточно либеральное отношение Строганова к исполнению многочисленных правил поведения студентов в стенах университета было известно всем нижестоящим чинам. Более того – иногда само имя графа Строганова могло являться средством защиты студенчества от придирок профессоров и служащих.

Красноречивый пример позиции Строганова и Нахимова по этому вопросу приводит в своих воспоминаниях Афанасьев: «Однажды в великий пост, когда говели казенные студенты, поп Терновский объявил на исповеди двум студентам,

---

⁶⁴⁴ Вистенгоф П.Ф. Из моих воспоминаний.

⁶⁴⁵ Университет в Российской Империи. С. 258.

⁶⁴⁶ Петров Ф.А. Указ.соч. Т. 4. Ч. 2. С. 91.

что за какие-то важные грехи он не допустит их к причастию; студенты-грешники обратились к Нахимову, тот бросился к Терновскому уговаривать его быть снисходительнее. Долго отговаривался Терновский, наконец сказал: «Не могу... Иисус Христос сказал...» – и уже был наготове текст, как Нахимов нетерпеливо и почти с отчаянием прервал его: «Что Иисус Христос! Чтоgraf-то скажет?» Это последнее возражение возымело силу, и студенты были допущены к причастию⁶⁴⁷».

Справедливости ради необходимо отметить, что откровенного нарушения порядка во время богослужения Строганов, конечно же, не допускал. В своем ответе на обращение Обер-полицмейстера о беспорядках, устроенных в католической церкви студентами- поляками в апреле 1846 г., он ответил, что «студент Мушинский за несоблюдение должного приличия <...> подвергнут строгому аресту, прочие же студентам западных губерний сделано строгое внушение о сохранении обязанностей благочиния в подобных случаях⁶⁴⁸».

Большинство студентов любили графа Строганова, который, как подчеркивал Афанасьев, «не принуждал нас быть вытянутыми и застегнутыми во время лекций», что вызывало всеобщее одобрение⁶⁴⁹. Уважительное, «благоговейное» отношение студентов к Строганову подчеркивал и Б.Н. Чичерин: «Он слушал <...> самые разнообразные лекции, притом без малейшего церемониала. В аудитории он садился рядом со студентами на боковую скамейку» – студенты уважали этого высокопоставленного человека, не гнушавшегося их общества⁶⁵⁰.

Однако и здесь либерализм Строганова имел известные пределы, поскольку студенческая форма вплоть до ее отмены в конце 1850-х гг. весьма последовательно насаждалась. Важное уточнение в позицию Строганова по

---

⁶⁴⁷ Афанасьев А.И. Указ.соч. С. 361–362.

⁶⁴⁸ Дело Канцелярии Попечителя Московского Учебного округа о студентах, производивших 14 апреля 1846 года шум в церкви Св. Петра и Павла // ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 868. Л. 3.

⁶⁴⁹ Афанасьев А.Н. Указ.соч. С. 360–362.

⁶⁵⁰ Чичерин Б.Н. Указ.соч. С. 152–154.

данному вопросу внесли воспоминания Шестакова: «У студентов нарушение формы преследовалось неопустительно. Во время лекций дозволялось расстегивать воротник, а не во время лекций даже граф Строганов требовал, чтобы студенты были застегнуты на все пуговицы⁶⁵¹».

Дело здесь в том, что вопрос ношения формы студентов регламентировался на еще более высоком уровне – идею поддерживал сам государь Николай I. Д.Д. Голохвастов, автор воспоминаний и сын помощника Строганова, подчеркивал это в своих мемуарах: «когда мой отец заместил графа Строганова, <...> началось требование соблюдения строгой дисциплины. <...> Требование формы не зависело от личных взглядов того или иного попечителя или инспектора студентов, ибо этого настойчиво требовал Государь⁶⁵²».

Студенческая форма была достаточно строгой, обязательной к ношению не только в университете, но и в городе и, в целом, мало менялась со временем – первые изменения в ней произошли лишь в самом конце правления Николая I. Тогда студенческая форма немного видоизменилась и стала посвободнее: мундиры учащихся были заменены на «мундирные однобортные полукафтаны», цвет был сохранен темно-зеленым⁶⁵³.

На протяжении 1830-х–1840-х гг. многие студенты тяготились обязанностью носить форму, использовали любую возможность надеть «партикулярное платье». Когда же в конце 1850-х гг. форменную одежду отменили, некоторые из учащихся испытали разочарование. Свинин отмечал, что «толпы оборванных и разношерстных студентов» имели «возмутительный» вид⁶⁵⁴. Далее мемуарист рассуждал, почему отмена формы негативно сказалась на внешнем облике студенчества 1860-х гг.: «В то время форма была накануне падения. Носители ее безнаказанно злоупотребляли ею, подчас до полного игнорирования внешних

---

⁶⁵¹ Шестаков П.Д. Указ.соч. С. 644.

⁶⁵² Голохвастов Д. К истории Московского университета // Русский Архив. 1887. Кн. 2. С. 249.

⁶⁵³ О новой форме одежды для студентов, воспитанников и нижних служителей учебных заведений Министерства народного просвещения // ЖМНП. 1855. Ч. 87. С. 23.

⁶⁵⁴ Свинин И.А. Указ.соч. С. 12.

условий порядочности и приличия. Явилась какая-то странная страсть к национальностям, выражаемая наружно; польская чамарка с конфедераткою и русская поддевка сделались в гардеробе студента преобладающими костюмами, вытеснившими классический синий воротник. Ученая молодежь стала представлять из себя пеструю толпу, которая вместо прежнего внимания и уважения внушала к себе иное, какое-то робкое брезгливое чувство^{655»}.

Одним словом, с отменой формы выяснилось, что она была не только формой контроля и ограничением студенческой вольности, но и отличительной чертой студенчества, знаком достоинства учащихся Московского университета. Неудивительно поэтому, что сам Свиньин в студенческие годы сознательно решил придерживаться форменной одежды: «Форму разрешали донашивать только старым студентам. На меня, как на новичка это разрешение не распространялось, но я до такой степени не разделял понятия о студенте с синим воротником, что мне казалось это невероятным, что его уже нет. Почему, невзирая на упразднение, я сшил себе форму и пользовался правом донашивать в течение года^{656»}.

К средствам контроля за физическим существованием казенных студентов в здании университета относилась и всеобщая регламентация их повседневной жизни, отраженная в мемуарной литературе. Буслаев рассказывал о принятом в его время распорядке дня: «Наши дни и часы были подвержены строгой дисциплине. Вставали в семь утра, в восемь пили в столовой чай с булками, а в девять отправлялись на лекции, возвращались в два часа и в половине третьего обедали, а в семь ужинали, в одиннадцать ложились спать. Кто не обедал или не ужинал дома, должен был предварительно уведомить об этом дежурного субинспектора^{657»}.

Однако строгость правил компенсировалась, во-первых, студенческой изобретательностью и взаимовыручкой: ночью помощник инспектора обходил

---

⁶⁵⁵ Свиньин И.А. Указ.соч. С. 12.

⁶⁵⁶ Там же. С. 14.

⁶⁵⁷ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. С. 10.

спальни, но студенты находили возможность обмануть надзирателя, делая «чучелку» из халатов и шинелей, которая была похожа на спящего человека⁶⁵⁸.

Во-вторых, юный возраст и тяга к общению самих студентов препятствовали строгому порядку в студенческих «нумерах» и общих помещениях: «В помещении, где с утра и до вечера собрано до десятка веселых молодых людей, никакими предписаниями и стараниями нельзя водворить надлежащую тишину и спокойствие. У нас в номере не выпадало ни одной минуты, в которую пролетел бы над нами тихий ангел⁶⁵⁹». Данная обстановка, как отмечал далее Буслаев, научила его работать в любой ситуации – «Каждый из нас усердно читал или писал сочинения, не обращая внимания на оглушительный шум. Я не отвык и до глубокой старости читать и писать, когда кругом меня говорят, шумят и толкуются⁶⁶⁰».

Наконец, благодушный нрав самого инспектора Нахимова также препятствовал излишней строгости в обращении университетских чинов со студентами. Как вспоминал Д.Н. Дмитриев, «Нахимов нередко говорил студентам и виноватому никогда не позволял говорить <...>, потому что, объяснял иногда Платон Степанович, “если заговорит, обязательно оправдается”⁶⁶¹».

Шестаков вспоминал также, что Нахимов в годы службы в ИМУ бывал снисходителен к человеческим слабостям студентов – например, к запрещавшемуся в университете курению: «Студентам любившим покурить, после того как обнаружил запах табака от шинели в шкафу, Нахимов советовал, прежде чем идти в номера, обойти университетское здание три раза, чтобы запах выветрился. Говорил, что и сам так делает⁶⁶²». С терпением он относился до поры

---

⁶⁵⁸ Пономарева В.В. Указ.соч. С. 358.

⁶⁵⁹ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. М., 1897. С. 10.

⁶⁶⁰ Там же.

⁶⁶¹ Дмитриев Д.Н. Из памятной книжки: (Несколько слов о живых и умерших) // Русское Обозрение. 1893. № 2. С.727.

⁶⁶² Шестаков П.Д. Указ.соч. С. 642.

и к появлению студентов в пьяном виде, хотя иногда в этом случае провинившимся грозил карцер⁶⁶³.

Ситуация с такой формой наказания, как помещение студента в карцер, была неоднозначной и менялась с течением времени. Само помещение находилось на верхнем этаже, недалеко от «общежития» казенных студентов – «В том же верхнем этаже, при наших номерах находились еще две комнаты, одна побольше, для нашей библиотеки, другая, с одним окном, для карцера⁶⁶⁴». Далее в своих воспоминаниях Буслаев сообщал, почему эта форма наказания в годы его учебы практически не применялась: «Как только попечителем явился Строганов, эта комната всегда оставалась пустой. А при Голицыне и Голохвастове приключилась беда. Казеннокоштный студент, посаженный в карцер за то, что накануне он был мертвецки пьян, в 12 часов выбросился из окна, как и почему – осталось неизвестным. Вслед за этой катастрофой было приказано в это окно вставить решетку⁶⁶⁵».

Применительно к последующим годам упоминаний о трагических случаях не обнаружено – вероятно, заточение студента в карцер действительно применялось нечасто, да и само наказание в исполнении Нахимова и его помощников нередко становилось формальностью. Так, содержание арестованного на голодном пайке редко было осуществимо из-за корпоративной солидарности студентов: «Казенные студенты всегда симпатизировали товарищам, заключенным в карцер, облегчая их участь беседой, через закрытую дверь и доставлением порций, когда узник за тяжкие проступки сидел на хлебе и воде⁶⁶⁶».

Как уже упоминалось выше, в карцер студент мог попасть за пьяный разгул в городе. Однако и в этом случае его судьба могла быть не такой печальной.

---

⁶⁶³ Попов Н.А. Из воспоминаний старого студента: (Памяти Пл.С. Нахимова). // Исторический Вестник. 1884. Т. 18. № 12. С. 687–688.

⁶⁶⁴ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. С. 7.

⁶⁶⁵ Там же. С. 8.

⁶⁶⁶ Шестаков П.Д. Указ.соч. С. 653.

Н.А. Попов вспоминал, что как-то во время его пребывания в университете один из студентов был доставлен из трактира в карцер в сопровождении сторожа, причем Нахимов строго наказал ничего не давать арестованному кроме воды: ««Но кто не знает университетских стражей, этих благодушных Матвеичей, Иванычей, Гаврилычей? Своим простым бесхитростным умом они очень хорошо понимают, когда начальство им приказание всерьез или для проформы⁶⁶⁷».

В итоге сидевший в карцере студент наутро уговорил сторожа Матвеича «лучше принеси из Британии два расстегайчика да порцию ветчины, вместе с тобой закусим! Да надо бы водочки захватить, выпили бы по рюмочке, больно у меня голова трещит». Матвеич долго колебался, но исполнил просьбу арестанта. В итоге студент напоил сторожа, а когда тот заснул, спокойно ушел в свою квартиру, а на следующий день как ни в чем не бывало прибыл на лекции в университет⁶⁶⁸. Мемуарист подводит примечательный итог этого происшествия: «Что было после этой истории? Никто не был исключен. Больше всех хохотал Нахимов, видя в поступке студента не признаки злой воли, а простое школьничество, свойственное юности⁶⁶⁹».

Стоит заметить, что университетский сторож был в те десятилетия особым местным типажом – как правило, эти старики преклонных лет ласково общались со студентами, привечали их и развлекали историями о былых временах: «При мне (да и теперь, в 1855 г., кажется) был швейцаром в университете старик Михайло, давно уже служащий при университете; он был говорливый старик и шутник; со всеми студентами и профессорами (которых почти всех помнит студентами) обращается свободно и попросту. Он рассказывал о старом времени Московского университета, что порядка бывало немного: студенты ходили не совсем в опрятных и целых костюмах; в аудитории на лекции приносили с собой закуску и водку; буйство бывало нередко⁶⁷⁰». Наверное, студентам было приятно

---

⁶⁶⁷ Попов Н.А. Из воспоминаний старого студента. С. 688.

⁶⁶⁸ Там же. С. 690–691.

⁶⁶⁹ Там же. С. 694.

⁶⁷⁰ Афанасьев А.Н. Указ.соч. С. 375–376.

осознавать живую связь своих повседневных привычек со старинным университетским вольнодумством.

Снисходительное, «ласковое» обращение со студентами старых служащих университета и инспектора Нахимова контрастировало со сторонниками строгостей, Голохвастовым и особенно графом А.Н. Паниным, надзиравшим за состоянием дел в ИМУ в начале 1830-х гг. О них достаточно негативно отзывался Вистенгоф: «Граф Панин и Голохвастов. Эти люди были совершенно противоположных князю⁶⁷¹ качеств. Как один, так и другой, необузданные деспоты, видели в каждом студенте как бы своего личного врага⁶⁷²».

Хотя это резкое суждение и не совсем справедливо, в мемуарной традиции отложился один примечательный эпизод, возмущивший студентов и связанный с контролем над их внешним видом. Тот же Вистенгоф рассказывал следующее: ««Однажды нам дали знать, что граф Панин неистовствует в Правлении университета. Из любопытства мы бросились туда. Мы застали следующую сцену: два казеннокоштных студента сидят один против другого и два университетских солдата совершают над ними обряд бритья и стрижки. Граф, приняв повелительную позу, гневно кричал:

– Вот как! Стриги их короче! Под гребешок! – Слышишь! А ты! – обращался он к другому, – чище брей! Не жалей мыла! Мыль его хорошенъко!

Потом, обращаясь к сидящим жертвам:

– Если вы у меня в другой раз осмелитесь только подумать отпускать себе бороды, усы и длинные волосы на голове, то я вас прикажу стричь и брить на барабане, в карцер сажать и затем в солдаты отдавать!⁶⁷³».

Конечно, студентам было известно, что ношение длинных волос не приветствуется университетским начальством, но подобные приведенной выше крутые меры уже в середине 1830-х гг. были редкими, а потому непривычными и вызывавшими живой протест в студенческой массе, поскольку насильтвенная

---

⁶⁷¹ Имеется в виду попечитель князь С.М. Голицын.

⁶⁷² Вистенгоф П.Ф. Из моих воспоминаний.

⁶⁷³ Там же.

стрижка и бритье голов напоминали учащимся о самом тяжком наказании – исключении из университета с последующей отдачей в солдаты. Сама мысль о таком наказании вселяла ужас в души многих.

Буслаев привел в этой связи характерный эпизод из студенческой жизни: «Был один студент-медик последнего курса, можно сказать пожилой в сравнении с нами, словесниками <...> Приходим мы обедать и только расселись по своим местам – на пустом пространстве между столами появилась фигура в солдатской шинели, и медленными шагами, понурив голову стала приближаться. Это был тот самый студент. Мы были потрясены и взволнованы неожиданным впечатлением жалости и горя, потому что хорошо понимали весь ужас этого шутовского маскарада <...>. За большие проступки наказывали тогда студентов солдатчиною. На первый раз, в виде угрозы и для острастки других, виновный только облекался вместо мундира в солдатскую сермягу и как бы выставлялся на позор⁶⁷⁴».

Однако случаи реальной отдачи студентов в солдаты были в описываемую эпоху достаточно редки. Мемуарист Голохвастов-младший сообщал, что эти случаи были единичны во время попечительства Строганова и совершенно исчезли в последующие годы: «Наоборот, во время попечительства моего отца, то есть с конца 1847 и до половины 1849 ни один студент в солдаты не попал; а это тем более замечательно, что то время было самое тяжелое для университетов время⁶⁷⁵». Что же до описанного выше зловещего маскарада, то он был, по всей видимости, лишь мерой устрашения, практиковавшейся в форме обряжения студентов в солдатскую шинель или крестьянскую одежду еще с конца XVIII столетия.

Впрочем, и исключение из университета было делом редким и следовало лишь за совершение из ряда вон выходящего проступка. Как правило, все ограничивалось легким наказанием от инспектора. Как рассказывал Шестаков, «Инспектор студентов нашумит, накричит, волосы взъерошит длинноволосому

---

⁶⁷⁴ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. С. 11.

⁶⁷⁵ Голохвастов Д. Указ.соч. С. 246.

студенту, за не застегнутую пуговицу потрясет, в карцер иногда посадить может, но тем дело и оканчивалось, лишь самому безнадежному давался *consilium abeundi*, т.е. предлагалось оставить университет по прошению. Об исключениях у нас не было слышно⁶⁷⁶».

Все же за вопиющие нарушения дисциплины, за драки и прочее «буйство» исключить из университета могли, и такие случаи отмечены в архивных материалах. Пример такого случая представлен в докладе Нахимова попечителю от ноября 1835 г.: «Сего месяца 15 числа первогодичный студент словесного отделения из дворян Григорий Хитрово перед начатием лекции г. профессора Павлова в анатомическом театре в присутствии всех прочих студентов ударил по щеке первогодичного слушателя нравственно-политического отделения Александра Ипполитова. Студент Хитрово показывает, якобы причиной сего поступка было то, что Ипполитов назвал его свиньёю, в чем Ипполитов не сознается. Показания опрошенных многих студентов из числа притом бывших <...> доказывают, что действительно Хитрово ударил Ипполитова по лицу, но чтобы Ипполитов называл его свиньею, того никто не слыхал⁶⁷⁷».

В сложившейся ситуации даже у лояльных к студентам представителей администрации не было иного выбора, кроме как исключить из университета смутьяна, подрывавшего своим поведением самые основы существования учащихся в стенах ИМУ. Инспектор так закончил свое сообщение об этой истории попечителю: «Доводя до сведения Вашего сиятельства имею честь спрашивать начальственного Вашего по сему случаю распоряжения. <...> По мнению моему, следует студента Хитрово в наказание ему и в предупреждение подобных случаев на будущее время, за дерзкий поступок против товарища уволить из университета⁶⁷⁸».

---

⁶⁷⁶ Шестаков П.Д. Указ.соч. С. 642.

⁶⁷⁷ Об оскорблении студентом Хитрово студента Ипполитова и предложении инспектора отчислить его за это из университета // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 251. Д. 8. Л. 1.

⁶⁷⁸ Там же.

К сожалению, многие документы университета не содержат описания самих нарушений дисциплины, даже если за ними последовало строгое наказание. Например, в марте 1848 г. по предложению попечителя были исключены из университета студенты-математики Николай Бедарев и Петр Засурский, однако причина такого серьезного наказания скрыта за формулировкой «за предосудительный поступок⁶⁷⁹», как и во многих других подобных делах.

При этом даже если исключение из университета не означало автоматической отдачи провинившегося в солдаты, непосредственно за ним следовало лишение статуса студента и связанных с ним привилегий. 22 февраля 1861 года инспектор студентов обращался в Правление с просьбой отбирать у исключенных из университета студентов и вольнослушателей «билеты на проживание» и передавать их в Канцелярию для уничтожения. Инспектор объяснял необходимость этой меры наведением элементарного порядка: «Так как при выдаче документов билеты не забираются, студенты могут пользоваться ими до окончания срока, а это влечет за собою многие неудобства⁶⁸⁰».

Все вышеописанные формы контроля за поведением студенчества в подавляющем большинстве случаев относились к казенномкоштным учащимся, поскольку они, как указывал Чичерин, жили «в стенах университета, под непосредственным надзором инспекции»⁶⁸¹, на виду у инспектора и его подручных. Теоретически инспектору подчинялись и другие группы учащихся, например, слушатели. Согласно министерским правилам 1845 г. они обязаны были подчиняться общеуниверситетской дисциплине на лекциях и находились под надзором инспектора, который, в случае недостойного поведения и пропусков занятий, передавал информацию их непосредственному начальству, «от которого они зависят», для последующего наложения взысканий⁶⁸². В реальности в

---

⁶⁷⁹ Об исключении студентов за проступки // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 17. Д. 80. Л. 1, 3.

⁶⁸⁰ О сдаче исключенными из университета студентами билетов на жительство // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 278. Д. 95.

⁶⁸¹ Чичерин Б.Н. Указ.соч. С. 156.

⁶⁸² Циркулярное предложение с дополнительными правилами относительно различия между студентами университетов и приватными слушателями. С. 45–46.

университетских документах последующих десятилетий пока что не обнаружены подобные случаи.

Контроль за своекоштными студентами и стипендиатами также затрагивал преимущественно тот период, когда они находились в университете, на лекциях. Впрочем, многие мемуаристы полагали, что контроль за посещением лекций, а равно за их содержанием был политически мотивированным и, по сути, излишним. Гончаров писал по этому поводу: «Страх о превращения свободы в свободу политическую приводил к тому, что правительство следило за лекциями, но в университетах молодежь более чем в других заведениях ограждена серьезною содержательностью занятий от многих опасных увлечений, заносимых туда извне больше издалека⁶⁸³».

При этом Устав 1835 г. (§§ 75, 154) предписывал инспектору студентов в целом следить «за нравственной и хозяйственной частью» учащихся, однако в случае со своекоштными студентами, жившими на квартирах в разных частях Москвы, полный контроль был едва ли возможен. Косвенным свидетельством затруднений, связанных с посещениями инспектором студентов на дому, является финансовое обеспечение этих разъездов. Так, помощникам инспектора в ИМУ с начала 1840-х гг. полагались «разъездные деньги» в количестве 142 р. 85 коп. в год на каждого⁶⁸⁴ – очевидно, для поездок по Москве и округе по поручениям инспектора, в том числе с целью посещения своекоштных учащихся. Сам инспектор несколько позднее удостоился еще больших сумм на разъезды, дарованных ему императорским повелением «из экономических сумм университета» – 286 рублей серебром в год, что вдвое превысило прежнюю сумму⁶⁸⁵.

---

⁶⁸³ Гончаров И.А. Из университетских воспоминаний. С. 505.

⁶⁸⁴ О назначении разъездных денег помощникам инспектора студентов Императорского Московского университета // ЖМНП. 1841. Ч. 30. Отд. I. С. 137–138.

⁶⁸⁵ О прибавке инспектору студентов Императорского Московского университета разъездных денег // Там же. 1842. Ч. 33. Отд. I. С. 33.

В следующем десятилетии расходы на разъезды инспектора по Москве возрастили. В октябре 1857 г. были существенно увеличены суммы «разъездных денег» инспектору ИМУ и его помощникам: с 285 до 400 и с 142 до 200 рублей соответственно. Министерство мотивировало свое решение рядом факторов – многочисленностью студентов, за которыми должен приглядывать инспектор, «обширностью города» и удаленностью самих разъездов⁶⁸⁶.

Впрочем, был один рычаг, с помощью которого администрация могла влиять на живущих в городе студентов – распределение стипендий и пособий, особенно актуальных на рубеже 1850-х–1860-х гг., после отмены казенного кошта. В общем и целом, способов поддержать собственное существование у студентов было немного, хотя к зарабатыванию денег стремились в свое время даже многие из казеннокоштных студентов, о чем упоминал Буслаев: «В финансовом отношении значительно отличались казеннокоштные студенты младших курсов от старших; первые пробавлялись немногими рублями, изредка получаемыми от родителей или родственников, а последние могли добывать очень крупные, в наших глазах, суммы от уроков; медики же кроме того промышляли и практикой⁶⁸⁷».

В годы, последовавшие после отмены казенного кошта, важность стипендий, пособий и прочих видов финансовой помощи от университета многократно возросла. Хотя в те годы, по воспоминаниям Свирина, были и альтернативные способы материальной поддержки студенчества, например, независимые от начальства ИМУ студенческие кассы: «Московский университет преимущественно перед другими изобиловал стипендиями, кроме частной благотворительности, весьма развитой в то время. В нашу пору существовала студенческая касса, как и теперь, но организована она была на иных началах, ей заведовали непосредственно студенты, которые в то время пеклись об увеличении ее средств непосредственно всеми зависящими от них способами. Было это лучше или нет, чем теперь, когда касса находится в руках администрации судить не

---

⁶⁸⁶ Об увеличении разъездных денег инспектору студентов Московского университета и помощникам его // ЖМНП. 1857. Ч. 96. С. 65.

⁶⁸⁷ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. С. 13.

берусь, но думаю, что при прежнем порядке, помошь, оказываемая студентам, могла распределяться более правильно и равномерно⁶⁸⁸».

Ответственные за выплаты из кассы студенты, впрочем, проверяли нуждающихся сотоварищей по ряду собственных критериев: «Желающий получить ссуду студент должен был сделать предварительное заявление, потом собирались сведения о том, в какой степени проситель нуждался в средствах в тот момент, затем его просьба удовлетворялась или отклонялась⁶⁸⁹».

Администрация же ставила получение финансовой помощи в зависимость от успешной учебы и лояльного поведения студента: с начала 1850-х гг. претендент на выплату подавал прошение о пособиях в Правление, к ним прилагалась табель с отметками за годичные испытания, а также свидетельства от инспектора о поведении и «удостоверение о бедности», если таковое имелось⁶⁹⁰.

И только инспектор Нахимов самолично и бескорыстно иногда решал студенческие финансовые проблемы, связанные, в частности, с нехваткой денег на плату за годичное обучение: «Из своих далеко не широких средств Платон Степанович Нахимов нередко вносил деньги за право слушания лекций многих бедных студентов. И делал это так деликатно, что те, которым он помогал, разве впоследствии по выходе из университета и то случайно узнавали имя своего благодетеля⁶⁹¹». Однако в целом университетские власти ставили решение финансовых вопросов студенчества в прямую зависимость от их лояльности.

Хорошее поведение было необходимым условием исполнения и многих других пожеланий студентов – в частности, смены специальности. Так, чтобы утвердить в 1855 г. затрудненный в то время перевод студентов-медиков Павла Покровского и Антона Савицкого на историко-филологический факультет, канцелярия попечителя учебного округа сразу же запросила университет об их успеваемости и поведении. Нормальные оценки за экзамены вместе с «очень

---

⁶⁸⁸ Свильин И.А. Указ.соч. С. 64.

⁶⁸⁹ Там же. С. 65.

⁶⁹⁰ Положение о взимании платы за учение в средних и высших учебных заведениях. С. 83.

⁶⁹¹ Попов Н.А. Из воспоминаний старого студента. С. 686.

хорошим» поведением⁶⁹² позволили Покровскому и Савицкому благополучно перебраться с одного факультета на другой в рамках университетской системы.

Кроме того, университетские власти аттестовали благонадежность студента, по запросу отправляя сведения о поведении учащихся за пределы университета (наряду с их учебными достижениями). Весной 1857 г. поведением одного из московских студентов серьезно заинтересовались из Киева, куда он, очевидно, решил перевестись. Примечательно, что киевских чиновников также интересовал в первую очередь вопрос поведения студента, а не его учебных достижений: «Вследствие отношения попечителя Киевского учебного округа прошу о предоставлении начальству округа сведений, как вел себя бывший студент Московского университета Медицинского факультета первого курса Василий Юльский во время его пребывания в университете, а также был ли замечен в чем-либо предосудительном и какие он получал баллы на испытаниях⁶⁹³».

7 апреля 1857 г. инспектор Веселаго сообщил: «имею честь уведомить Вас, что бывший студент Василий Юльский во время пребывания его в университете вел себя хорошо и в предосудительных поступках замечен не был»⁶⁹⁴. Эта стандартная формулировка вместе с неплохими оценками за экзамены первого курса стали для Юльского пропуском в учебные заведения Киева.

Стоит также отметить, что контролировать поведение студентов, посещение ими лекций, их проживание и досуг инспектору помогали несколько помощников, или субинспекторов. Один из них жил в буквальном смысле рядом с казенными студентами - в кабинете в коридоре около их «нумеров» помещался дежурный помощник инспектора, приглядывавший за поведением воспитанников в ночное время⁶⁹⁵. Хотя, как вспоминал Буслаев, «во всяко время каждый студент мог

---

⁶⁹² Дело инспектора студентов Императорского Московского Университета о предоставлении разных сведений о студентах // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 274. Д. 49. Л. 19, 21.

⁶⁹³ Дело инспектора студентов Императорского Московского Университета о предоставлении разных сведений о студентах. Л. 17.

⁶⁹⁴ Там же. Л. 18.

⁶⁹⁵ Пономарева В.В. Указ.соч. С. 333.

обратиться к нему со своим делом⁶⁹⁶», само присутствие этого человека в известном смысле стесняло свободу проживавших в университете учащихся.

Постепенно с возрастанием числа студентов увеличивалось и количество помощников инспектора. В июне 1853 г. в ИМУ на некоторое время появилась даже должность старшего помощника инспектора студентов, отнесенная к VII классу и с жалованьем в два раза больше рядовых помощников (857 р. 76 коп. серебром). Данная мера объяснялась «значительным числом студентов», пребывавших в университете⁶⁹⁷. Вероятно, полномочия старшего помощника также были расширены, вплоть до замещения функций собственно инспектора в случае его «отлучки» из университета.

Кроме того, на протяжении указанной эпохи предпринимались не очень успешные попытки заставить казенных студентов самим контролировать дисциплину товарищей путем назначения ответственных лиц. Как пояснял Буслаев, «в каждом номере выбирался один из студентов, который назывался старшим. Он же призывался к ответу и за беспорядок или шалость, выходящие за пределы дозволенного⁶⁹⁸». Однако деятельность «комнатных» студентов по водворению дисциплины шла вразрез с формировавшейся этикой студенчества, была по этой причине малоэффективна, что и вызывало к жизни расширение штата помощников инспектора и неустанные заботы администрации о поведении и нравственности учащихся.

Можно сказать, что в плане образования и нравственного развития юношества Московский университет доверял только самому себе, хотя в плане поведения студентов исключение делалось иногда для воспитанников других учебных заведений Министерства народного просвещения. Так, не подлежала сомнению лояльность присылавшихся в ИМУ воспитанников прочих учебных заведений, которые «приготовлялись» к прохождению службы в конкретном

---

⁶⁹⁶ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. С. 10.

⁶⁹⁷ О присвоении одному из помощников инспектора студентов Московского университета звания старшего // ЖМНП. 1853. Ч. 79. С. 49.

⁶⁹⁸ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. С. 10.

ведомстве, а также казенных питомцев гимназических пансионов, чья благонамеренность подтверждалась их длительным пребыванием в них. Выделенные категории учащихся даже было разрешено сразу переводить на казенный кошт, хотя по общему правилу с конца 1840-х гг. эта привилегия положена была только после переводных экзаменов первого курса⁶⁹⁹.

Таким образом, Высочайшее благоволение Николая I к Московскому университету, его похвалы порядку, царившему в ИМУ⁷⁰⁰, и учащейся молодежи на практике привели к быстрому становлению в середине 1830-х гг. системы мелочного контроля и регламентации жизни студентов, причем контролировать поведение и учебу студенчества должны были все уровни университетской власти, от инспектора до попечителя и министра.

С другой стороны, строгие правила, которые призваны были исполнять инспекторы Нахимов и Веселаго, попечители Строганов и Голохвастов, на деле оборачивались снисходительным, патерналистским отношением к учащимся, свидетельствовавшим о сохранении патриархальной традиции управления в Московском университете, противостоявшей его бюрократизации.

Неоднородны были структуры контроля по отношению к разным категориям учащихся ИМУ второй трети XIX века. Казеннокоштные студенты, жившие в стенах университета, в полной мере ощущали на себе постоянный контроль и административное давление на свою повседневную жизнь.

Контроль над остальными учащимися был несравненно слабее. Приходившие на лекции слушатели и жившие в городе своекоштные студенты и стипендиаты были доступны административному воздействию, по сути, лишь во время нахождения на университетских занятиях.

В полной же мере студенческие привычки и обыкновения, их нарождавшаяся корпоративная этика и сохранявшиеся сословные различия

---

⁶⁹⁹ Циркулярное предложение о том, чтобы студенты университетов помещаемы были на казенное содержание не прежде, как со второго курса учения. С. 196–197.

⁷⁰⁰ Шевырев С.П. Обозрение столетнего существования Императорского Московского университета. С. 37; о высочайшем посещении Московского университета. Л. 5.

проявлялись в пространстве города, где жили своекоштные студенты и куда стремились с разными целями попасть казеннокоштные. По этой причине заключительная часть данной работы закономерно посвящена рассмотрению данной проблематики.

3.3. Студенты университета в городском пространстве Москвы

Изучение повседневной жизни российского студенчества в городском пространстве, уровней взаимодействия университетских питомцев с городской средой и ее обитателями, их конфликтов и сотрудничества является актуальной темой в современной историографии – практически все крупные исследователи данной проблематики (А.Ю. Андреев⁷⁰¹, Д.А. Цыганков⁷⁰², А.М. Феофанов⁷⁰³, Е.А. Вишленкова⁷⁰⁴, Т.Н. Жуковская⁷⁰⁵ и др.) уделили ей серьезное внимание в своих работах. Однако существование студенчества ИМУ в городском пространстве Москвы во второй трети XIX столетия по сей день остается не до конца изученной темой.

В первую очередь, необходимо отметить изначально положительное отношение городских жителей к студентам, появлявшимся по тем или иным причинам на улицах Москвы. Как вспоминал Гончаров, «Университет в Москве был святынищем не только для студентов, для их семейств и для всего общества. Студенты гордились своим званием и дорожили своими занятиями, видя уважение и симпатию. Даже простые люди и те, при встречах провожали ласковым взглядом юношей с малиновыми воротниками⁷⁰⁶».

Однако желавшие чувствовать себя свободными от ограничений и надзора, студенты старались не надевать свои мундиры при появлении в городе, и это обстоятельство вызывало конфликты с администрацией университета. Поскольку для начальства ИМУ не было секретом, что многие студенты недолюбливают

---

⁷⁰¹ Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М., 2000.

⁷⁰² Цыганков Д.А. В. И. Герье и Московский Университет его эпохи. Вторая половина XIX – начало XX вв. М., 2008.

⁷⁰³ Феофанов А.М. Студенты Московского университета в городском пространстве. XVIII – начало XIX века. С. 147–168.

⁷⁰⁴ Вишленкова Е.А. Казанский университет александровской эпохи. Казань, 2003.

⁷⁰⁵ Жуковская Т.Н., Казакова К.С. Anima universitatis: Студенчество Петербургского университета в первой половине XIX века. М, 2018.

⁷⁰⁶ Гончаров И.А. Из университетских воспоминаний. С. 491.

форму и при любом удобном случае выходят в город в «произвольном» наряде⁷⁰⁷, к 1840 г. была разработана и система наказаний за нарушения указанной формы одежды в городе: «За отступление в первый раз – выговор с отметкой в табели», пойманного во второй раз ждал повторный выговор, а троекратно нарушивший установление «будет исключен из университета как не исполняющий приказаний высшего начальства»⁷⁰⁸. Так следование установленной форме мундира даже вне стен университета оценивалось властями как важное дело, подчеркивавшее принадлежность студентов к университетской корпорации.

Кроме того, проблема ношения студентами форменной одежды была в известном смысле вопросом политическим, подчеркивавшим лояльность учащихся университету и высшему начальству. Во время попечительства Голохвастова в конце 1840-х гг. он повел новое наступление на «партикулярное платье» студентов, упирая на мнение самого императора, выражавшего недовольство тем, что студенты «не имеют единообразной и определенной во всех отношениях формы одежды»⁷⁰⁹.

Однако предписания попечителя часто нарушались, и даже казенные студенты за пределами бдительного взора инспектора еще в николаевское время не считали себя обязанными соблюдать навязанную форму одежды: «и в театре, и в Собрании появились студенческие мундиры; но везде, где можно на вечерах и на балах частных и даже на улицах студенты носили партикулярное платье по произволу»⁷¹⁰.

В той же мере беспокоило университетские власти поведение студентов в местах массовых гуляний, окружавших университет, например на бульварах – Никитском, Тверском и Страстном. Администрация ИМУ добивалась, чтобы ее питомцев было видно в любой толпе, и также поэтому требовала неизменного

---

⁷⁰⁷ Аксаков К.С. Указ.соч. С. 190.

⁷⁰⁸ Об объявлении студентам о разных постановлениях начальства // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 257. Д. 52. Л. 3.

⁷⁰⁹ Университеты в Российской империи. С. 448.

⁷¹⁰ Аксаков К.С. Указ.соч. С. 184.

ношения формы студентами в городе: «Объявляется студентам и слушателям Московского университета, что во время публичных гуляний на Тверском бульваре и по Кремлевскому саду, равно во все торжественные и праздничные дни непременно они должны быть в мундирах или мундирных сюртуках при шпагах и в треугольных шляпах <...> В прочие дни допускаются фуражки»⁷¹¹.

Но никакие запреты и ограничения не могли воспретить студентам прогулки в свободное от учебы время. Стоит сказать, что студенты в принципе активно восприняли моду еще начала XIX века на прогулки пешком и любили гулять по Москве. Ближайшие к зданию университета на Моховой становились излюбленными местами прогулок, встреч и общения студентов на протяжении всей николаевской эпохи и далее. Участвовали студенты, особенно те из них, кто вышел из разночинной среды, и в привычных для горожан народных гуляниях – на Красной Площади, на Девичьем поле, в Подновинском, Всесвятском и в главном московском загородном гулянье на 1 мая. Особенной популярностью традиционно пользовались, разумеется, масленичные гуляния⁷¹².

Также в публичных местах студентам Московского университета строго запрещалось курить. Запрет этот связан вовсе не с заботами о здоровье молодых людей (о вреде табака в XIX веке было еще мало известно), а с очевидной властям «безнравственностью» этой привычки.

12 апреля 1857 г., в конце изучаемой эпохи, московский обер-полицмейстер доложил попечителю, а тот затем инспектору, что «на гуляниях студенты курили папиросы и сигары»⁷¹³. Со студентами была проведена беседа, и они под роспись ознакомились с этим запретом, и к 27 апреля данный вопрос был решен инспектором студентов⁷¹⁴. Однако инспектор Веселаго, также как и его предшественник Нахимов, относился к данной вредной привычке достаточно

---

⁷¹¹ Об объявлении студентам о разных постановлениях начальства. Л. 3.

⁷¹² Пономарева В.В. Указ.соч. С. 365–367.

⁷¹³ Дело инспектора студентов Императорского Московского Университета о воспрещении студентам онного университета курить папиросы и сигары на бульварах и других местах города // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 274. Д. 29. Л. 1.

⁷¹⁴ Там же. Л. 2.

снисходительно. А вот в плане ношения форменной одежды инспектора всегда подавали своим подопечным пример⁷¹⁵.

Столь нелюбимая многими студентами форма могла, впрочем, принести пользу и им, так как служила универсальным способом идентификации своих сотоварищ в любой ситуации и обстановке, а это бывало весьма кстати. Шестаков вспоминал о неизменной взаимопомощи студентов в городских условиях: «Дух товарищества побуждал студента подобрать и отвезти домой совершенно незнакомого ему пьянецкого в студенческой форме, и таким образом, спасти его от неприятности, а студенческий мундир от грязи»⁷¹⁶.

Еще одним публичным местом, где поведение студентов серьезно беспокоило начальство университета, была церковь. Особенно это касалось посещения университетской церкви казенными студентами, свобода которых, как указывалось выше, и здесь была ограничена в наибольшей степени. Так, попечитель Строганов обращал внимание инспектора студентов, что «многие казенные питомцы в торжественные и праздничные дни не бывают в церкви, а некоторые приходят очень поздно и выходят из церкви, не дождавшись окончания службы»⁷¹⁷. В связи с этим вопиющим в глазах попечителя нарушением Строганов «строжайше приказал, чтобы они в табельные дни бывали в церкви для слушания на своих местах и не оставляли церкви до окончания службы»⁷¹⁸.

Изредка университетские власти вынужденно вмешивались и в происшедшее в церквях иных, неправославных конфессий, если вопрос касался поведения их подопечных. В апреле 1846 г. московский обер-полицмейстер сообщил в университет, что «14-го числа в католической церкви Петра и Павла

---

⁷¹⁵ Шестаков П.Д. Указ.соч. С. 642.

⁷¹⁶ Там же. С. 653.

⁷¹⁷ Об объявлении студентам о разных постановлениях начальства. Л. 5.

⁷¹⁸ Там же.

при выборе синдика произведен был шум студентами из поляков, не желавшими, чтобы синдиком был избран Эларов⁷¹⁹».

Реакция попечителя и руководства университета на это краткое сообщение неизвестна, однако дело приобрело серьезный оборот, и о нем было подробно доложено генерал-губернатору Москвы: «14 апреля в Католической церкви Петра и Павла начат был выбор синдика прихожанами, в присутствии советника губернского правления Семенова. Когда большее число прихожан пожелали иметь синдиком Эларова, бывшего в этой должности прежде, и лично просили его принять эту обязанность, то из числа бывших при выборе студентов польской нации Мушинский объявил, что общество студентов не желает иметь Синдиком Еларова. Когда было сказано кем-то из прихожан, что студенты при выборе иметь голоса не могут, то Мушинский требовал объяснить причину, по которой они не могут иметь голоса, почему им было объяснено, что они не могут иметь голоса как еще учащиеся и несовершеннолетние. Мушинский и его товарищи Бендерский, Левицкий, Павлович, Медзинский, Каноницкий и Тенкович начали с азартом и шумом опровергать это объяснение⁷²⁰».

К сожалению, архивные материалы не сообщают окончания этой истории, но можно предположить, что по линии ИМУ строгого наказания студентам-полякам и на этот раз не последовало.

Стоит сказать, что внутри самой студенческой среды польские студенты нередко держались особняком, и составлявшие большинство русские студенты зачастую их недолюбливали. Очень показательная история в этом отношении случилась с одним из студентов-поляков в 1835 г., через несколько лет после подавления восстания в Царстве Польском. Нахимов докладывал Строганову: «Вашему сиятельству известно, что словесного отделения казеннокоштный

---

⁷¹⁹ Дело Канцелярии Попечителя Московского Учебного округа о студентах, производивших 14 апреля 1846 года шум в церкви Св. Петра и Павла // ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 868. Л. 1.

⁷²⁰ Дело Канцелярии Попечителя Московского Учебного округа о студентах, производивших 14 апреля 1846 года шум в церкви Св. Петра и Павла. Л. 2.

студент 3го курса Егор Гаченский, обучающийся в здешнем университете на иждивении Белорусского округа, в начале минувшей осени замечен был в сильной меланхолии и расстройстве умственных сил. Помешательство его состояло, как Вы сами изволили видеть при посещении его в университетской больнице, в том что он после бывших в Москве пожаров полагал, что его как поляка и студента считают зажигателем, и беспрестанно ожидал себе казни»⁷²¹.

При этом другие студенты, наблюдавшие психическое заболевание Гаченского, «позволяют себе шутить и издеваться над ним»⁷²², что характеризует их не с лучшей стороны. Сокурсники Гаченского, видимо, считали его чужаком, что вызывало насмешки, которые могли сами по себе спровоцировать начало болезни.

Справедливости ради, выходцы из западных губерний действительно не всегда бывали образцом благонадежности, и враждебно-подозрительное отношение к ним как студентов, так и властей не было лишено оснований. В конце изучаемой эпохи, в декабре 1861 г. к инспектору от попечителя через ректора ИМУ поступила записка следующего содержания: «Господин военный генерал-губернатор от 27 ноября уведомил Попечителя Московского учебного округа, что приезжавший на каникулы к родным в Лидский уезд студент Фома Умястовский во время пребывания его в Виленской губернии постоянно замечен был в пении запрещенного гимна, кроме того, на него возведено обвинение в раздаче им списков помянутого гимна крестьянам.

Наконец, когда местная полиция по распоряжению г. начальника Виленской Губернии потребовала от него подписки, что он не дозволит себе участия в пении запрещенного гимна и противоправительственных демонстрациях, то он отказался от дачи этой подписки. Начальник Виленской Губернии, получив донесение, что студент отправляется в Москву, просит господина Московского

---

⁷²¹ О принятии и снятии с казенного содержания студентов // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 252. Д. 22. Л. 3.

⁷²² О принятии и снятии с казенного содержания студентов // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Л. 3 об.

Обер-Полицмейстера об учреждении за действиями этого студента строгого секретного наблюдения⁷²³».

Впрочем, начало 1860-х гг. в целом знаменовало собой начало нового этапа в истории университета, связанного с политизацией студенческих масс, преобладанием в ИМУ небогатых разночинцев и началом политической борьбы радикально настроенных учащихся на фоне проведения «Великих реформ», что, в свою очередь, несколько выходит за рамки рассматриваемой в рамках данной работы проблематики.

Студенческое товарищество имело и другую сторону – оно не ограничивалось временем пребывания в университете, и в отдельных случаях студенты готовы были помогать своим бывшим товарищам, оказавшимся за пределами университета один на один с соблазнами и заботами большого города. Однажды в конце 1850-х гг. московский обер-полицмейстер сообщал в Канцелярию университета: «Смотритель больницы сифилитического отделения в Москве препроводил в Яузскую часть неизвестного человека, который без дозволения вошел в заведение и палаты в пьяном виде и делал беспорядки⁷²⁴».

Как выяснилось далее, пьяный визитер лишь стремился оказать помощь бывшему товарищу по учебе, попавшему в больницу: «При опросе неизвестный указал, что он студент Московского университета Медицинского факультета Николай Константинович Сальков, живет в Арбатской части 5 квартала, в доме Соколова, в сифилитическое отделение зашел с намерением увидеться с находящимся на излечении товарищем студентом Николаем Кузьминым, был только выпившим, беспорядков никаких не делал, только настаивал на свидании с Кузьминым, которому принес по записке его чай, сахар и папиросы⁷²⁵».

---

⁷²³ Дело инспектора студентов Московского университета о студенте сего университета Фоме Умястовском // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 278. Д. 97. Л. 1.

⁷²⁴ Дело инспектора студентов о бывшем студенте Николае Салькове // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 278. Д. 90. Л. 1.

⁷²⁵ Там же. Л. 1–2.

Примечательно, что пьяный посетитель также недолго пробыл в университете после данного происшествия – в примечании к данному делу, созданному инспектором студентов, указывается, что, что студент Сальков «уволен из университета в 1858 году с Медицинского факультета со 2го курса⁷²⁶». Вполне возможно, что исключение студента последовало по причине его пьянства, вызывавшего подобные происшествия в городе и, в конечном счете, бросившего тень на репутацию университета.

Пьянство студентов в городе нередко доводило их до беды и служило причиной принятия в их отношении строгих административных мер вплоть до исключения из числа учащихся университета. К счастью, Москва николаевских времен была городом мирным, некриминальным: как писал Вистенгоф про начало 1830-х гг., в Москве «...редко слыхать о важных преступлениях», на слуху лишь мелкое воровство да пьяные драки, и студенты здесь, к счастью, не были исключением⁷²⁷.

Мелкие нарушения дисциплины и предписанных университетским начальством правил поведения студентов в городе, такие как «посещение трактиров, выпивка, соединенная со скандалом, свист в театре» обычно приводили к помещению в карцер⁷²⁸. Об одном из неисправимых нарушителей, студенте Дмитриеве, Нахимов сообщал попечителю следующее: «Хотя, по многократных увещеваниях и арестах, он показывал некоторое исправление, но несколько дней тому назад, быв отпущен мной [в город], возвратился домой в пьяном и непристойном виде, за что [был помещен] в карцер на трое суток. Не более чем через неделю после сего, отлучившись самовольно с лекции, он опять возвратился домой бесчувственно пьяным⁷²⁹». В конечном счете, Дмитриев был не только исключен из университета, но и отправлен на военную службу – данная

---

⁷²⁶ Дело инспектора студентов о бывшем студенте Николае Салькове. Л. 1.

⁷²⁷ Вистенгоф П.Ф. Из моих воспоминаний.

⁷²⁸ Шестаков П.Д. Указ.соч. С. 653.

⁷²⁹ Об отправке на военную службу за пьянство и дурное поведение воспитанников медицинского факультета Дурыгина и Дмитриева // Ф. 418. Оп. 252. Д. 7. Л. 1 и об.

мера изредка применялась по отношению к студентам ИМУ⁷³⁰ как минимум до конца 1830-х гг.

Такая же незавидная участь постигла в том же году еще одного нарушителя, казеннокоштного студента Дурягина: «В течение четырех месяцев Дурягин, ранее неоднократно уличенный в пьянстве, воздерживался от прежних своих проступков и ни в чем предосудительном замечен не был; но по прошествии сего времени он стал вести праздную жизнь, уклоняясь от занятий и отлучаясь без дозволения, не возвращался по нескольку суток, за что был [посажен] в карцер, но по отпущении из оного опять отлучился и до ночи при старании моем и моих помощников еще не отыскан»⁷³¹. В конечном счете студента-медика разыскали, исключили и отправили на службу – с целью исправления и в назидание другим нарушителям установленных правил.

С целью предотвращения подобных случаев, чреватых конфликтами с городскими жителями, студенческим «буйством» и другими бедами, университетское начальство неоднократно пыталось усиливать дисциплину и надзор, чтобы студенты «не заходили в непристойные места» и не употребляли «горячих напитков»⁷³². Однако едва ли руководству университета было под силу вовсе искоренить студенческую выпивку, которая была доступна учащимся, например, в любом из трактиров. Как вспоминал еще применительно к 1820-м гг. бывший студент Ф.Л. Ляликов, «бывало так: половой подал чай, через несколько секунд ложечка стучит, половой вбегает. Ему говорят: «подай еще горячей воды», он схватывает чайник, в котором еще много воды и приносит тот же чайник, будто с водою, но в нем уже aqua vitae⁷³³».

Кроме того, к студенческому пьянству, если оно не доходило до крайней меры, довольно снисходительно относился сам инспектор Нахимов, также не

⁷³⁰ Насонкина Л.И. Указ.соч. С. 32.

⁷³¹ Там же. Л. 2 и об.

⁷³² О надзоре за студентами, дабы они не ходили в непристойные места и горячих напитков отнюдь не употребляли бы // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 122. Д. 555. Л. 2 и об.

⁷³³ Ляликов Ф.Л. Студенческие воспоминания, 1818–1822 // Русский архив. 1875. Кн. 3. Вып. 11. С. 386.

избегавший возлияний, особенно если речь шла о его любимом роме. Шестаков вспоминал, что в один из вечеров Нахимов встретил студентов в трактире «Британия» и спросил, что они пьют. Те ответили, что пьют чай. Нахимов попробовал у каждого из студентов по ложке напитка, молча ушел, а на следующий день вызвал к себе одного из студентов и угрожал ему карцером за то, что все пили пунш, а этот студент какой-то странный напиток: по описанию самого Нахимова, «положил в стакан с чаем ложки две только рому, и вышла какая-то бурда». Согласно преданию, переданному Афанасьевым, карцера тот студент не миновал, поскольку «Платон Степанович-де не мог простить такого невежественного обхождения с ромом⁷³⁴».

В мемуарной традиции есть и еще одна похожая история о любимом студентами инспекторе и трактире, находившемся ровно напротив университетского здания. Согласно воспоминаниям Афанасьева, «раз пришел к Платону Степановичу хозяин трактира «Великобритания» (здесь постоянно кутили, пили и закусывали, играли на бильярде — студенты, и трактир, находившийся как раз около университетских зданий, напротив экзерциргауза, считался и назывался студенческим) с жалобой на какого-то студента, который, забравши у него порядочную сумму, не платит и еще требует. Платон Степанович отправился в «Великобританию» сам.

«Ты задолжал; не платишь, да еще буянишь», — сказал он студенту <...>.

«Я-с, Платон Степанович, не собрался с деньгами; я ему заплачу... А он просто грабит, цены берет хорошие, а если бы вы видели, какая у него водка скверная, хоть не пей! — Вот, извольте попробовать сами».

Платон Степанович взял рюмку и выпил; «Ах ты, мошенник, — закричал он на трактирщика, — такую-то продаешь ты водку! — и распек его на чем свет стоит, а потом, обращаясь к студенту, сказал: «А ты бы лучше ром пил!⁷³⁵».

---

⁷³⁴ Шестаков П.Д. Указ.соч. С. 651.

⁷³⁵ Афанасьев А.Н. Указ.соч. С. 364–365.

Неудивительно, что с таким покровительственным и «ласковым» отношением инспектора никакие начальственные меры против выпивки не могли иметь успеха, кроме совершенно исключительных случаев. Не сильно изменилась ситуация и в годы «мрачного семилетия», когда в период попечительства Голохвастова в ИМУ студентам на некоторое время запрещено было ходить в кондитерские, трактиры и даже читать газеты⁷³⁶. Этот строгий запрет закономерно тоже нарушался.

Объяснение неуспеха начальственных усилий в борьбе с помещением студентами трактиров кроется в том, что трактиры воспринимались учащимися как своеобразные свободные зоны, где можно было делать что вздумается, есть и пить в свое удовольствие, заниматься делами и болтать обо всем на свете. Даже такой последовательный сторонник казенного кошта и контроля над студентами как Буслаев замечал: «Особенную привлекательность для нас трактир имел потому, что мы чувствовали себя совсем дома, независимыми от казеннокоштной дисциплины⁷³⁷».

При этом студентов не останавливало отсутствие лишних денег на трактирные увеселения, особенно в случае пребывания на казенном «натуральном довольствии». По воспоминаниям Буслаева, «целую половину дня, свободную от лекций мы проводили не в номерах, а в трактире. Он назывался «Железным», потому что помещался над лавками, в которых и теперь торгуют железом <...>. Для нас студентов, была особая комната, непроходная, с выходом в большую залу <...>. В эту комнату никто из посторонних заходить не мог. В той комнате мы читали книги и журналы, готовились к экзамену, писали сочинения, болтали и веселились, а особенно наслаждались музыкой «машины», а собственно из трактирного продовольствия пользовались только чаем, не имея средств позволить себе какую-нибудь другую роскошь. Впрочем, когда мы были при деньгах,

---

⁷³⁶ Чичерин Б.Н. Указ.соч. С. 79.

⁷³⁷ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. С. 12.

устраивали себе пиршество; спрашивали две-три порции, разделяя их между собою по частям⁷³⁸».

Упомянутый в рассказе Буслаева «Железный» трактир был, как и «Британия», одним из любимейших мест для студентов изучаемой эпохи, и находился он также в двух шагах от университета, близ Александровского сада. Мурзакевич вспоминал, что в середине 1820-х гг. «в плохоньком трактире, что в «железных рядах», окнами на Кремлевский сад <...> как постоянные посетители мы имели свою комнатку, и услужливые половые трактирные служители первым делом доставляли нам свежие «Московские ведомости», «Телеграф» Н. Полевого, «Инвалид» и «Дамский вестник»⁷³⁹.

Еще один трактир, принадлежавший купцу Печкину и находившийся близ Большого театра, упоминался как любимое студенческое место уже применительно к 1840-м годам: «Как часто в то время, если только не обедал я у кого-нибудь из числа моих знакомых, я в трактире Печкина проедал двадцать копеек, заказывая себе подовый пирожок, политый чем-то вроде бульона⁷⁴⁰». Поскольку же трактир был совмещен с кофейней, студенты захаживали и в нее: «Я считал себя уже богачом, если у меня в жилетном кармане заводился двугривенный; по обыкновению, я тратил эти деньги на чашку кофе в ближайшей кондитерской⁷⁴¹».

Студенческая традиция регулярно посещать трактиры не исчезла и к концу изучаемой эпохи – Свинин вспоминал применительно к началу 1860-х гг., что «антракты между лекциями проводились в соседних ресторанах, или в «Русском» трактире, возникшем на месте бывшей «Британии», а менее взыскательные отправлялись в «Гитару», каковым именем называли пирожную возле университета, где изготавливали пирожки для Сундучного ряда и всего города,

---

⁷³⁸ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. С. 12.

⁷³⁹ Мурзакевич Н.Н. Указ.соч. С. 92.

⁷⁴⁰ См.: Полонский Я.П. Мои студенческие воспоминания.

⁷⁴¹ Там же.

известные теперь в московских булочных под названием жареных, стоящих когда-то по три, а потом по пять копеек пара⁷⁴²».

При этом качество еды в этой дешевой студенческой пирожковой, по мнению мемуариста, оставляло желать лучшего: «Я не знаю ничего омерзительнее этой пирожной, где за длинными столами, покрытыми толстым слоем всевозможных запахов грязи, стояли кучами студенты, уничтожая с наслаждением горячие пироги с разными начинками⁷⁴³». Еще печальнее представлялся Свиньину тот факт, что на эти пирожки и походы по прочим увеселительным заведениям студенты тратили те немногие средства, которыми обеспечивалось их проживание в Москве в условиях отмены казенного кошта и падения среднего уровня жизни студенчества. Рассуждая о пользе студенческих касс взаимопомощи, автор воспоминаний указывал, что «большая часть получаемых денег тотчас оставлялась в соседних булочных и пресловутой «Гитаре». А между тем на это расходовались солидные суммы, которые при поступлении их в общую кассу, могли бы оказать несомненную услугу, разделяя помочь равномерно⁷⁴⁴».

Наконец, местом для полноценного кутежа и веселья был в начале 1860-х гг. еще один расположенный не слишком далеко от университета трактир: «Любимым приютом студенческих кутежей на широкую руку был в мое время трактир «Саратов» Дубровина, в нем в то время была одна из лучших машин в Москве, под звуки которой в приятном полу забытье проводили студенты свои часы досуга⁷⁴⁵».

Несмотря на значимость времяпрепровождения в трактирах для формировавшейся в 1830-х–1850-х гг. студенческой субкультуры, не следует переоценивать значение этих локаций в глазах учащихся того времени. Высказанное в свое время филологом Ю.М. Лотманом мнение, что «безумные пиры» студенческой молодежи, разгул на фоне николаевской эпохи «неизбежно

---

⁷⁴² Свиньин И.А. Указ. соч. С. 25.

⁷⁴³ Там же.

⁷⁴⁴ Там же. С. 66.

⁷⁴⁵ Там же. С. 25.

окрашивался в оппозиционные тона» представляется все же некоторым преувеличением сознательности «пировавших» студентов⁷⁴⁶, отдыхавших таким образом от учебных забот и скрывавшихся в трактирах от надзора администрации.

Аналогично не выглядит в полной мере убедительным стремление вывести студенческие загулы в московских трактирах из традиций немецких буршенштадтов, распространявшихся в России студентами Дерптского университета⁷⁴⁷. По большому счету, студенческое пьянство как способ проведения досуга упоминается в документах Московского университета еще с конца XVIII века, являясь исконной традицией московских учащихся, исторически куда более свободолюбивых и «вольных», чем студенты в Санкт-Петербурге⁷⁴⁸.

Более того – стремление привить студентам исторического центра Российской империи привычки и обыкновения немецких «буршей» иногда доводило их русских товарищей до беды. Характерную историю из жизни Казанского университета рассказал в свое время Вистенгоф: «В 1839 году, во время нахождения моего на последнем курсе во втором полугодии, случилось следующее грустное происшествие: Студент Дерптского университета, граф Сологуб, по каким-то делам приезжал на короткое время в Казань. Он познакомился с многими из наших студентов и обучил их некоторым обычаям студентов Дерптского университета. Особенно увлекательно рассказывал он про обыкновение, после студенческих оргий и попоек, ходить ночью по улицам и бить стекла в зажженных уличных фонарях. Это приглянулось нашим студентам и вошло в моду⁷⁴⁹».

Однако в Казани эти хулиганские действия кончились плачевно – студент попал камнем не в фонарь, а в священника, за что и был со всеми товарищами

---

⁷⁴⁶ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 2008. С. 100.

⁷⁴⁷ Университет в Российской империи. С. 640–641.

⁷⁴⁸ Венгеров С.А. Роль Москвы в истории русской мысли // Новь. 1888. № 13. С. 34.

⁷⁴⁹ Вистенгоф П.Ф. Из моих воспоминаний.

арестован. Самого Вистенгофа от исключения из университета и расправы спасло только то, что он сильно напился и отсутствовал в момент данного происшествия.

Наконец, трактир был тем местом, который соединял студенчество с «храмом муз», театром. И дело не только в том, что в том же трактире Печкина собиралась театральная публика, пересекавшаяся там же со студенчеством. После театральных спектаклей студенты любили принимать участие гулять по вечерним улицам, а иногда они, сидя в привычных в трактирах, спорили о достоинствах и недостатках любимых актеров, разбирая до тонкостей их игру⁷⁵⁰.

Посещение театра было одной из любимейших форм досуга студента во всю рассматриваемую эпоху, и небогатые учащиеся могли пожертвовать другими своими потребностями, чтобы попасть на галерку. Как отмечал Свињин, «театр был стихией студента: они в нем отдыхали душой и набирались сил для борьбы с житейскими невзгодами. Необходимость в нем была так всесильна, что между двумя потребностями, физической и духовной, перевес всегда замечался в сторону последней. Иной раз сидит студент впроголодь несколько дней, чтобы скопить какие-нибудь 30 копеек, открывающие ему доступ в «храм искусств», и без всякого сожаления несет их в кассу театра⁷⁵¹».

Поскольку театр был важным общественным местом, наряду со студентами на представлениях уже в начале 1830-х гг. обычно присутствовали представители университетской администрации, следившие за поведением своих подопечных: «Инспектора казеннокоштных и своекоштных студентов, а равно и помощники их (суб-инспектора), имели в императорских театрах во время представления казенные бесплатные места в креслах, для наблюдения за нравственностью и поведением студентов во время сценических представлений и ограждения прав их от произвольных действий полиции⁷⁵²».

---

⁷⁵⁰ Пирогов Н.И. Из жизни московского студенчества 20-х годов XIX века // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 82.

⁷⁵¹ Свињин И.А. Указ.соч. С. 80.

⁷⁵² Вистенгоф П.Ф. Из моих воспоминаний.

Опасения университетского начальства не были беспочвенны, поскольку студенты довольно быстро включались в театральную жизнь, в том числе в борьбу театральных группировок за влияние. Историю об одном из эпизодов этой борьбы в свое время рассказывал Афанасьев: «Москва в это время разделялась на две театральные партии, из которых одна стояла за танцовщицу Андреянову (любовницу Гедеонова, директора театров) и ею восхищалась; другая же изо всех сил восторгалась Санковскою и ее балетным искусством. Студенты всегда стояли за Санковскую; они ей поднесли в бенефис серебряный венок, сделанный на собранные деньги, и приветственные стихи. Сколько раз аплодисменты, которыми публика осыпала Андреянову, были нарушаемы студенческим шипением и сколько раз неистовое хлопанье студентов встречало и провожало их любимицу⁷⁵³».

К счастью, до крайних мер в этом противостоянии универсанты не дошли, в отличие от других зрителей: «Какой-то санковист (только не студент) дошел до того, что бросил из раяка на сцену во время танцев Андреиной исдохнувшую кошку, за что и был выслан из Москвы⁷⁵⁴».

Выходили студенты в свет и в самом прямом смысле этого слова – посещая балы и другие светские мероприятия. Так, бывали студенты ИМУ на балах в Купеческом и Дворянском собраниях, многие из них снискали даже известность в тамошних обществах как прекрасные танцоры. Доходило до того, что из собраний в университет приходили настоятельные приглашения и просьбы не препятствовать появлению студентов на балах. Что, однако, вовсе не отменяло контроля и строгого надзора за ними, даже при благосклонности начальства в этом вопросе⁷⁵⁵.

Конечно, балы были элементом дворянской субкультуры, и потому были доступны лишь незначительному числу студентов, в подавляющем большинстве состоятельный своекоштным. Однако все студенты овладевали светскими

---

⁷⁵³ Афанасьев А.Н. Указ.соч. С. 391–392.

⁷⁵⁴ Там же. С.305.

⁷⁵⁵ Университет в Российской империи. С. 645.

манерами вплоть до 1850-х гг., в частности, в рамках своего образования обязательно учились фехтовать и танцевать. В пореформенную же эпоху дворянская культура в университете стала принципиально отрицаться разночинцами⁷⁵⁶.

Однако далеко не всем студентам, попавшим на балы по разным причинам, нравилось подобное времяпрепровождение. И если студенты-аристократы прекрасно себя на них чувствовали, то разночинцы (как, например, Белинский) вели себя слишком скованно – упорно молчали, удалялись в соседнюю от танцующих залу, не решались завести светский разговор с кем-либо... Или, напротив, были чересчур развязны, что также отталкивало общество от них⁷⁵⁷.

Пример Белинского, быть может, не совсем характерен для образа типичного студента 1830-х гг., однако можно утверждать, что небогатые казенные студенты и более позднего времени нелегко входили в светское общество, хотя последнее и было настроено к ним вполне благожелательно⁷⁵⁸.

В целом, основная масса студентов в трактирах, театре, на балах и народных гуляниях вела себя достаточно благопристойно, и встречающиеся в архивных делах эксцессы являются лишь немногими исключениями из этого правила. Как писал Гончаров, «иногда пробегали, впрочем, в городе слухи о шумных пирушких в трактирах, о шалостях вроде перемены вывесок у торговцев по ночам или задорных пререканий с полицией. Но большинство держало себя прилично и дорожило симпатиями общества⁷⁵⁹».

Необходимо также отметить, что Устав 1835 г. сохранял остатки автономии университетов от местной власти, и студенты, задержанные полицией, обычно передавались университетским властям. В случае следствия над ними

---

⁷⁵⁶ Университет в Российской империи. С. 645.

⁷⁵⁷ Лотман Ю.М. Указ.соч. С. 93.

⁷⁵⁸ Чичерин Б.Н. Указ.соч. С. 59.

⁷⁵⁹ Гончаров И.А. Из университетских воспоминаний. С. 491.

представителю университета дозволено было присутствовать на всех мероприятиях и участвовать в расследовании уголовного дела⁷⁶⁰.

Типичный пример реализации этого положения на практике содержится в архивных материалах. 6 июня 1836 г. в Правление университета пришло отношение № 998 от частного пристава Пречистенской части: «По резолюции господина Московского обер-полицмейстера и кавалера поручено мне произвести следствие общественных поступков, сделанными студентами Иваном Григорьевым Тюльпинским и Иваном Ивановым Бурыковым, вследствие чего покорнейше прошу оное правление девятого числа в 10 часов утра выслать Тюльпинского и Бурыкова ко мне в частный дом для предложения вопросных пунктов о сделанных ими буйственных поступках с депутатом со стороны их». Также пристав просил «уведомить с тем, не были ли когда-либо означенные студенты замечены в буйственных поступках⁷⁶¹» университетскими властями.

От имени университета приставу ответил инспектор студентов: «Вследствие отношения Вашего от 6 июня за № 998 в Правление университета, переданного инспектору 12 июня, «о высылке в вверенную вам часть Ивана Тюльпинского и Ивана Боровикова <...>», сим уведомить честь имею, что первого в университете поступками не значится, а последний исключен прошлого октября 11 числа 1835 года⁷⁶²».

Как можно увидеть, обе стороны действуют в рамках ограниченной университетской автономии: судьбу студентов решает университетское начальство, на допрос в полицию они могут быть отправлены только с его согласия и со своим «депутатом», ошибка же в фамилии второго провинившегося (Бурыков – Боровиков) вызвана, очевидно, невнимательностью пристава и исправлена хорошо знавшим своих подопечных инспектором.

---

⁷⁶⁰ Харківський Національний університет ім. В.Н. Каразіна. С. 86.

⁷⁶¹ О высылке в Пречистенский служебный дом студентов Боровикова и Тюльпинского на разбирательство об их буйстве // Ф. 418. Оп. 253. Д. 32. Л. 1 и об.

⁷⁶² О высылке в Пречистенский служебный дом студентов Боровикова и Тюльпинского. Л. 2.

Иногда неприятности могли настигнуть студентов не в общественном пространстве города, а прямо на собственной квартире. Именно там, в доме студента Казначеева, осенью 1842 г. произошла трагикомическая история, лишь по случайности окончившаяся благополучно. Инспектор Нахимов докладывал Строганову о ней: «29 сентября в 8 вечера к студенту Московского университета Александру Казначееву, квартирующему на Пречистенском бульваре в Доме Денисова, пришли несколько студентов по товариществу, в числе коих находились Дмитрий Дмитриев и Николай Моравский. По некотором времени, Моравский, усмотря в комнате пистолеты, любопытствуя <...> и полагая, что оные не были заряжены, взяв один, попробовав спустить курок сделал это неоднократно, как вдруг из его пистолета последовал выстрел, который сверх всяких ожиданий оцарапал пулею в щеку студенту Дмитриеву⁷⁶³».

К счастью, безалаберность студентов на сей раз не привела к серьезным последствиям: «Студент Дмитриев по распоряжению моему привезен в университетскую больницу, где оказаны для него все пособия для излечения, и он находится в совершенной безопасности⁷⁶⁴». О данном деле попечитель доложил министру Уварову⁷⁶⁵, виновным, очевидно, были назначены минимальные наказания, и на этом инцидент был исчерпан.

Необходимо также отметить, что контроль за пребыванием в городе казеннокоштных студентов в городском пространстве был намного строже, чем за своекоштными – они даже не могли произвольно покидать свое «общежитие». Как сообщал Шестаков, пребывавшим на казенном коште приходилось каждый раз отпрашиваться: «Уходящим из университета к родным и знакомым дозволялось проводить ночь там, требовалось только, чтобы студент сообщал об этом предварительно дежурному субинспектору⁷⁶⁶».

---

⁷⁶³ О происшествии, бывшем в квартире студента Казначеева // ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 465. Л. 1.

⁷⁶⁴ Там же. Л. 1.

⁷⁶⁵ Там же. Л. 2.

⁷⁶⁶ Шестаков П.Д. Указ.соч. С. 642.

О таких же ограничениях сообщал и Буслаев: отпрашиваться надо было даже для того, чтобы обедать или ужинать на в университете, а в городе, а также у субинспектора требовалось «попросить разрешение переночевать у родных или знакомых, с сообщением адреса у кого именно⁷⁶⁷».

Контроль за ношением формы казенными воспитанниками университета также был несколько строже, чем относительно остальных групп учащихся. Уже в середине 1830-х гг. казенным студентам были «построены мундирные сюртуки» для постоянного ношения и различия их в городской толпе, своекоштные же были лишь «обязаны подписанием постановления касательно обмундирования». В то же время было объявлено, что казеннокоштным учащимся «в публичных собраниях и увеселениях в Москве и за городом непозволительно быть без письменного дозволения Ректора, которое казенные студенты получают от Инспектора казенных студентов и Директора медицинского института⁷⁶⁸». Однако они благополучно обходили это ограничение.

В частности, казеннокоштные студенты наряду со своекоштными товарищами и стипендиатами покидали университет, чтобы заработать денег на собственные расходы. Как упоминалось выше, самым частым источником доходов студенчества были частные уроки, а для медиков старших курсов еще и неофициальная «практика⁷⁶⁹».

Еще один источник дохода, публикации в журналах, стал доступен студентам только в конце 1850-х гг. О нем рассказывал Свињин: «Не последним подспорьем бедным студентам моих времен служила периодическая печать, гостеприимно открывавшая для них свои страницы. Одно время этот источник показался всем нам настолько заманчивым, что мы все неудержимо пустились в

---

⁷⁶⁷ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. С. 10.

⁷⁶⁸ О надзоре за студентами, дабы они не ходили в непристойные места и горячих напитков отнюдь не употребляли бы. Л. 3.

⁷⁶⁹ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания; Свињин И.А. Указ.соч. С. 65; Афанасьев А.Н. Указ.соч.

литературу. Я писал рассказ «Переправа», опубликованный в “Московском вестнике”⁷⁷⁰.

Министерство также охотно поддерживало в то время публикационную активность студентов. Так, весьма либеральной мерой конца 1850-х гг. было разрешение студентам печатать свои переводы научных статей иностранных авторов, а также публиковать собственные научные работы в особом «сборнике статей», первый номер которого должен был быть издан за счет средств Московского университета⁷⁷¹.

Наконец, казенные студенты и другие учащиеся могли отправляться в город для того, чтобы поправить здоровье – к сожалению, университетские медики не всегда могли оказать им достойную помощь. Например, у студентов случались проблемы с зубами, причем зачастую от «неискусства» университетских лекарей, вынуждавших их искать помощи на стороне. Так поступил студент Александр Тулубьев, долечивший зуб у московского дантиста Закса после неудачного удаления у университетского специалиста, доктора Жюли⁷⁷².

Если же студент по тем или иным причинам попадал на лечение в городскую больницу вместо университетской, он мог быть «потерян» администрацией ИМУ на многие месяцы. Удивительный случай произошел со студентом Николаем Успенским в 1837 году. 10 мая того года ректор направил инспектору Нахимову письмо следующего содержания: «В прошлом году удостоен по экзамену звания студента Медицинского факультета Николай Успенский, а теперь он несколько месяцев не являлся в университет. Покорнейше прошу уведомить меня, по какой причине студент не посещает профессорских лекций, и если по болезни, то оставить распоряжение о доставлении надлежащего о том свидетельства⁷⁷³».

---

⁷⁷⁰ Свинин И.А. Указ.соч. С. 49.

⁷⁷¹ О дозволении студентам Московского университета переводить и печатать сочинения иностранных ученых и издавать «Сборник статей» // ЖМНП. 1858. Ч. 98. С. 175.

⁷⁷² О болезнях студентов. Л. 17.

⁷⁷³ О доставлении сведений о болезни студента Николая Успенского // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 254. Д. 31. Л. 1.

Вскоре студент был найден в одной из больниц Москвы. 16 мая того же года пришел ответ от Головинской больницы, что указанный студент «очень болен ломотою, от которой при вступлении в больницу не имел никакого действия в ногах, ныне он ещё слаб», и «скорое выздоровление не предвидится⁷⁷⁴». Далее судьбой студента Успенского инспектор озабочился только в апреле следующего, 1838 года, когда узнал, что студент выписался еще в июне 1837 года⁷⁷⁵. В итоге Нахимов вынужден был доложить ректору, что 17 июня 1837 г. Успенский покинул больницу, а причина его почти годичного отсутствия на лекциях инспектору неизвестна⁷⁷⁶.

Не сильно заботили университетское начальство и случаи крайне редких, к счастью, в указанную эпоху самоубийств в студенческой среде. Чуть ли не единственный случай такой смерти относился к 1845 г. Согласно донесению инспектора попечителю, студент первого курса Николай Черахович 30 мая 1845 г., «желая лишить себя насильственно жизни», принял 10 грамм суплемы, от чего и умер 6 июня в Полицейской больнице бесприютных больных». Университетское руководство также не стало проводить расследование причин суицида – касательно возможных оснований для такого поступка студента указано лишь некое «нервное расстройство⁷⁷⁷» Чераховича.

Таким образом, существование студенчества Московского университета в городском пространстве Москвы во второй трети XIX века имело много последствий как для самих учащихся, так и для городского сообщества. Студенты в городе развлекались самым различным образом – от выпивки в трактире и участия в народных гуляниях до посещения театров и светских вечеров. Кроме того, они подрабатывали уроками, частной практикой, написанием художественных и научных статей, зарабатывая деньги на свои скромные нужды.

---

⁷⁷⁴ О доставлении сведений о болезни студента Николая Успенского. Л. 4.

⁷⁷⁵ Там же. Л. 7.

⁷⁷⁶ Там же. Л. 8.

⁷⁷⁷ Дело о самоубийстве студента Чераховича // Ф. 459. Оп. 2. Д. 738. Л. 1.

Значимых конфликтов между городскими жителями и студентами ИМУ в указанную эпоху, очевидно, не происходило – городское общество относилось с уважением к представителям университета, а сами студенты с осторожностью входили в мир столичной жизни, хотя и довольно быстро «намосквичивались⁷⁷⁸». Единственный конфликт, который перманентно существовал в отношении пребывания студентов в городе, это противоречие между ожиданиями начальства от внешнего вида, поведения и лояльности студентов и их реальной жизнью в пространстве города. Однако и этот конфликт не приводил к крупным эксцессам вплоть до рубежа 1850-х–1860-х гг.

Тем не менее, именно в ситуации свободного выбора в пространстве города в указанное время появлялись и формировались ценности, этика, базовые свойства студенческой корпорации, которая, приобретя демократический, разночинный характер и кратно увеличившись в конце 1850-х гг., станет важной общественной силой в пореформенной Российской империи, не говоря уж про предреволюционный рубеж XIX–XX столетий.

---

⁷⁷⁸ Пономарева В.В. Указ.соч. С. 362.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Научное изучение студенчества Московского университета второй трети XIX столетия, его характерных особенностей, внутренних взаимосвязей и связей с внешним миром университета и столичного города, требует комплексного анализа, самых разнообразных исследовательских инструментов и работы с большими массивами источников разного типа. По этой причине данная тема не может быть исчерпана в рамках данного исследования и требует дальнейшей разработки в логике развития отечественной исторической науки.

Тем не менее, некоторые выводы об облике студенчества и его повседневности можно сделать на основании исследованного объема данных. Так, общее количество учащихся в Московском университете за период 1830-х–1860-х гг. росло неравномерно, но в конечном итоге увеличилось почти в четыре раза и вплотную приблизилось к отметке в две тысячи человек накануне принятия Устава 1863 года. Подавляющее большинство учащихся в ИМУ являлось собственно студентами – количество вольнослушателей, гезелей, чиновников, допущенных до слушания лекций и других групп учащихся во все рассмотренные годы оставалось невелико.

Сословный состав учащихся Московского университета также с течением времени претерпевал изменения. Выявленные статистические данные позволяют согласиться с принятым в историографии выводом о том, что во второй трети XIX века студенчество ИМУ приобретает все более пестрый, разночинный характер. Хотя в абсолютных числах студенты-дворяне преобладали вплоть до начала 1860-х гг., все больший удельный вес приобретали выходцы из духовного звания, купечества, чиновничества. Да и сами дворяне-студенты зачастую были бедны, нередко переходили по этой причине на казенный кошт вплоть до его отмены, а по своему материальному положению все больше походили на основную массу студентов недворянского происхождения.

Этноконфессиональный состав студенчества в указанную эпоху также становился все более разнообразным: студенты-православные, составлявшие большинство в студенческой корпорации середины 1830-х гг., уже в следующем десятилетии оказываются потеснены пришедшими или переведенными в университет поляками-католиками, немцами протестантских конфессий, а также некоторым количеством армян и евреев. В конечном итоге к началу 1860-х гг. «инородцев» в Московском университете насчитывалась добрая половина, что затрудняло административное управление студенческой массой и шло вразрез с пожеланиями начальства.

Наконец, возраст студентов с течением времени становился все более разнообразным в силу ряда причин: переводов из других учебных заведений великовозрастных учащихся, появлением в числе студентов ИМУ значительного числа выходцев из семинарий и т.д. Наиболее «взрослой» частью университета оказывался Медицинский факультет – не только в силу более длительного срока обучения, но и специфики медицинской сферы, в которую нередко приходили уже вполне зрелые люди, сделавшие осознанный профессиональный выбор. Тем не менее, основная масса учащихся всех курсов к концу изучаемой эпохи находилась в возрасте 18-23 лет, а медианный возраст поступления в ИМУ все годы держался на отметке 18-19 лет.

Учебный процесс в Московском университете в 1830-х–1850-х годах имел тенденцию к все большей формализации и бюрократизации: ужесточались правила поступления в университет относительно требований к образованию будущих студентов, а также их реальных познаний, особенно в области древних языков. Вступительные испытания охватывали все новые категории желающих вступить в университет, строгость оценки знаний поступающих увеличивалась, однако компенсировалась снисходительностью профессоров при проведении экзаменов.

Аналогичная тенденция прослеживалась и в развитии курсовой системы и переводных экзаменов: строгие установления министерства народного

просвещения нивелировались либерализмом преподавателей и университетских властей, нередко дававших студентами второй шанс даже после отчисления.

Известные вольности позволяли себе студенты и на самих университетских лекциях: подшучивали над преподавателями, спорили с ними, нередко могли выражать свое негативное отношение к преподавателю или читаемому курсу, хотя явных обструкций вроде «маловской истории⁷⁷⁹» в документах последующих десятилетий не отмечено, кроме случившейся уже в 1860 г. отставки профессора зоологии Варнека, случившейся из-за массового недовольства студентов читавшимся им лекционным курсом⁷⁸⁰. В целом, студенты в ту эпоху имели свое мнение насчет каждого из профессоров и содержания их предметов, и благодаря этому постепенно складывался институт репутации внутри университетской корпорации.

Относительно карьеры оканчивавших курс студентов следует отметить, что правительство и министерство на протяжении всего рассматриваемого периода стремились направить выпускников ИМУ по пути государственной и военной службы. Особенно последнее касалось студентов-медиков, на которых в годы Крымской войны были наложены прямые обязательства по определению в армейские части сразу после окончания учебы.

Данные меры, однако, встречали сопротивление студентов, не желавших строить свои биографии по указаниям начальства. Хотя время организованных протестных акций студенчества еще не пришло, официальные документы отражают эту тенденцию в достаточной мере: притеснения студентов-медиков в начале 1850-х гг. вызвали стремление студентов к переходу в другие факультеты, а обязанные прослужить 6 лет по ведомству народного просвещения казенные студенты также стремились избежать отправки в провинциальные гимназии, предпочитая, например, быть оставленными для научной карьеры при университете.

---

⁷⁷⁹ Посохов И.С. Студенческие обструкции в университетах Российской империи. С. 106.

⁷⁸⁰ Лебединский П.В. Из жизни Московского университета. Варнековская история // Голос минувшего. 1915. № 9. С. 210–218.

Бытовые условия жизни студентов в значительной мере различались в зависимости от того, на каком содержании пребывали учащиеся. Казенномкоштные студенты, жившие в здании ИМУ в особых «нумерах», имели полное казенное содержание и не должны были заботиться о собственном пропитании, одежде, обуви, книгах и письменных принадлежностях. В обмен на все эти блага университетское начальство требовало от них безусловного подчинения. Однако поскольку главным чиновником, осуществлявшим контроль над учащимися, был снисходительный инспектор (Нахимов, позднее Веселаго), в этом вопросе бюрократические требования вновь компенсировались «семейным», патриархально-покровительственным стилем управления студенчеством.

Своекоштные студенты, а также стипендиаты и другие категории учащихся, не имевшие право проживания в казенном «общежитии», были в значительно большей мере свободны в вопросах проведения досуга и бытовых привычек, чем казенные питомцы университета. Обратной стороной их свободы была необходимость обустраивать свой быт и находить средства к существованию самостоятельно, включая поиск городской квартиры, питание, покупку книг и учебников и т.п. Впрочем, с течением времени полномочия инспектора по надзору за этой категорией учащихся также расширялись, но в реальности своеекоштные студенты большую часть времени были предоставлены сами себе и с начальством сталкивались довольно редко.

Пребывание студентов в пространстве столичного города в указанную эпоху отмечено не только их попытками избавиться от вездесущего контроля университетского начальства за пределами стен университета, но и самыми разнообразными мотивами, заставлявшими студентов оказываться в публичных местах. В театрах студенты проявляли немалую активность, бурно реагируя на актеров и их игру, в трактирах они вели разгульную жизнь, нарушая запреты инспектора на потребление горячительных напитков, курение табака и выход в город в «партикулярном» платье⁷⁸¹, а в дни народных гуляний по бульварам

---

⁷⁸¹ Университеты в Российской империи. С. 448.

Москвы студенты становились единым целым с народными массами и охотно участвовали в традиционных городских развлечениях.

Контроль и надзор над студентами в городе осложнялся, во-первых, попустительством инспектора, во-вторых, обширностью городского пространства, в котором проявляли себя учащиеся. Наконец, сами учащиеся рассматривали свои городские трактиры, излюбленные трактиры и кофейни, а также улицы и бульвары города как пространства, свободные от надоевшей им мелочной опеки университетского начальства.

С другой стороны, заботы министерства и руководства ИМУ не ограничивались только лишь надзорными, «полицейскими» функциями по отношению к своим подопечным. В изучаемую эпоху университетские власти способствовали также выделению ряда общественных пространств под студенческие нужды – например, нанимая бани и летние дачи для казеннокоштных студентов в целях заботы об их гигиене, здоровье и полноценном отдыхе в период «vakаций».

Таким образом, если структуры управления университетом в 1830-х–1860-х гг. постепенно эволюционировали в сторону профессионализации, формализации, бюрократизации управления, ухода от «семейного стиля» начала XIX столетия, то студенчество все больше приобретало разночинный и, в конечном счете, свободолюбивый характер. Хотя патриархальные традиции, покровительственное отношение профессуры и чиновников ИМУ к студентам еще далеко не исчерпало себя и даже оказывалось эффективной стратегией коммуникации с учащимися, все же на исходе 1850-х гг., на пороге «Великих реформ» демократический импульс, заложенный в основание формировавшейся студенческой корпорации, входил постепенно в противоречие с бюрократическим устройством университетской системы.

В конечном счете, в пореформенной России это противоречие выведет конфликты студентов с администрацией с бытового на политический уровень, сделав студенчество с его накопленным социальным опытом второй половины

века серьезной общественной силой и благодатной средой для роста и распространения радикальных, революционных идей различного толка. С этой многотысячной, политически активной студенческой массой руководство российских университетов, министерства народного просвещения и даже высшие правительственные учреждения уже не смогут справиться прежними патриархальными методами управления, характерными для предшествовавших эпох университетской истории.

Список использованной литературы и источников

Архивные фонды:

Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА г. Москвы)

Ф. 418. Императорский Московский университет.

Ф. 459. Канцелярия попечителя Московского учебного округа.

Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ)

Ф. 404. Дмитрий Павлович Голохвастов.

Источники:

Официальные документы:

1. Высочайше утвержденный Общий Устав Императорских Российских Университетов [26 июля 1835 г.] // ПСЗРИ. Второе собрание (1825–1881). Т. X. Отд. I. СПб., 1835. № 8337. С. 841–855.
2. Высочайше утвержденный Устав Императорского Московского университета (5 ноября 1804 г.) // ПСЗРИ. Т. XXVIII. 1804—1805. № 21498. С. 570–589.
3. Инструкция инспектору студентов Императорского Московского университета // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. № 11. С. 26–46.
4. Общий устав императорских российских университетов (18 июня 1863 г.) // ПСЗРИ. Второе собрание. Т. XXXVIII. № 39752. С. 622–638.
5. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета. [М., 1834–1863].
6. Правила испытания для желающих поступить в университеты // Журнал Министерства народного просвещения. 1837. Ч. 14. С. 39–47.

7. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1–3. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1866–1867.
8. Состояние Московского университета и Московского учебного округа // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Ч. 6.
9. Торжественные университетские собрания. Московский университет // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. Ч. 3.
10. Уставы Московского университета, 1755–2005 / [авт.-сост. Е.И. Гена]. – М.: Империум Пресс, 2005. – 480 с.
11. Штаты Императорских университетов (Извлечения по Московскому университету). 1835 год // Уставы Московского университета, 1755–2005. / Авт.-сост. Е.И. Гена. – М.: Империум Пресс, 2005.

Периодические издания:

1. Московские ведомости. 1835–1863.
2. Журнал Министерства народного просвещения. 1834–1863.

Воспоминания:

1. Аксаков К.С. Воспоминания студенства // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М.: Современник, 1989. – С. 182–199.
2. Аргиландер Н.А. Виссарион Григорьевич Белинский (из моей студенческой с ним жизни) // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М.: Современник, 1989. – С. 97–101.
3. Афанасьев А.Н. Московский университет в воспоминаниях, 1843–1849 гг. / Сообщ. Е.Н. Аммон // Русская Старина. 1886. № 8. С. 358–394.
4. Буслаев Ф.И. Мои воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М.: Современник, 1989. – С. 200–222.
5. Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. М.: Изд. В.Г. фон-Бооля, 1897. – 397 с.

6. Венгеров С.А. Роль Москвы в истории русской мысли // Новь. 1888. № 13. С. 33–34.
7. Вистенгоф П.Ф. Из моих воспоминаний // Исторический вестник. 1884. Т. 16. № 5. С. 329–353.
8. Вистенгоф П.Ф. Лермонтов в Московском университете (Из моих воспоминаний) // Московский университет в воспоминаниях современников. М.: Современник, 1989. С. 173–181.
9. Вистенгоф П.Ф. Очерки московской жизни // Москва в очерках 40-х годов XIX века. М.: Крафт+, 2004. – 336 с.
10. Воспоминания, мысли и признания человека, дожившего свой век смоленского дворянина // Русская старина. Т. 84. 1895. № 12. С. 89–119.
11. Георгиевский А.И Мои воспоминания и размышления // Русская старина. 1915. Т. 162. № 6. С. 453–471.
12. Герцен А.И. Былое и думы. Части 1-3. М.: ГИХЛ, 1958.
13. Голохвастов Д. К истории Московского университета // Русский Архив. 1887. Кн. 2. С. 245–251.
14. Гончаров И.А. Воспоминания. В университете // Московский университет в воспоминаниях современников. М.: Современник, 1989. – С. 144–172.
- 15 . Гончаров И.А. Из университетских воспоминаний. Как нас учили 50 лет назад // Вестник Европы. 1887. Кн. 4. С. 489–517.
16. Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти. М.: Рус. арх., 1869. – 299 с.
17. Дмитриев Н.М. Студенческие воспоминания о Московском университете // Отечественные записки. 1858. № 8. С.81–95.
18. Из хроники Московского университета. История с профессором Маловым // Русский архив. 1915. № 9. С. 316–324.
19. Костенецкий Я.И. Воспоминания из моей студенческой жизни // Русский архив. 1887. Кн. 1. № 1. С. 99–117.
20. Лебединский П.В. Из жизни Московского университета. Варнековская история // Голос минувшего. 1915. № 9. С. 210–218.

21. Ляликов Ф.Л. Студенческие воспоминания, 1818–1822 // Русский архив. 1875. Кн. 3. Вып. 11. С. 376–387.
22. Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917) / Сост. Ю.Н. Емельянов. М.: Современник, 1989. – 735 с.
23. Московский университет в воспоминаниях современников / Сост. Р.А. Ковнатор; под ред. П.А. Зайончковского, А. Н. Соколова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. – 487 с.
24. Мурзакевич Н.Н. В Московском университете, 1825 // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М.: Современник, 1989. С. 89–96.
25. Пирогов Н.И. Из жизни московского студенчества 20-х годов XIX века // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М.: Современник, 1989. С. 80–88.
26. Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. М., 1950. – 652 с.
27. Полонский Я.П. Мои студенческие воспоминания // Нива. 1898. № 12. Стб. 642–687.
28. Попов Н.А. Из воспоминаний старого студента: (Памяти Пл.С. Нахимова) // Исторический Вестник. 1884. Т. 18. № 12. С. 684–694.
29. Попов Н.А. Император Николай I в Московском университете в 1837 г. // Русская Старина. 1883. Т. 39. С. 589–590.
30. Прозоров П. Белинский и Московский университет в его время (Из студенческих воспоминаний) // Московский университет в воспоминаниях современников. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. С.102–115.
31. Свербеев Д.Н. Из воспоминаний // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М.: Современник, 1989. С. 64–79.
32. Свињин И.А. Воспоминания студента 60-х гг., за 1862–1865 гг. Тамбов: Изд-во Губернского правления, 1890. – 155 с.
33. Соловьев С.М. Записки Сергея Михайловича Соловьева: Мои записки для детей моих, в если можно, и для других. Пг.: Прометей, 1915. – 174 с.

34. Худяков И.А. Записки каракозовца // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М.: Современник, 1989. С. 436–446.
35. Чичерин Б.Н. Воспоминания. Том 1. Москва сороковых годов. Путешествие за границу. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 2010. – 497 с.
36. Шестаков П.Д. Московский университет в 1840-х гг. // Русская Старина. 1887. Т. 55. № 9. С. 641–662.

Литература:

1. Андреев А.И., Змеев В.А., Ильин И.В. История студенчества Московского университета. Т. 1. 1785–1905. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. – 856 с.
2. Андреев А.Ю. «Учености ради изгнанники»: опыт изучения русского студенчества в немецких университетах XVIII - первой половины XIX века // Россия и Германия. Вып. 3. М.: Наука, 2004. С. 72–95.
3. Андреев А.Ю. Возникновение системы российских ученых степеней в начале XIX века // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2015. № 1 (62). С. 62–89.
4. Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М.: Яз. рус. культуры, 2000. – 310 с.
5. Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 640 с.
6. Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М.: Знак, 2005. – 432 с.
7. Андреев А.Ю., Цыганков Д.А. Попечитель Императорского университета в системе народного просвещения Российской империи первой половины XIX в. // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История Русской православной Церкви. 2015. Вып. 4. С.70–97.

8. Андреев А.Ю., Цыганков Д.А. Преподавание церковно-богословских дисциплин и подготовка историков в Императорском Московском университете // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2016. № 1 (68). С. 45–64.
9. Анненков А.М. Российское студенчество первой трети XIX века в воспоминаниях современников // Культура исторической памяти: Материалы науч. конф., 19- 22 сент. 2001 г. / Ред.-сост. А.В. Антощенко. Петрозаводск, 2002. С. 106–115.
10. Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. Л.: Прибой, 1929. – 321 с.
11. Арстанова А.Г., Воронова А.А. Особенности студенческого досуга и быта в российских университетах в первой половине XIX в. // Астраханские Петровские чтения. Материалы VI Международной научной конференции «Петр Первый и имперские практики фронтального пространства». Астрахань, 2022. С. 56–60.
12. Афанасьев Э. Федор Иванович Буслаев // Буслаев Ф. О литературе: Исследования; статьи. М.: Худож. лит., 1990. С. 3–27.
13. Белянский М.Т. М.В. Ломоносов и основание Московского университета. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. – 312 с.
14. Биографии университетских архивов / Под ред. Е.А. Вишленковой, К.А. Ильиной, В.С. Парсамова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 300 с.
15. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского московского университета за истекающее столетие, со дня учреждения янв. 12-го 1755 г., по день столетнего юбилея янв. 12-го 1855 г., составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 г. Т. 1-2. М.: Унив.тип., 1855.
16. Виртшафтер Э.К. Социальные структуры: Разночинцы в Российской империи. М.: Логос, 2002. – 272 с.

17. Висковатый П.А. М.Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. М.: Издание В.Ф. Рихтера, 1891. – 454 с.
18. Вишленкова Е.А. Казанский университет александровской эпохи. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2003. – 240 с.
19. Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 648 с.
20. Вишленкова Е.А., Ильина К.А. «Воспроизведение себе подобных» в российских университетах первой половины XIX века: препринт. М.: НИУ ВШЭ, 2011. – 52 с.
21. Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. – 500 с.
22. Владимирский-Буданов М.Ф. История Императорского университета св. Владимира. Т. 1. Университет св. Владимира в царствование императора Николая Павловича. Киев: Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1884. – 674 с.
23. Гелла Е.И., Качемцева Л.В. Формирование комплекса университетских зданий в Харькове в первой трети XIX века // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2015. № 3 (14). С. 122–131.
24. Грибовский М.В. «Не дело студентов назначать себе преподавателей»: конфликты между профессорами и студентами российских университетов на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 71–76.
25. Грибовский М.В. Лекция как форма организации учебного процесса глазами университетских профессоров и студентов конца XIX – начала XX в. // Философско-педагогическое наследие С.И. Гессена и современные проблемы образования, воспитания, культуры. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием – традиционных

- пятых Гессеновских чтений, посвященных 130-летию со дня рождения С.И. Гессена. Томск, 2020. С. 52–56.
26. Григорьева М.В. Первые студенты Харьковского университета // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 4. С. 58–62.
27. Гриценко А.И. «Один из главных чиновников университета»: роль инспектора студентов Московского университета в жизни студенчества в николаевское время // Клио. 2023. № 8(200). С. 90–97.
28. Гриценко А.И. Бытовые условия жизни казённых студентов Московского университета середины XIX в. в зеркале административных документов // Клио. 2024. № 3(207). С. 132–137.
29. Гриценко А.И. Казенномоштные студенты Московского университета второй четверти XIX века как социальная группа // Человеческий капитал. 2022. № 8(164). С. 25–38.
30. Гриценко А.И. О болезнях казенных студентов Московского университета николаевского времени и борьбе с ними (по материалам ЦГА г. Москвы) // Ars Historica. Сборник научных статей. Вып. 14. Архангельск, 2022. С. 12–15.
31. Гриценко А.И. Студенческие обструкции в Московском университете второй трети XIX века как форма протестной активности // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 4. С. 48–55.
32. Гришуин П.В. В университет со шпагой // Родина. № 1. 2005. С. 84–89.
33. Гришуин П.В. Виды «вспомоществования» студенчеству Петербургского университета в пореформенное время (до 1884 г.) // Университетские Петербургские чтения: [300 лет Северной столице: Сборник статей по итогам Всероссийской конференции, 19-20 марта 2003 г.]. СПб, 2003. С. 102–109.
34. Деманова С.В. Конституционное развитие права на получение бесплатного высшего образования в России // Известия Саратовского университета. Серия: Экономика. Управление. Право. 2009. Т. 9. № 2. С. 64–69.

35. Жуковская Т.Н., Казакова К.С. *Anima universitatis: Студенчество Петербургского университета в первой половине XIX века*. М.: Новый Хронограф, 2018. – 576 с.
36. Жуковская Т.Н., Казакова К.С. Русский студент дореформенной эпохи: норма и повседневная жизнь корпорации // *Отечественная история*. 2007. № 6. С. 63–76.
37. Земенков Б.С. Белинский в Москве // *Литературное наследство*. 1951. Т. 57. С. 375–394.
38. Зипунникова Н.Н. Университеты учреждаются для преподавания наук в высшей степени. Российское законодательство об университетах XVIII – начала XX века. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2009. – 436 с.
39. Змеев В.А. Высшая школа России: XVIII век // *Высшее образование в России*. № 3. 2002. С. 132–140.
40. Змеев В.А. Педагогический институт Императорского Московского университета // *Вестник Московского университета*. Серия 20: Педагогическое образование. 2009. № 1. С. 138–144.
41. Змеев В.А. Российское студенчество XVIII века // *Российское студенчество на рубеже веков. Материалы Всероссийского студенческого форума*. М.: Логос, 2001. С. 5–17.
42. Иванов А.Е. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. М.: Новый Хронограф, 2010. – 331 с.
43. Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М.: Новый Хронограф, 2004. – 407 с.
44. Иванов А.Е. Студенчество в России конца XIX — начала XX века: социально-историческая судьба. М.: Новый Хронограф, 1999. – 414 с.
45. Иванов А.Е., Кулакова И.П. Студенческая повседневность: основные направления исследования (XVIII – начало XX вв.) // *Российское студенчество*:

- условия жизни и быта (XVIII – XXI века). Сборник научных статей. М.: МГОУ, 2004. С. 11–15.
46. Императорский Московский университет. Энциклопедический словарь. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 894 с.
47. История Ленинградского университета. 1819 – 1969. Очерки. Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1969. – 664 с.
48. История Московского университета. Т. 1–2. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955.
49. Ищенко О.В. Обструкции как форма протестных акций воспитанников учебных заведений Сибири в конце XIX – начале XX в. // Манускрипт. Т. 14. Вып. 12. С. 2482–2489.
50. Казакова К.С. Механизм социальной опеки дареформенного университета над студентами и выпускниками (на примере Санкт-Петербургского университета первой половины XIX в.) // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы международной научной конференции. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2018. С. 121–126.
51. Казакова К.С. Некоторые особенности учебного процесса в русских университетах первой половины XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2009. № 5 (98). С. 30–37.
52. Казакова К.С. Повседневная жизнь российского студенчества 1800–1850-х годов // Ante Annum. Вып. IV. Петрозаводск, 2008. С. 39–55.
53. Казакова К.С., Жуковская Т.Н. Студенты и инспекторы: от «семейного стиля» к нравственно-политическому надзору (на материалах Педагогического института и Петербургского университета 1800–1850-х гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 2. С. 68–79.
54. Калинина Е.А. Особенности ученических коллективов российских учебных заведений первой половины XIX века // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы международной научной конференции. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2018. С. 130–136.

55. Камоско Л.В. Изменения сословного состава учащихся средней и высшей школы России (30е–80-е годы XIX в.) // Вопросы истории. 1970. № 10. С. 203–207.
56. Климкина Э.В. Реформирование в сфере высшего и среднего образования в последние годы правления Николая I // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 3 (39). С. 13–19.
57. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. – 486 с.
58. Кудж С.А., Голованова Н.Б. О совершенствовании механизмов подготовки научно-педагогических кадров и перспективы целевого обучения в интересах вузов // Российский технологический журнал. № 4. 2020. С. 112–128.
59. Кузнецова А.В. Создание Белорусского учебного округа // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 2. Минск, 2007. С. 135–139.
60. Кузнецова С. «Прекращено употребление самоваров». Как студентов пытались отвлечь от антиправительственных мыслей // Коммерсант-власть. 2016. № 37.
61. Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели. Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М.: Новый Хронограф, 2006. – 336 с.
62. Летопись Московского университета. Исторический факультет. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. – 384 с.
63. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство, 2008. – 412 с.
64. Луговцова С.Л. «Заговор Конарского» и его организатор на страницах следственного дела 1838–1839 гг. (По материалам Литовского государственного исторического архива в г. Вильнюсе) // Российские и славянские исследования. Сб. научных статей. Вып. 5. Минск, 2010. С. 106–112.

65. Мақарова Н.В. Студенчество в XIX веке: быт и нравы // Российское студенчество: условия жизни и быта (XVIII–XXI века). Сборник научных статей / отв. ред. Ю.А. Поляков. М., 2004. С. 58–66.
66. Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 448 с.
67. Маркин В.Л. Идущие впереди. Студенты и преподаватели Московского университета в общественно-политической жизни России начала XX века. Йошкар-Ола: МОСИ – ООО «СТРИНГ», 2013. – 194 с.
68. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. / Ред. Б.П. Козьмин. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1956–1960.
69. Мельгунов С.П. Из истории студенческих обществ в русских университетах. М.: Журн. «Правда», 1904. – 71 с.
70. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1–2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
71. Насонкина Л.И. Московский университет после восстания декабристов. М.: Изд-во МГУ, 1972. – 341 с.
72. Никулина Н. М. Малов, Михаил Яковлевич // Императорский Московский университет: 1755–1917. Энциклопедический словарь. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 417.
73. Новиков М.В., Перфилова Т.Б. «Мрачное семилетие» в истории российских университетов // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4. Т. 1. С. 7–15.
74. Образование и просвещение в губернской Казани. Сб. статей. Вып. 4. Казань: Изд-во «ЯЗ»; Институт истории АН РТ, 2012. – 244 с.
75. Олесич Н.Я. Ленин и революционное студенчество России. М.: Политиздат, 1982. – 254 с.
76. Очерки по истории Московского университета // Ученые записки МГУ. История. Вып. 50. М.: Изд-во МГУ, 1940. – 95 с.

77. Пенчко Н.А. Библиотека Московского университета с основания до 1812 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 162 с.
78. Пенчко Н.А. Основание Московского университета. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1953. – 192 с.
79. Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т.4. Ч.2. Студенчество. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. – 463 с.
80. Поляков М. Студенческие годы Белинского // Литературное наследство. 1950. Т. 56. С. 303–436.
81. Пономарева В.В. Студенты // Университет для России. Т. 4. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. С. 311–375.
82. Посохов И.С. Студенческие обструкции в университетах Российской империи // Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории. № 11. 2008. С. 101–107.
83. Посохов I.C. Студентство університетів Російської імперії XIX – початку ХХ ст.: становлення та еволюція субкультури. Харків: Раритети України, 2013. – 275 с.
84. Посохов С.И. Университет и город в Российской империи (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Харьков: Изд-во ХНУ им. В.Н. Каразина, 2014. – 364 с.
85. Посохов С.И. Университетский город в Российской империи второй половины XVIII – первой половины XIX веков (К вопросу о роли, степени и каналах немецкого культурного влияния) // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 140–165.
86. Посохов С.И. Университеты Российской империи в советской историографии: системообразующие метафоры и тематические сдвиги // Мавродинские чтения-2018. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина / Под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 590–593.

87. Рождественский С.В. Сословный вопрос в русских университетах в первой половине XIX века // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. Ч. 9. Отд. 2. С. 3–28.
88. Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский в петербургской университетской корпорации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 3. С. 29–43.
89. Ростовцев Е.А. Поляки в академической корпорации С.-Петербургского Императорского университета (XIX – начала XX в.) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2014. № 2 (16). С. 194–204.
90. Сватиков С.Г. Русское студенчество прежде и теперь // Путь студенчества. М.: Тип. Г. В. Васильева, 1916. С. 1–19.
91. Сватиков С.Г. Студенческая печать (1755–1915) // Путь студенчества. М.: Тип. Г. В. Васильева, 1916. С. 213–248.
92. Сточик А.М., Затравкин С.Н. Медицинский факультет Московского университета в XVIII в. М.: Шико, 2000. – 464 с.
93. Тебиев Б.К., Кулина С.Н. Гражданином быть обязан: роль студенческих организаций в гражданском воспитании студенчества России второй половины XVIII – начала XX вв.: историко-педагогическое исследование. М., Великий Новгород, 2007. – 142 с.
94. Теория и методология истории / под ред. А.И. Филюшкина. М.: Юрайт, 2022. – 323 с.
95. Терновая Л.О. Экономика студенческой стипендии // Вестник БИСТ. 2017. № 1 (34). С. 81–92.
96. Университет в Российской Империи / под общ. ред. А.Ю. Андреева, С.И. Посохова. М.: РОССПЭН, 2012. – 671 с.
97. Университет для России / Ф.А. Петров, В.В. Пономарева, Л.Б. Хорошилова. Т. 4. Московский университет в николаевскую эпоху. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. – 400 с.

98. Университет для России: взгляд на историю культуры XVIII столетия. М.: Русское слово, 1997. – 352 с.
99. Феофанов А.М. Социальный состав и численность студентов Московского университета во второй половине XVIII – первой четверти XIX вв. // Отечественная история. 2006. № 6. С. 120–125.
100. Феофанов А.М. Студенты казенномкоштные // Императорский московский университет. Энциклопедический словарь. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 699.
101. Феофанов А.М. Студенты Московского университета в городском пространстве (XVIII – начало XIX века) // Вестник университета Дмитрия Пожарского. 2014. № 1. С. 147–168.
102. Феофанов А.М. Студенты Московского университета второй половины XVIII – первой четверти XIX века: библиографический словарь. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. – 478 с.
103. Феофанов А.М. Учебный процесс в Московском университете второй половины XVIII – первой четверти XIX веков // История не учительница... Сборник статей преподавателей и выпускников Исторического факультета ПСТГУ. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. С. 62–93.
104. Феофанов А.М. Студенчество Московского университета XVIII – первой четверти XIX века. М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. – 253 с.
105. Фридман Р. Маскулинность, самодержавие и российский университет, 1804–1863. СПб.: Библиороссика, 2023. – 264 с.
106. Харківський Національний університет ім. В.Н. Каразина за 200 років. Харків: Фоліо, 2004. – 750 с.
107. Цыганков Д.А. В.И. Герье и Московский Университет его эпохи. Вторая половина XIX – начало XX вв. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. – 256 с.
108. Цыганков Д.А. Мировоззренческие основы профессорского служения С.М. Соловьева // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного

- университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 99. С. 36–49.
109. Цыганков Д.А. Московский университет в городском пространстве начала XX века // Университет и город в России (начало XX века). М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 371–460.
110. Цыганков Д.А. Соловьев в коммеморативной практике сообщества московских историков // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2020. № 5. С. 24–47.
111. Цыганков Д.А. Семинар как новое явление на историко-филологическом факультете Московского университета в 1860-е – начале 1870-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2023. Т. 78. № 1. С. 47–62.
112. Цыганков Д.А. Т.Н. Грановский в коммеморативной практике сообщества московских историков // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История Русской православной Церкви. 2020. Вып. 93. С. 57–76.
113. Цыганков Д.А. Традиции Т.Н. Грановского и формирование «московской школы историков»: складывание профессиональной научной среды в Московском университете как проблема трансфера культур // «Быть русским по духу и европейцем по образованию». Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII–XX в. М: РОССПЭН, 2009. С. 244–263.
114. Цыганков Д.А. Университетский попечитель в России: между ценностями европейской науки и государственной службы (вторая половина XVIII – первая треть XIX века) // Полиэтничность России в контексте исторического дискурса и образовательных практик XIX–XXI вв. III Арсентьевские чтения. Чебоксары, 2010. С. 551–565.
- 115 . Шарыкин А.В., Шарыкина Э.А. Образовательная и кадровая политика в области подготовки фармацевтов в Российской империи, первая половина XIX века // Управление образованием: теория и практика. № 3. 2023. С. 149–159.

116. Шевченко М.М. Правительство, народное образование и государственная служба в России в первой половине XIX века // Российская история. 2010. № 6. С. 57–69.
117. Шевченко М.М. С.С. Уваров. Политический портрет // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 27–50.
118. Шевырев А.П. Москва – первопрестольная столица Империи во второй половине XVIII - первой половине XIX века // Московская городская Дума. 1785–1862 гг. От Екатерины II до Александра II. Материалы научно-практической конференции. 2018. С. 43–53.
119. Шевырев А.П. От сессии до агрессии: почему студенческие уличные гулянья в 1860–1890-х гг. превратились в политические протесты // Родина. 2019. № 3. С. 98–101.
120. Шевырев С.П. История Императорского Московского университета. М.: Унив. тип., 1855. – 584 с.
121. Шевырев С.П. Обозрение столетнего существования Императорского Московского университета // Журнал Министерства народного просвещения. 1855. Ч. 85. С.31–54.
122. Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы. Шестидесятые годы XIX века. М.: Наука, 1993. – 272 с.
123. Юркина Н.Н. Эволюция мировоззрения российского студенчества в XIX – начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. №2 (62). С. 10–29.
124. Яновский О.А. Как шли белорусы к своему университету // Интеллигенция и мир. 2018. № 3. С. 46–64.

Диссертации:

1. Гришунин П.В. Студенчество столичных университетов: структуры повседневной жизни. 1820-е – 1880-е гг. Диссертация... канд. ист. наук. СПб, 2005.

2. Казакова К.С. Студенчество Санкт-Петербургского университета в первой половине XIX века. Диссертация... канд. ист. наук. СПб, 2010.
3. Макарова Н.В. Общественная жизнь студенчества России в первой половине XIX века. Диссертация... канд. ист. наук. М., 1999.
4. Маркин В.Л. Студенты и преподаватели Московского университета в общественно – политической жизни России начала XX века. Диссертация... канд. ист. наук. М., 2009.
5. Феофанов А.М. Студенчество Московского университета второй половины XVIII - первой четверти XIX в. Диссертация ... канд. ист. наук. М., 2006.
6. Юркина Н.Н. Повседневная жизнь московского студенчества (1830 – 1890-е гг.). Диссертация ... канд. ист. наук. М., 2006.

Приложения

Таблица 1. Общая численность учащихся (студентов)

Период/ Дата отчета	Численность учащихся (студентов)	Период/ Дата отчета	Численность учащихся (студентов)
1 янв. 1834 г. – 1 янв. 1835 г.	456 (343)	На 1 янв. 1850 г.	902 (902)
1 янв. 1835 г. - 1 янв. 1836 г.	419 (315)	На 1 янв. 1851 г.	821 (821)
На 1 янв. 1838 г.	611 (509)	На 1 янв. 1852 г.	821 (821)
На 1 янв. 1839 г.	677 (568)	На 1 янв. 1853 г.	861 (861)
На 1 янв. 1840 г.	Нет данных	На 1 янв. 1854 г.	975 (975)
На 1 янв. 1841 г.	932 (749)	На 1 янв. 1855 г.	1061 (1061)
На 1 янв. 1842 г.	925 (747)	На 1 янв. 1856 г.	1203 (1203)
На 1 янв. 1843 г.	922 (741)	На 1 янв. 1857 г.	1456 (1456)
На 1 янв. 1844 г.	836 (721)	На 1 янв. 1858 г.	1725 (1725)
На 1 янв. 1845 г.	835 (684)	На 1 янв. 1859 г.	1760 (1760)
На 1 янв. 1846 г.	982 (909)	На 1 янв. 1860 г.	1643 (1643)
На 1 янв. 1847 г.	1099 (1038)	На 1 янв. 1861 г.	1653 (1653)
На 1 янв. 1848 г.	1198 (1198)	На 1862 год	1744 (1744)
На 1 янв. 1849 г.	1165 (1165)		

Таблица 2. Формы содержания студентов

	На казенном	На собственном	Благотворит.	Пансионеров	Получ. Стипендии	Пособие	Восп. разных учеб. зав.	Приказов общ. призрения	В. М. В. Д.	Царства Польского	Учебных округов	Закавказского края	Пед. института
На 1 янв. 1834 – 1 янв. 1835 г.	84	334	21	17									
На 1 янв. 1835 – 1 янв. 1836 г.	71	321	8	19									
На 1 янв. 1838 г.	92	435	26	58									
На 1 янв. 1839 г.	104	471	30	68									
На 1 янв. 1840 г.													
Нет данных													
На 1 янв. 1841 г.	112	610	30	100	9	32							
На 1 янв. 1842 г.	112	573	31	119	8	24							
На 1 янв. 1843 г.	110	590	30	102	7	29							
На 1 янв. 1844 г.	110	558	33	85	27	31							
На 1 янв. 1845 г.	101	567	33	83	7	17							
На 1 янв. 1846 г.	102	657	33	88	2	27							
На 1 янв. 1847 г.	111	746	33	66	4	78							
На 1 янв. 1848 г.	110	868	34	72	29	85							
На 1 янв. 1849 г.	110	840	39	95	32	49							
На 1 янв. 1850 г.	114	542	38	82	32	94							
На 1 янв. 1851 г.	117	560	37	23	20	85	64						
На 1 янв. 1852 г.	119	469	39	29	24	88	53						
На 1 янв. 1853 г.	137	602	10			84	28						
На 1 янв. 1854 г.	140	77(?)	35				23						
На 1 янв. 1855 г.	118	862	39	7			35						
На 1 янв. 1856 г.	102	1011	41				49						
На 1 янв. 1857 г.	104	1265	40				47						
На 1 янв. 1858 г.	140	1465	38				65						
На 1 янв. 1859 г.	140	1503	39				78						
На 1 янв. 1860 г.	140	1399	39				65						
На 1 янв. 1861 г.	128	1403	43					21	9	8	7	30	4
На 1862 год	88	1482	28					26	9	54	21	36	

Таблица 3. Сословное происхождение студенчества

Таблица 4. Конфессиональный состав студенчества

	Православного	Католического	Армянского	Греко-униатского	Лютеранского	Реформатского	Иудейского	Англиканского	Протестантского	Марометанского	Старообрядцы
На 1 янв. 1834 – 1 янв. 1835 г.	394	21	22	2	16	1	-	-	-	-	-
На 1 янв. 1835 – 1 янв. 1836 г.	360	19	14	2	23	-	-	-	-	-	1
На 1 янв. 1838 г.	505	58	11	5	25	6	1	-	-	-	-
На 1 янв. 1839 г.	560	54	13	7	30	8	1	-	-	-	-
На 1 янв. 1840 г.	Нет данных										
На 1 янв. 1841 г.	658	175	8	-	39	10	3	-	-	-	-
На 1 янв. 1842 г.	593	210	7	-	45	9	3	-	-	-	-
На 1 янв. 1843 г.	599	207	3	-	45	14	3	-	-	-	-
На 1 янв. 1844 г.	632	162	3	-	37	7	3	-	-	-	-
На 1 янв. 1845 г.	632	137	1	-	28	5	5	-	-	-	-
На 1 янв. 1846 г.	673	190		-	37	1	5	2	-	-	-
На 1 янв. 1847 г.	763	246	4	-	11	-	5		8	1	-
На 1 янв. 1848 г.	791	313	17	-	60	-	9		4	1	-
На 1 янв. 1849 г.	617	385	7	-	89	-	14	13	34	6	-
На 1 янв. 1850 г.	641	194	7	-	43	-	10	2	3	2	-
На 1 янв. 1851 г.	585	171	11	-	38	-	10	2	2	2	-
На 1 янв. 1852 г.	580	164	12	-	41	5	17	1	-	1	-
На 1 янв. 1853 г.	585	189	14	-	50	3	17	2	-	1	-
На 1 янв. 1854 г.	679	202	18	-	52	6	16	1	-	1	-
На 1 янв. 1855 г.	738	195	20		88	6	7	1	5	1	-
На 1 янв. 1856 г.	843	229	25	-	81	-	10	1	13	1	-
На 1 янв. 1857 г.	973	358	19	-	81	7	11	3	3	1	-
На 1 янв. 1858 г.	1093	456	29	-	99	26	11	4	7		-
На 1 янв. 1859 г.	1112	474	21		108	22	8	6	9		
На 1 янв. 1860 г.	1093	427	15		74	18	4	5	7		-
На 1 янв. 1861 г.	1226	238	18	-	76	79	16	-	-	-	-
На 1862 год	1048	521	45		95	22	13				

Таблица 5. Возраст студентов 1 курса

Период отчета, гг.	факультеты и отделения	Возраст, лет																		Нет данных
		15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31 и более		
за 1834 -1835	Нравственно-политическое отделение	3	7	16	10	8	2	2	1					2						
	Физико-математическое отделение	1	1	4	1		1					1								
	Медицинское отделение		3	2	3	7	8	3	5	2	3		1							
	Словесное отделение		9	9	2	1	3				1									
за 1835 -1836	Нравственно-политическое отделение	1	13	14	13	7	5	3	2											
	Физико-математическое отделение		3	5	4	3	3						1		1					
	Медицинское отделение		6	5	3	4	3	3	1	1	1									
	Словесное отделение	1	4	6	3	1	2	1	3											
на 1 января 1838	I отделение философского факультета		5	3	6		3	2	1				1					1	2	
	II отделение философского факультета		13	8	10	8	4	7	2											
	Юридический факультет		8	9	9	6	9	1	1	1										
	Медицинский факультет		6	6	11	6	9	9	5	4	3	1	1		2		1			
на 1 января 1839	I отделение философского факультета		3	7	6	2	3	3				1								4
	II отделение философского факультета		6	7	5	4	6	3	1											
	Юридический факультет		10	16	21	17	6	9				1								
	Медицинский факультет		4	8	7	7	5	4	5	2	1	1								

Период отчета, гг.	факультеты и отделения	Возраст, лет																		Нет данных
		15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31 и более		
на 1 января 1841	I отделение философского факультета				2	7	4	4	4	1	3	3					1			
	II отделение философского факультета				6	7	8	10	5	1	3	1		1	1					1
	Юридический факультет				10	18	13	17	8	5	4	1	1							
	Медицинский факультет				4	7	15	10	7	3	2	2	2	2	1					
на 1 января 1842	I отделение философского факультета					2		2	4	2	1	1								5
	II отделение философского факультета		4	2	8	8	6	4	4	3	1	1								
	Юридический факультет		2	10	25	27	17	23	5	2	3	2	2							1
	Медицинский факультет		3	6	13	13	11	8	1	2		1								
на 1 января 1843	I отделение философского факультета		2	2	3	7	1	1												
	II отделение философского факультета		5	2	8	6	4	3	1	1	2									
	Юридический факультет		3	10	13	21	16	13	7	3	1	1								1
	Медицинский факультет		2	3	8	16	18	7	1	9	3	1								2
на 1 января 1844	I отделение философского факультета		1	5		4	4	1	1	2										
	II отделение философского факультета		3	4	8	6	7	6	4	2	1									
	Юридический факультет		6	16	18	27	14	6	5	3	2									
	Медицинский факультет		1	1	1	2	2	9	16	13	9	4	3	1	1	3				1
на 1 января 1845	I отделение философского факультета				2	2	1	1	4			1								

Период отчета, гг.	факультеты и отделения	Возраст, лет																	Нет данных
		15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31 и более	
	II отделение философского факультета		6	6	6	11	6	3	1	2									
	Юридический факультет		3	16	23	20	21	15	2	2	2	2						2	
	Медицинский факультет		1	8	10	7	15	6	6	5	7	1				1		2	
на 1 января 1846	I отделение философского факультета	1	1	5	5	7	2	4	3	1				1					
	II отделение философского факультета	1	2	12	7	19	18	11	5	2	3	1							
	Юридический факультет		14	27	25	22	23	15	7	7	4	3			1				
	Медицинский факультет		4	5	13	15	14	12	16	7	6	5	1	1					
на 1 января 1847	I отделение философского факультета			6	1	3	7	1	4	1	2				1	1			
	II отделение философского факультета		2	12	17	11	16	14	10	2		1	2						1
	Юридический факультет		7	24	32	27	23	22	9	9	3	1	1						
	Медицинский факультет		4	13	21	19	24	18	10	6	4	3	1	1	1				
на 1 января 1848	I отделение философского факультета				2	6	4	4	4	3	1	1				1	1		
	II отделение философского факультета		10	11	20	19	12	11	7	5				1					1
	Юридический факультет		8	26	33	37	31	21	11	5	5	2		2				3	
	Медицинский факультет		5	11	15	31	28	24	22	11	4	4	3	2				2	
на 1 января 1849	I отделение философского факультета					3	3	6	6	5	2	1							2
	II отделение философского факультета				4	14	10	18	9	4	3	4	1						
	Юридический факультет		12	23	36	23	25	15	11	8	3		3		1				

Период отчета, гг.	факультеты и отделения	Возраст, лет																		Нет данных
		15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31 и более		
на 1 января 1850	Медицинский факультет	5	8	9	28	27	16	10	18	7	2	4	2	1	1					
на 1 января 1851	I отделение философского факультета			4					1											
на 1 января 1851	II отделение философского факультета			1	3	2	1	2												
на 1 января 1851	Юридический факультет			1	2	4	2	1	1											
на 1 января 1851	Медицинский факультет	6	12	19	12	12	8	6	1	4	5	2			1					
на 1 января 1852	Историко-филологический факультет	2	2	1		1	2													
на 1 января 1852	Физико-математический факультет			2		2	3													
на 1 января 1852	Юридический факультет				3	2														
на 1 января 1852	Медицинский факультет	10	19	19	26	29	12	9	3	3	2	1	1		1					
на 1 января 1853	Историко-филологический факультет			2	1	2	4	1	2			1								
на 1 января 1853	Физико-математический факультет	2	12	7	9	5			2											
на 1 января 1853	Юридический факультет	7	16	16	15	13	2													
на 1 января 1853	Медицинский факультет	8	22	25	31	29	14	8	9	2	2	3								
на 1 января 1854	Историко-филологический факультет	2	4	2	4	2	3													
на 1 января 1854	Физико-математический факультет	4	14	6	7	6	3	2	1	2	1									
на 1 января 1854	Юридический факультет	5	25	26	20	13	4	3				1								
на 1 января 1854	Медицинский факультет	3	22	34	24	38	22	13	9	4	4	3		2						
на 1 января 1854	Историко-филологический факультет	1	8	2										1						

Период отчета, гг.	факультеты и отделения	Возраст, лет																	Нет данных
		15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31 и более	
на 1 января 1855	Физико-математический факультет		3	11	4	4	2												
	Юридический факультет		5	17	9	8	7	1		1									
	Медицинский факультет		12	17	46	35	33	28	21	14	5	4							
на 1 января 1856	Историко-филологический факультет			3	5	4	1	3	2										
	Физико-математический факультет			15	9	7	1	1											
	Юридический факультет			7	12	8	5	1	1										
	Медицинский факультет			12	45	52	66	38	21	18	6	2	3					1	
на 1 января 1857	Историко-филологический факультет		6	1	1	2	1												
	Физико-математический факультет		8	9	9	7	2	4		1									
	Юридический факультет		8	15	21	11	8	7		3									
	Медицинский факультет		1	20	45	51	56	50	38	19	6	10	6	1				1	
на 1 января 1858	Историко-филологический факультет			2	4	7	2		1	3	1	3							
	Физико-математический факультет		11	20	13	10	7	6	2	1		1						1	
	Юридический факультет		10	32	32	22	24	10	13	5	5							1	
	Медицинский факультет		16	45	72	61	42	37	27	13	7	4	1	3	1				
	Историко-филологический факультет				3	7	5	7		8	2			1					
	Физико-математический факультет				13	21	26	13	11	2	2	1	1						
	Юридический факультет				4	21	41	39	27	28	15	9	2	1	1	2			

Период отчета, гг.	факультеты и отделения	Возраст, лет																		Нет данных
		15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31 и более		
	Медицинский факультет	12	30	58	61	58	39	33	19	11	2	4	2	1	1		1	2		
на 1 января 1859	Историко-филологический факультет			2	6	4	2	3	1	3	3	3					1			
	Физико-математический факультет	1	10	27	23	25	8	6	4			2	1	1						
	Юридический факультет			18	41	39	35	14	24	4	2	3		2			1			
	Медицинский факультет	5	20	43	42	44	21	16	12	6	1	1	3	4		2			1	
	Историко-филологический факультет	2	4	1	2	4	1				1									
на 1 января 1860	Физико-математический факультет	10	23	14	11	13	5	2												
	Юридический факультет	8	21	22	15	13	5	5	4	2	1	1								
	Медицинский факультет	11	21	20	21	20	8	2	5	3	1		1	1						
	Историко-филологический факультет	2	4	4	3	5	2	1												
на 1 января 1861	Физико-математический факультет	17	30	35	24	9	10	2	3		1	1								
	Юридический факультет	6	30	34	29	11	15	4			1	1								
	Медицинский факультет	6	18	35	32	21	7	5	3	6	1		1							
	Историко-филологический факультет	1	7	8	10	6	3	1									1			
на 1 января 1862	Физико-математический факультет	6	34	30	40	24	11	4	3	2		2								
	Юридический факультет	5	49	56	59	38	18	6	7	4	4	3	1							
	Медицинский факультет	2	14	22	14	9	6	4	4	2										